

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
*Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики*

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ВЫПУСК
20

*Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1955*

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВЫПУСК

20

*Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1955*

Настоящий выпуск «Следственной практики» подготовлен научными сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР В. П. Власовым, А. А. Выборновой, кандидатом юридических наук В. М. Николайчиком и Э. А. Финном.

Ответственный редактор
20-го выпуска «Следственной практики» —
кандидат юридических наук
Н. А. СЕЛИВАНОВ

УМЕЛОЕ ПРИМЕНЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СЛЕДОВАТЕЛЕМ—ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Задача искоренения преступности в нашей стране требует такой организации работы следственных органов, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым, чтобы была обеспечена неотвратимость наказания преступников, которую В. И. Ленин охарактеризовал как важнейшее условие борьбы с преступностью. Эта задача может быть достигнута лишь высокой культурой предварительного расследования и, в частности, всемерным внедрением в следственную практику научно-технических средств. Необходимо, чтобы следователь не перелагал применение научно-технических средств исключительно на экспертов, а сам овладел соответствующими навыками и использовал эти средства в ходе собирания, закрепления и исследования доказательств, при осмотре места происшествия и других видах следственного осмотра, а также при обысках и прочих следственных действиях.

Разумеется, следователь не должен при этом подменять собой эксперта, так как его выводы, не подкрепленные заключением эксперта, не имеют доказательственной силы. Однако следователь должен умело применять научно-технические средства для того, чтобы обнаружить даже мало заметные следы и вещественные доказательства, сохранить в неизменном виде их свойства как объектов экспертизы, определить на основании предварительного изучения этих объектов вопросы, подлежащие решению эксперты путем, получить данные, необходимые для правильной оценки заключения

экспертизы, использовать до получения результатов экспертизы свои собственные выводы в *оперативных целях*, то есть определить, у кого и что искать, кого и о чем допросить и т. д.

В то же время, как уже указывалось в «Следственной практике»¹, следователь не может ограничиться собственным выводом о том, каким именно предметом оставлены те или иные следы, и т. п. Для придания своим выводам доказательственной силы следователь должен назначить экспертизу. Надобность в экспертизе может практически отпасть лишь в тех случаях, когда ее производство по местным условиям затруднительно, а в то же время других доказательств, имеющихся в деле, вполне достаточно для того, чтобы считать обвинение доказанным.

Те следователи, которые полагают, что следственная техника может найти применение лишь при расследовании определенных категорий уголовных дел, при производстве некоторых видов следственных действий, допускают серьезную ошибку.

Практика показывает, что *нет уголовных дел и следственных действий, характер которых позволил бы заранее исключить применение научно-технических средств*. Их умелое использование позволяет найти «немых свидетелей» при производстве осмотров и обысков даже в тех случаях, когда преступник, зная о предстоящем обыске или осмотре, постарался скрыть следы преступления, а также в случаях, когда по каким-либо причинам следственные действия проводятся спустя длительное время после совершения преступления.

В настоящее время в результате большой работы по оснащению следственных органов криминалистической техникой и обучению следователей ее применению научно-технические средства прочно вошли в повседневную практику, обеспечивая эффективные результаты расследования по самым разнообразным делам.

Задачей настоящего выпуска «Следственной практики» является показ положительного опыта применения научно-технических средств в расследовании преступлений.

---

¹ См. «Следственная практика», вып. 16, стр. 91—92.

Важное место среди научно-технических средств, применяемых следователями, занимает судебно-оперативная фотография. Она позволяет объективно, полно и быстро запечатлеть обстановку на месте происшествия, эксперимента, общий вид и особенности вещественных и письменных доказательств и является прекрасным дополнением к соответствующему протоколу осмотра, обыска, протоколу предъявления для опознания. При проведении следственного осмотра следователь далеко не всегда может (в силу сложности обстановки) точно определить важность различных предметов и следов для расследования дела. Поэтому некоторые детали обстановки могут оказаться невключенными в протокол осмотра. Фотоснимок в таких случаях восполняет пробелы осмотра.

Судебно-оперативная фотография может быть с успехом использована при составлении розыскных и других отдельных требований.

Применение стереофотографии, дающей объемное представление о фотографируемых объектах, позволяет, как видно из статьи, помещаемой в настоящем выпуске «Следственной практики» (см. стр. 152—155), точнее и нагляднее, нежели на обычных снимках, показать результаты осмотра и исследования вещественных доказательств.

Применение цветной фотографии позволяет запечатлеть первоначальный и впоследствии изменяющийся цвет объектов (пятен крови, трупных пятен, кровоподтеков и т. п.), более наглядно зафиксировать обстановку места происшествия и идентификационные признаки различных объектов. Интерес в этом отношении представляет статья следователя по важнейшим делам Главной транспортной прокуратуры СССР Л. А. Мариупольского, описывающего случай применения цветной фотографии (см. стр. 147—151).

Однако надо отметить, что в практике применения следователями судебно-оперативной фотографии все еще имеет место ряд существенных недостатков.

Нередко фотоснимки используются в чисто иллюстративных целях. К делу приобщаются «картинки», ничего не дающие для расследования ввиду их плохого исполнения и несоблюдения правил судебно-оперативной фотографии. Иногда, увлекаясь фотографированием,

следователи игнорируют другие способы фиксации результатов следственных действий, в частности формально подходят к составлению протоколов.

Иногда следователи решают вопрос о доказательственной роли фотоснимков с нарушением процессуального закона, представляя в качестве доказательств по делу снимки, запечатлевшие результаты предварительного исследования вещественных доказательств.

Не всегда соблюдаются разработанные в криминалистике правила производства масштабной, опознавательной и других видов судебно-оперативной фотографии. Это крайне затрудняет, а иногда делает невозможным использование фотоснимков. Иногда следователи не указывают в протоколе, с каких точек проведена съемка, какой предмет подвергался съемке, отсутствует подпись следователя на снимке. В связи с ненадлежащим оформлением проведенной съемки может возникнуть сомнение в достоверности фигурирующих в деле фотоснимков.

Устранение этих недостатков позволит поднять значение судебно-оперативной фотографии в работе следователей. В этой связи заслуживает, в частности, одобрения инициатива работников следственного отдела прокуратуры Воронежской области, доводящего до всех следователей положительный опыт применения судебно-оперативной фотографии (статья т. Коневского, стр. 138—146).

В настоящем выпуске «Следственной практики» помещен также ряд статей, описывающих возможности и значение выявления, фиксации и изучения при помощи научно-технических средств следов рук, ног, орудий преступления, транспортных средств и других следов-отображений.

Об успешном использовании следов пальцев рук при расследовании преступлений сообщается в статьях старшего следователя прокуратуры Тульской области Н. П. Афенко и народного следователя прокуратуры Чоповичского района Житомирской области А. Д. Брублевского. В статье старшего следователя прокуратуры Латвийской ССР К. М. Старобина рассказывается о случае использования в ходе расследования следа ладони преступника, зафиксированного с помощью научно-технических средств.

Применение научно-технических средств при работе со следами ног описывают в своих статьях народный следователь прокуратуры Дотнуского района Литовской ССР С. С. Куклянкис и начальник следственного отдела прокуратуры Астраханской области Н. И. Черноскутова. В частности, т. Черноскутова рассказывает, как по делу об убийстве изучение следователем особенностей дорожки следов, обнаруженной на месте происшествия, дало возможность установить, что угол разворота левой ступни значительно меньше угла разворота правой ступни. Это позволило сделать вывод о том, что лицо, оставившее следы, хромает на правую ногу. Вывод следователя определил дальнейшее направление следствия и помог разыскать преступника.

Статья народного следователя Н. Г. Михеева «Оперативность следователя помогла изобличить преступника» (см. стр. 23—31) показывает значение обнаружения следов орудия преступления. Произведя тщательный осмотр трупа и места его сокрытия, т. Михеев обнаружил следы разруба на костях трупа и на корнях деревьев. Криминалистическая экспертиза отождествила по ним топор, которым пользовался преступник, расчленяя труп и вырывая яму для его захоронения, что явилось веским косвенным доказательством по делу.

Опыт расследования дел, описанных в настоящем выпуске «Следственной практики», показывает, что значение следов при расследовании преступлений не сводится лишь к возможности установить тождество или сходство объекта, оставившего след. Положение следов, их взаиморасположение и особенности позволяют установить ряд деталей исследуемого события, получить некоторые данные о физических признаках, состоянии, профессии, предыдущем местопребывании лица, оставившего их.

Следы не теряют доказательственного значения и тогда, когда по делу собраны прямые доказательства: они дополняют их, служат средством их проверки.

Следы рук являются косвенными доказательствами и могут лежать в основу обвинения лишь в том случае, если определено известно, что эти следы оставлены в связи с расследуемым преступлением.

Следы обутих ног, следы орудий преступления и транспортных средств являются косвенными доказатель-

ствами, более отдаленными от главного факта, нежели следы рук.

По следам ног, орудий преступлений, транспортных средств идентифицируется не лицо, а соответственно обувь, орудие и т. д. Это не дает еще безусловных оснований для вывода, что владелец этих вещей был на месте происшествия или производил определенные действия.

Практика знает преступления, совершенные посредством топора, лома и других орудий, взятых у не-причастных к делу лиц, знает также случаи, когда преступник использует чужую обувь, и т. д. Эти версии, если они объективно возможны по обстоятельствам дела, должны обязательно проверяться.

Отсюда следует то важное правило методики следствия, что результаты осмотра, обыска, воспроизведения обстановки и обстоятельств события (так называемый следственный эксперимент) нельзя переоценивать и нельзя пренебрегать возможностями сориания иных доказательств по делу.

Замкнутая цепь доказательств создается *комплексом следственных действий*, а не одним из них.

Поэтому нельзя увлекаться поисками и фиксацией следов лишь определенного рода. Каковы бы ни были результаты осмотра (обыска), нельзя отказываться от поисков других следов и иных вещественных доказательств.

Следует помнить, что многие ценные данные (направление передвижения, образ действий, положение преступника и потерпевшего в момент происшествия и т. д.) могут быть получены лишь при изучении *совокупности* имеющихся следов.

В результате применения следователем научно-технических средств значительно повышаются возможности сориания и использования мелких по размеру вещественных доказательств (пыли, грязи, пятен различных веществ, волос и т. п.), а также предметов, оставленных на месте происшествия участниками события. Об этом убедительно свидетельствует дело, описанное в статье Н. П. Афенко (см. стр. 11—22). Тщательно изучив окурки, найденные на месте происшествия, и выдвинув по ряду признаков обоснованное предположение о том, что они оставлены преступником, т. Афенко проявил затем исключительное терпение и настойчивость в изучении окурков,

обнаруженных им в местах пребывания обвиняемого. Назначенная следователем криминалистическая экспертиза выделила из большого числа найденных окурков те, для которых были использованы обрывки той же газеты, что и для окурков, найденных на месте происшествия.

Решая вопрос о применении научно-технических средств для выявления и фиксации следов и других доказательств, следователь должен руководствоваться в первую очередь данными о характере и положении того или иного объекта на месте происшествия. Интерес в этой связи представляет дело, описанное в статье старшего следователя прокуратуры Ставропольского края С. А. Кузленкова «Значение правильной фиксации результатов осмотра места происшествия» (см. стр. 97—108).

Весьма важно умело применять научно-технические средства для *фиксации фактических данных*, собранных в результате различных следственных действий.

Здесь на первом плане стоит требование сохранить относящиеся к делу особенности фиксируемого доказательства, принимая при этом *активные меры* предохранения изымаемого объекта от порчи. Применение средств копирования (гипса, дактилоскопической пленки и т. п.) должно производиться лишь при невозможности изъятия предмета в натуре, причем это надо делать с соблюдением правил подготовки следа и других условий, обеспечивающих точную передачу особенностей подлинника.

Учитывая, что по обстоятельствам дела может понадобиться повторный осмотр или криминалистическая экспертиза объекта, разумеется, недопустимо проводить с ним эксперименты, изменяющие его первоначальные особенности.

Надо особо отметить в заключение, что *применение научно-технических средств требует строжайшего соблюдения соответствующих процессуальных норм*.

Показывая положительный опыт наших следователей по овладению научными методами расследования, надо подчеркнуть, что для достижения успехов в применении научно-технических средств нужна настойчивая и напряженная работа. Даже после того, как следователи овладели минимумом знаний, относящихся к использованию научно-технических средств, им необходимо пополнять эти знания и углублять их путем самостоятельных за-

нятий, на учебно-методических конференциях, на семинарах.

Распространение опыта передовых следователей, искусно применяющих научно-технические средства при расследовании преступлений, неустанное совершенствование следователями своего профессионального мастерства будет способствовать дальнейшему повышению качества следствия, дальнейшему укреплению социалистической законности.

Старший следователь прокуратуры
Тульской области
юрист 1-го класса
Н. П. Афенко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СПОСОБСТВОВАЛО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ¹

12 октября 1953 г. мною было принято к производству дело об убийстве учительницы Бабуринской неполной средней школы Кулешовой, поступившее из областного управления милиции. Расследование по делу до передачи его мне вели работники районного отдела и областного управления милиции совместно с работниками прокуратуры района.

Из имевшихся в деле материалов следовало, что Кулешова, пожилая женщина, жила одна. Квартира ее находилась в здании школы. Рядом, в смежной квартире, проживал с августа 1953 года новый директор школы Деев с женой и дочерью. Здание школы находилось на окраине деревни Деминка Щекинского района, недалеко от деревни Бабуринка.

2 октября 1953 г. в 12 часов дня в милицию и прокуратуру Щекинского района из сельсовета поступили телефонные сообщения о том, что Кулешова утром на работу не вышла, дверь ее квартиры закрыта и на стук в дверь и в окна никто не откликается. При этом было высказано предположение, что с Кулешовой что-то случилось, так как на протяжении многих лет работы она никогда на уроки не опаздывала и уезжать никуда не собиралась.

¹ Особенности методики и тактики расследования этого дела описаны в статье «Мастерство следователя», опубликованной в № 7 журнала «Социалистическая законность» за 1954 год. В настоящей статье т. Афенко в основном освещает вопросы использования научно-технических средств.

Для выяснения обстоятельств дела на место происшествия выехали помощник прокурора и народный следователь прокуратуры Щекинского района совместно с работниками милиции и экспертом областного управления милиции.

Как оказалось, работники сельсовета не приняли надлежащих мер для охраны помещения школы и квартиры Кулешовой до прибытия работников прокуратуры и милиции. Около школы толпились окрестные жители. В коридоре, как выяснилось впоследствии, около двери комнаты Кулешовой побывали до двухсот человек. Поэтому попытка применить служебно-розыскную собаку окончилась неудачей.

Из протокола осмотра следовало, что дверь в квартиру Кулешовой была закрыта на внутренний замок. Ее открыли ключом от двери квартиры Деевых.

Квартира Кулешовой состояла из двух комнат. В первой комнате обстановка находилась в некотором беспорядке: на столе стояли стаканы, несколько стеклянных банок, две бутылки с портвейном, лежали остатки пищи, обрывки газеты. Здесь же были найдены две недокуренные махорочные самокрутки, изготовленные из обрывков газеты. На полу осматривавшие нашли надорванный лист местной газеты «Коммунар» за 29 июля 1952 г. (фото № 1). На полу, а также на столе на разбросанных книгах и газетах были обнаружены следы крови.

Труп Кулешовой, прикрытый различными предметами одежды, находился во второй комнате под кроватью головой к стене. Голова трупа была обмотана вязаной кофтой. На теле имелось множество колото-резаных ран. Рот был заткнут белой, пропитанной кровью тряпкой. На большом и указательном пальцах правой руки убитой имелись глубокие резаные раны. Несколько зубов оказались выбитыми; а губы покрыты ссадинами.

Первая комната и труп были сфотографированы, окурки и газеты изъяты. Пятна крови, как указывалось, имелись в разных местах комнаты, но они могли быть образованы и не кровью убитой Кулешовой. Не исключалось, что эти следы оставил преступник, возможно, поранивший себя. В связи с этим с пятен крови были сделаны соскобы. Никаких указаний на наличие других

следов, в частности следов пальцев, в протоколе осмотра не было. Обнаруженным окуркам и куску газеты лица, производившие расследование, не придали должного значения, очевидно, полагая, что, поскольку самокрутки из газеты курила и сама Кулешова и многие из местных жителей, они ничего следствию дать не могут.

Соскобы крови, изъятые с места происшествия, вместе с образцами крови шести лиц, заподозренных в совершении преступления, были направлены на судебно-медицинское исследование. Кровь некоторых из заподозренных совпадала по группе с кровью, обнаруженной на месте происшествия. Однако группа оказалась той же самой, что и группа крови Кулешовой.

Расследование шло по пути допросов всех лиц, которые могли что-нибудь показать по существу события. Было допрошено много лиц, однако из их показаний ничего выяснить не удалось.

Приняв дело к производству, я выехал на место, чтобы ознакомиться с окружающей местностью, зданием школы, квартирой Кулешовой, узнать об образе ее жизни и т. п. Это было необходимо для того, чтобы правильно ориентироваться в показаниях допрашиваемых лиц.

Было установлено, что Кулешова вела замкнутый образ жизни, к ней почти никто не заходил и дверь в свою квартиру она всегда держала закрытой.

Убийство было совершено, вероятно, с целью ограбления, так как в комнатах при осмотре был обнаружен беспорядок и отсутствовали некоторые носящие вещи. Преступника (или преступников, если их было несколько), вероятно, достаточно хорошо знала Кулешова.

Осмотром газеты, изъятой в комнате убитой, было установлено, что она сложена так, как обычно складывают газету для отрывания клочков с целью изготовления самокруток. В некоторых местах на сгибах газета протерлась, была засалена, особенно на тех участках, к которым прикасалась чья-то рука при отрывании кусочка для свертывания самокрутки.

Осмотром окурков удалось установить, что они свернуты из бумаги от газеты «Коммунар», возможно, от той самой, кусок которой был обнаружен на полу в ком-

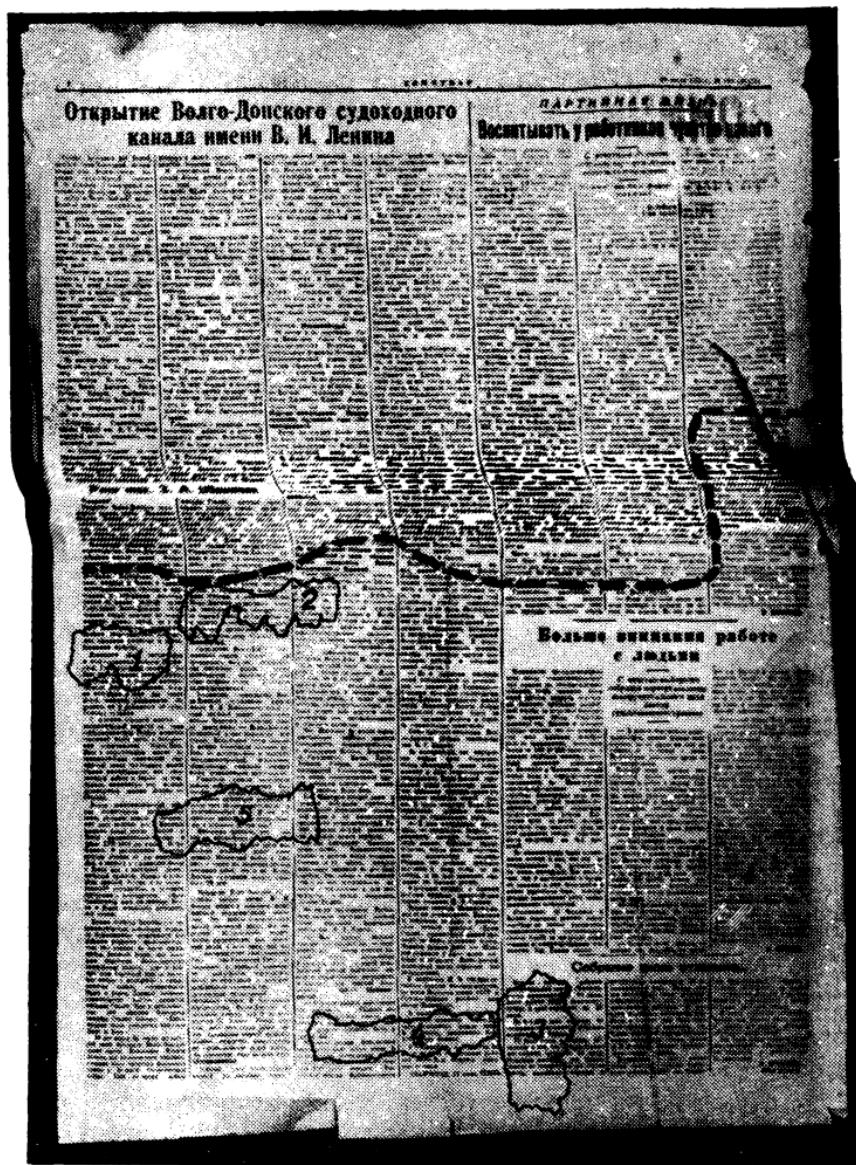

Фото № 1. Лист газеты «Коммунар» за 29 июля 1952 г. Верхняя часть этого газетного листа (отмечена пунктиром) аналогична части газеты, обнаруженной на месте происшествия. Нижняя часть этого газетного листа по содержанию соответствует той части, которая была использована для самокруток, окурки которых следователь обнаружил на месте происшествия (№ 1 и № 2), в гараже (№ 3), в доме Захарова (№ 4) и у дома Фомичевых (№ 5)

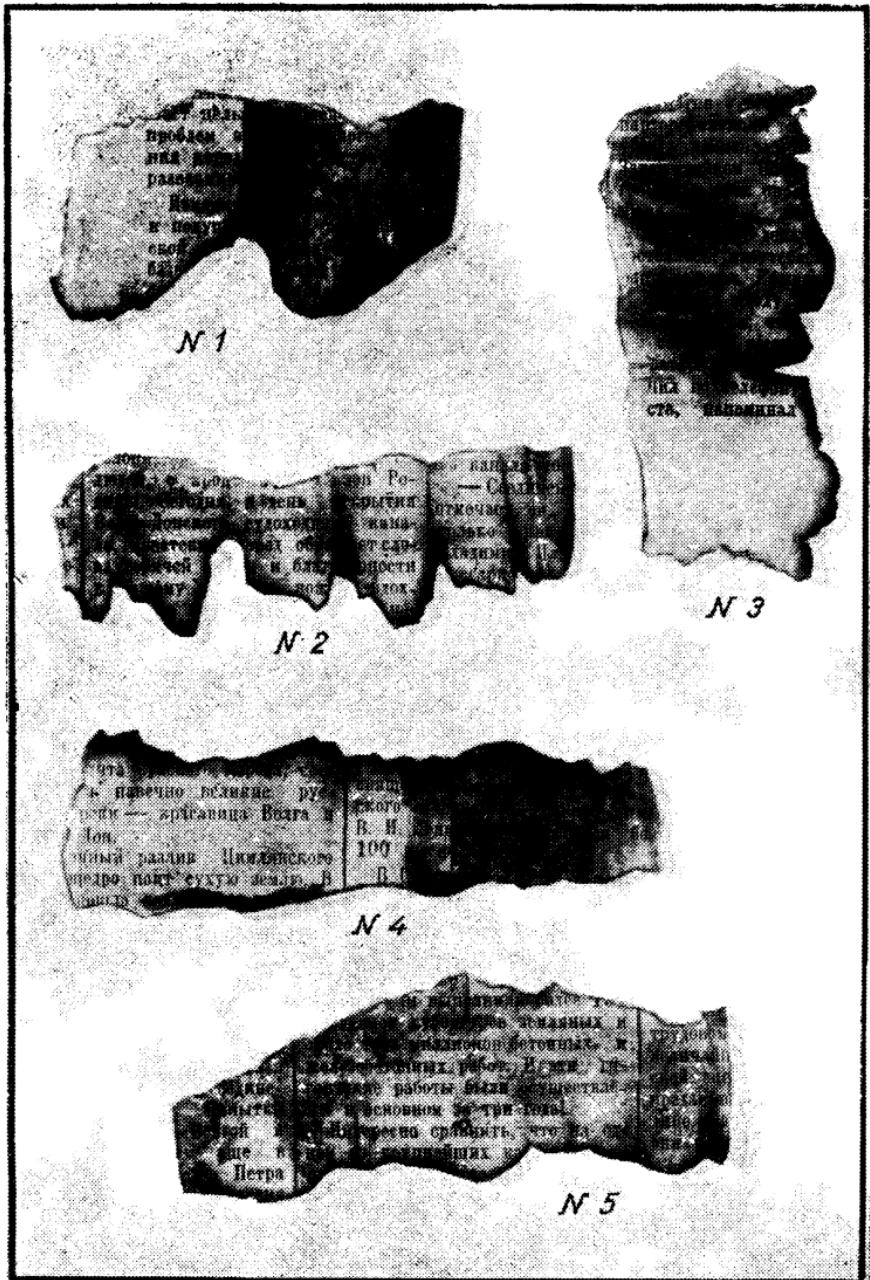

Фото № 2. Окурки, обнаруженные следователем: № 1 и № 2 — на месте происшествия, № 3 — в гараже, № 4 — в доме Захарова, № 5 — у дома Фомичевых

нате Кулешовой. Концы окурков были измяты зубами и смочены слюной.

Все это указывало на то, что газетой пользовалась не сама Кулешова, а какой-то иной человек, возможно, занимавшийся физическим трудом и руки которого были грязными.

Самокрутки, окурки от которых были обнаружены, курила не Кулешова, ибо она, по словам знатавших ее свидетелей, постоянно пользовалась мундштуком (впоследствии этот мундштук был обнаружен).

В соответствии с планом расследования производились допросы свидетелей. Одновременно работники милиции принимали меры к обнаружению исчезнувших из дома Кулешовой вещей и к установлению лиц, которые бывали у нее. Особенno важно было выявить лиц, которые были у Кулешовой накануне убийства.

Соседи Кулешовой, супруги Деевы, на допросе показали, что накануне убийства, то есть 1 октября, часов в 8 вечера к Кулешовой заходила какая-то гражданка. Часов в 10—11 вечера Деевы слышали, как после стука в дверь комнаты Кулешовой последняя впустила к себе кого-то. Примерно до 1—2 часов ночи из комнаты Кулешовой доносился разговор. Но так как одновременно в комнате Кулешовой был включен радиоприемник, то ни одного слова из этого разговора Деевы разобрать не могли. Затем Деевы легли спать и больше ничего не слышали. Плохая слышимость, на которую ссылались Деевы, нашла подтверждение при проверке.

Женщина, приходившая к Кулешовой, была установлена милицией: она оказалась жительницей соседней деревни Деминка, действительно вечером 1 октября приносила Кулешовой молоко и ушла от нее около 10 часов вечера.

Некоторые жители деревни Деминка мне сообщили, что в разговоре с ними некий Васильев, проживающий недалеко от школы, заявил, что «это дело все равно не раскроют».

Из показаний свидетелей я установил, что Кулешова хорошо знала Васильева и он неоднократно заходил к ней. Я заинтересовался личностью Васильева. Оказалось, что он имел судимость.

Будучи допрошен, Васильев категорически отрицал свою причастность к убийству и ссылался на то, что он вечером и ночью 1 октября был дома и никуда не отлучался.

Жена Васильева подтвердила, что муж ее вечером и ночью 1 октября был дома. Она утверждала, что муж спал с ней на кровати — он лежал у стенки, а она с краю.

Однако Васильев на допросах неоднократно утверждал, что спал в ту ночь на печке, а жена на кровати.

Эти противоречия в показаниях вызвали у меня подозрения.

Обыском в доме Васильева были обнаружены и изъяты старая гимнастерка и полушибок со следами, похожими на кровь. Чтобы точно установить, являются ли пятна следами крови, они были направлены на экспертизу. В положительном случае экспертиза должна была определить видовую и групповую принадлежность крови.

На допросе Васильев показал, что на гимнастерке действительно имеются пятна крови, которые образовались в результате того, что он завертывал в эту гимнастерку коровье мясо. На полушибок же, по словам Васильева, кровь могла попасть, когда он колол свинью.

Чтобы предотвратить возможные отговорки Васильева в случае, если на гимнастерке или полушибке будет обнаружена кровь человека, я специально спросил Васильева, не дрался ли он с кем-нибудь, не повреждал ли себе пальцев и т. п. На эти вопросы Васильев ответил отрицательно.

Поскольку квартира Кулешовой была после осмотра опечатана и никто в нее после 2 октября не заходил, я решил произвести повторный осмотр места происшествия.

Предполагая, что при тщательном осмотре могут быть обнаружены следы пальцев или иные следы, и желая обеспечить наибольшую тщательность осмотра и точность фиксации обнаруженного, я пригласил принять участие в осмотре начальника НТО управления милиции по Тульской области П. Ф. Силкина.

При производстве повторного осмотра т. Силкин обнаружил на стаканах из-под вина и стеклянных банках бесцветные пальцевые отпечатки. Были обнаружены также два мундштука, которыми пользовалась Кулешова. Стаканы, бутылки и банки были немед-

ленно направлены в НТО для выявления имеющихся на них следов пальцев с целью использования их для идентификации того человека, который оставил эти следы.

В ходе следствия мною было установлено, что Васильев не курит. Это навело меня на мысль о том, что если преступление совершено Васильевым, у него непременно должен быть соучастник, который курит.

К этому времени я установил, что Васильев был хорошо знаком и часто встречался с неким Захаровым, проживавшим в деревне Бабуришка, на расстоянии около 800 м от школы.

Захаров на допросе подтвердил свое знакомство с Васильевым, однако Васильев это обстоятельство отрицал. Это противоречие вызвало у меня подозрения.

Мной было выяснено, что в предшествовавшие убийству дни Захаров производил по вечерам малярные работы в доме Фомичевых, проживавших рядом с Васильевым, и Фомичевы давали ему для оклейки стен старые газеты. Захаров курил, причем курил махорочные самокрутки.

Произведенным у Захарова обыском был обнаружен оторванный от ученической тетради лист, на котором были написаны простым карандашом слова: «Сам...дрожит боится убют». Я обратил внимание на то, что в слове «убют» отсутствовал мягкий знак. Возникло предположение, что эта запись сделана самим Захаровым и имеет какое-то отношение к убийству Кулешовой и ведущемуся в связи с этим следствию.

Допрошенный по этому поводу Захаров показал, что он этого не писал и что запись, вероятно, сделана кем-либо из его двух детей-школьников. По его словам, запись не имеет никакого отношения к убийству Кулешовой. Однако дети на допросах показания отца не подтвердили и заявили, что их отец плохо пишет и часто не ставит мягкого знака там, где он необходим.

Путем допроса членов семьи Захарова было установлено, что Захаров 3 или 4 октября бросил свою одежду в корыто с водой и предложил жене постирать ее, что последняя и сделала.

Мною было решено при помощи графической экспертизы установить, не выполнена ли запись на листе бумаги Захаровым или его детьми. Экспертиза не смогла ответить на поставленный вопрос ввиду того, что исследуемая запись была выполнена невыработанным почерком. Невыработанным оказался и почерк Захарова и почерки его детей.

На листе бумаги, кроме указанной записи, имелись еще какие-то цифры. Я выяснил, что Захаров работает маляром в тресте «Щекингазстрой» и в последнее время был занят тем, что писал номера на бортах автомашин транспортной конторы треста. Истребован из транспортной конторы наряды, по которым выполнял работы Захаров, я установил, что цифры на листе бумаги, обнаруженному при обыске у Захарова, совпадают с теми номерами, которые он писал на

бортах автомашин. Было также установлено, что Захаров сам заполнял вышеуказанные наряды и действительно, как правило, не ставил мягких знаков.

Все это довольно убедительно подтверждало, что упомянутая запись выполнена самим Захаровым. Однако Захаров продолжал утверждать, что записку он не писал и что она означает — не понимает.

Так «секрет» этой записки остался неразгаданным. Но я убежден, что ее написал Захаров, отразив презрение к своему соучастнику, который, повидимому, волновался по поводу возможности ареста за убийство.

Вскоре милиция получила данные о том, что Захаров вместе с каким-то неизвестным три месяца назад приносил в село Бабуринку дамское пальто, которое они продали за бесценок.

На допросе Захаров признал, что пальто это он украл.

В связи с этим я арестовал Захарова. На допросе он назвал своего соучастника по этой краже — некоего Михина, который вскоре был разыскан милицией и арестован. Удалось разыскать пальто, а также установить гражданку, у которой это пальто было украдено.

Было весьма подозрительным, что Захаров так быстро признал себя виновным в краже пальто. Это наводило на мысль, что он хочет ускорить окончание дела и уйти из поля зрения следственных органов. К такой «тактике» преступники, как известно, иногда прибегают, чтобы уйти от ответственности за более тяжкое преступление.

Вот почему я решил еще раз проверить все материалы дела и найти какие-нибудь улики, изобличавшие Захарова в убийстве Кулешовой.

К этому времени я получил заключение дактилоскопической экспертизы, в распоряжение которой дополнительно была направлена дактилокарта Васильева. Эксперт установил, что на одной из стеклянных банок имеется отпечаток указательного пальца левой руки Васильева (фото № 3).

После этого Васильев был арестован. Однако он продолжал утверждать, что у Кулешовой не был и никакого отношения к ее убийству не имеет.

Спустя несколько дней колхозники деревни Деминка при перевозке стога сена, находившегося на окраине деревни, в 150 м от дома Васильева, обнаружили запрятанные в сене и завернутые в шаль вещи. Об этом тут же сообщили в милицию. При проведении опознания вещей выяснилось, что они принадлежали Кулешовой.

Фото № 3. Таблица к акту дактилоскопической экспертизы. Слева — отпечаток указательного пальца, обнаруженный на одной из стеклянных банок, изъятых из комнаты, где произошло убийство; справа — экспериментальный отиск указательного пальца Васильева на дактилокарте

Во время осмотра этих вещей я обнаружил на шали два пятна, похожие на пятна крови, причем величина, форма, взаиморасположение пятен довольно точно соответствовали двум пятнам на полушибке, изъятом у Васильева.

Не буду останавливаться на подробностях допросов, которые пришлось провести по этому делу. Были среди них и показания, косвенно уличавшие Захарова и Васильева во лжи, например, путаные объяснения их жен. Последние то утверждали, что их мужья в ночь с 1 на 2 октября были дома, то показывали, что их в эту ночь дома не было и что они вернулись лишь утром.

Обратившись к обнаруженным на месте происшествия окуркам и куску газеты, я решил выяснить, что курил Захаров в период, относящийся к совершению преступления, и, в частности, не пользовался ли для изготовления самокруток газетами.

На территории гаража, где раньше работал Захаров, я в присутствии понятых и уборщицы произвел осмотр той свалки мусора, куда уборщица, по ее объяснениям, выбрасывала мусор из помещения, в котором работал Захаров. Несколько человек, осторожно разгребая мусор, выбрали из него все окурки из газетной бумаги и обрывки газет. Все собранное было описано в протоколе и сфотографировано.

На другой день то же самое было проделано в доме и во дворе дома, где жил Захаров, а также в доме и около дома Фомичевых, где, как уже говорилось выше, Захаров выполнял малярные работы.

Мною была назначена криминалистическая экспертиза, в распоряжение которой я представил два окурка и газету, обнаруженные на месте происшествия, окурки и обрывки газет, обнаруженные в гараже, в доме Захарова и в доме Фомичевых.

На разрешение экспертизы были поставлены два вопроса:

1. Не является ли газетная бумага двух окурков, обнаруженных на месте происшествия, частью газеты «Коммунар» от 29 июля 1952 г.

2. Не являются ли частями той же газеты обрывки от окурков, обнаруженных в гараже, в доме Захаровых и в доме Фомичевых.

Экспертиза дала заключение, что газетная бумага двух окурков, обнаруженных на месте происшествия, а также нескольких окурков из числа обнаруженных в доме Захарова, в доме Фомичевых и в гараже (всего было обнаружено около сотни окурков) относится к газете «Коммунар» за 29 июля 1952 г. (фото № 1 и 2). Это достаточно убедительно доказывало, что курил в доме Кулешовой и оставил там окурки и кусок газеты не кто иной, как Захаров.

На приводимой фотографии показано сопоставление обрывков от окурков с частями газеты за один и тот же день.

Вскоре было получено и заключение судебно-медицинской экспертизы, исследовавшей пятна на гимнастерке, полушибке Васильева и на шали Кулешовой. Экспертиза установила, что кровь на гимнастерке является кровью какого-то животного, а кровь на полушибке и шали — кровью человека и относится к первой группе.

Кровь Кулешовой принадлежала к первой группе, а кровь Васильева — к четвертой.

Следовательно, кровь на полушибке не могла принадлежать самому Васильеву. Показание Васильева о том, что кровь на полушибке является кровью свиньи, было опровергнуто. Соответствие формы и размера следов крови на шали следам крови на полушибке Васильева свидетельствовало о том, что эти предметы соприкасались друг с другом, — вероятно, тогда, когда Васильев нес вещи, завернутые в шаль.

Таким образом, обнаружение и тщательное исследование вещественных доказательств полностью замкнуло круг улик и изобличило Васильева и Захарова в совершении тяжкого преступления.

Когда Васильев и Захаров уже содержались под стражей, охрана перехватила записку Васильева к Захарову, в которой Васильев «инструктировал» Захарова, чтобы тот не сознавался в убийстве «учительницы» (Кулешовой). Васильев отрицал, что написал эту записку. Однако графическая экспертиза установила, что написал ее именно Васильев. Это обстоятельство само по себе не являлось доказательством виновности обвиняемых, но воровской жаргон, которым была написана записка, характеризовал личность Васильева.

Несмотря на то, что Васильев и Захаров так и не признали себя виновными, суд нашел обвинение их доказанным и осудил обоих к строгому наказанию.

Народный следователь прокуратуры
Крапивинского района
Кемеровской области
юрист 3-го класса
Н. Г. Михеев

ОПЕРАТИВНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПОМОГЛА ИЗОБЛИЧИТЬ ПРЕСТУПНИКА

5 сентября 1953 г. в 5 часов дня в прокуратуру Крапивинского района Кемеровской области из Салтымаковского сельсовета по телефону сообщили о том, что 1 сентября в тайге, в 10—12 км от села Салтымаково, были обнаружены труп и разбросанные женские вещи, а также потухший костер с полусгоревшей одеждой.

Взяв с собой следственный чемодан, я вместе с сотрудниками милиции и врачом районной больницы немедленно выехал на место происшествия, куда прибыл в 9 часов вечера.

В связи с наступившей темнотой осмотр места происшествия пришлось отложить до утра.

В сельсовете я установил, что труп был обнаружен пасечником Шокуровым, к которому я немедленно отправился.

Шокуров рассказал, что 1 сентября 1953 г., возвращаясь с колхозной пасеки, расположенной в тайге в 8—10 км от поселка Боровушка, по дороге из села Салтымаково в поселок Богданово, он заметил в 10 м от дороги дымок.

Решив, что дымок идет от костра, где, возможно, находятся люди, он, чтобы прикурить, подошел к костру, но там никого не оказалось. В костре горели какие-то вещи. Чтобы не дать им сгореть, Шокуров выхватил из костра свернутое женское платье. При этом из складок платья выпали три исписанных тетрадных листка. Шокуров забрал их с собою, а платье спрятал под корягу.

Кроме платья, в костре оказались обгоревшие остатки женских бот на высоком каблуке, перья какой-то птицы и различные тряпки.

Около костра на сучке пихтового дерева висел вещевой мешок черного цвета. Шокуров снял его с сучка и принес к себе домой. Вещевой мешок он не развязывал и поэтому о его содержимом не знает.

2 сентября утром Шокуров по той же дороге пошел на работу на колхозную пасеку. Дойдя до места, где он накануне обнаружил костер, он стал осматривать местность, прилегавшую к дороге, и увидел в одном месте участок помятой травы и пятна крови. На некотором расстоянии от этого участка трава также оказалась помятой.

Пройдя еще шагов двадцать, Шокуров увидел под кустами свеженбросанный холмик земли. Обнаружение вещей в костре, следов борьбы и пятен крови навело пасечника на мысль, что здесь произошло убийство. Предположив, что под холмиком зарыт труп, Шокуров палкой копнул землю. Его предположения оправдались: из-под земли показались волосы и голова человека.

Шокуров, естественно, испугался. Он перестал раскапывать холмик, но не прекратил изучение местности. Отойдя от холмика еще шагов на двадцать, он заметил под пихтой свернутую в комок одежду — мужские брюки голубого цвета, юбку черного цвета и красный вязаный джемпер. Шокуров вынул эти вещи из-под пихты и спрятал в другое место.

После этого, напуганный всем виденным, он отправился на пасеку, где находился до вечера 4 сентября. 5 сентября Шокуров сообщил в сельсовет об обнаруженном им трупе.

Все это Шокуров рассказал в беседе со мной.

Ночью я выехал из Боровушки в ближайший населенный пункт Салтымаково, где путем опроса граждан установил, что 1 сентября 1953 г. в 9 часов утра из квартиры Губкиной вышла Фетинья Шипина, направлявшаяся в поселок Пезасс. Дошла ли туда Шипина, никто не знал.

Из показаний Губкиной, описавшей одежду и вещи, взятые с собой Шипиной при уходе, можно было предположить, что труп, обнаруженный Шокуровым в тайге, является трупом Фетиньи Шипиной.

Для проведения опознания трупа я выехал на место его обнаружения вместе с Губкиной 6 сентября 1953 г. в 8 часов утра. Вместе со мной кроме Губкиной поехали работник милиции, врач и Шокуров.

Прибыв на место происшествия, я сфотографировал тот участок дороги, возле которого Шокуров обнаружил костер и обгоревшие вещи, а затем измерил расстояние от костра до места захоронения трупа и тщательно осмотрел все место происшествия.

В результате осмотра у края дороги, где трава была особенно сильно примята, на листьях отдельных растений и на траве в радиусе 75—100 см мною были обнаружены следы крови. Каких-либо других следов ни на траве, ни на земле холмика найти не удалось.

После этого я начал разрывать холмик. Под ним оказались две ямки квадратной формы (40×40 см), глубиной в 37—40 см, с захороненными в них частями расчлененного трупа женщины.

Труп был расчленен на 12 частей.

Осмотр частей трупа осложнился тем, что начался сильный дождь, который затруднял работу и мешал фотографированию.

Ямки, в которых был захоронен труп, были, вероятно, вырыты топором, о чем свидетельствовали косые следы разруба на корнях деревьев. Чтобы по следам разруба идентифицировать топор в случае его обнаружения, я изъял несколько корней.

Осмотрев вещи убитой и не найдя на них крови, я пришел к выводу, что как убийство, так и расчленение трупа было произведено убийцей после того, как с жертвы была снята одежда.

На дне одной ямки оказалась окровавленная рубашка. На голове, отделенной от трупа, с правой стороны в области височной доли черепа имелся пролом в форме квадрата.

С целью опознания трупа и вещей я показал Губкиной голову трупа и вещи, найденные возле костра.

Губкина опознала по голове Фетинью Шипину и заявила, что предъявленные ей вещи также принадлежат Шипиной.

Все части трупа были мною сфотографированы и направлены на судебно-медицинскую экспертизу. Последняя установила, что смерть Шипиной наступила в

результате нанесения удара тупым предметом, очевидно, обухом топора, в правую височную область и что расчленение трупа на 12 частей было произведено топором.

Выходы экспертизы подтвердили правильность моего предположения о том, что убийца использовал как для умерщвления, так и для захоронения жертвы топор.

На основании имеющихся данных мною были выдвинуты следующие версии:

1. Шипину убили с целью ограбления неизвестные преступники, скрывавшиеся в тайге.

2. Шипину убили неизвестные преступники после ее изнасилования.

3. Шипину убил колхозный пасечник Шокуров с целью ограбления.

4. Шипину убили лесорубы, работающие на колхозной лесосеке, расположенной в 900 м от места убийства.

Проверка всех выдвинутых версий производилась мною одновременно.

Для проверки версии об участии Шокурова в убийстве Шипиной я решил произвести обыск на пасеке, где он работал. Эта пасека была расположена в 5 км от места происшествия. Однако обыск каких-либо данных, подтверждавших версию о виновности пасечника, не дал.

При возвращении с места происшествия в Салтымаково я обратил внимание на то, что на расстоянии 900 м от места убийства Шипиной в сторону Салтымаково находится лесосека, как пояснил Шокуров, принадлежащая колхозу «Большевик». Шокуров сообщил, что на лесосеке работают по договору с колхозом три неизвестных ему лесоруба.

Войдя в лес, я увидел мужчину и женщину, обрубавших сучья спиленных деревьев. Мужчина назывался Осмоловским, а женщина — Зубатовой.

Осмоловский заявил, что Зубатова — его жена и что они вместе работают в лесосеке, а по соседству с ними работает Андрей Забайкин. Они редко видят его на работе, а последние четыре дня он в лесу не появлялся. Обычно они все втроем noctуют в домике, расположенному в тайге в 250 м от Богдановской дороги.

При осмотре домика мною были обнаружены и изъяты топор, принадлежащий Забайкину, а также два топора Осмоловского и Зубатовой (топор пасечника Шокурова был изъят ранее).

Для того чтобы установить, не оставлены ли следы разруба на корнях деревьев, изъятых из ямок, где были захоронены части трупа, и на костях трупа одним из этих топоров, на экспертизу были направлены четыре топора, указанные корни и одна кость, на которой особенно отчетливо виднелись следы разруба.

Дальнейшим расследованием было установлено, что Забайкин несколько раз был судим, вел замкнутый

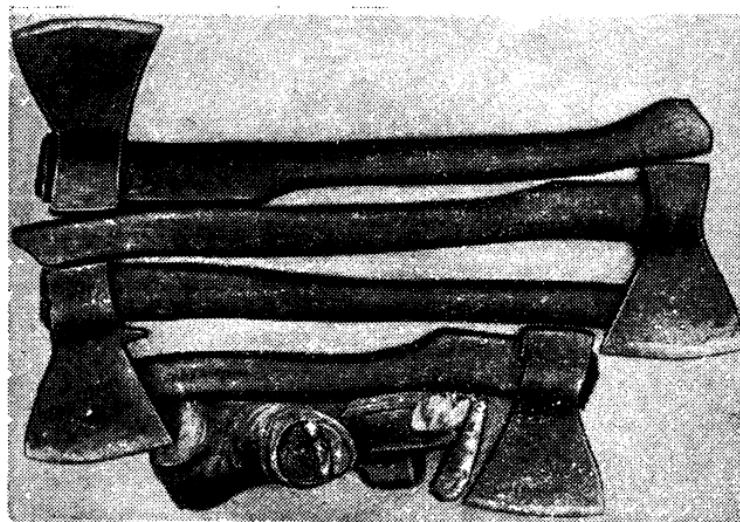

Фото № 1. Четыре топора и корни деревьев, направленные на криминалистическую экспертизу с целью идентификации топора, которым был расчленен труп Фетиной Шипиной

образ жизни. 7 сентября в деревне Сосновка, в 7 км от Салтымаково, на берегу реки Томь я задержал Забайкина. На допросе он давал крайне сбивчивые показания о том, где он находился 1 сентября 1953 г.

Уланов, один из жителей деревни Сосновка, показал, что 1 сентября 1953 г. часов в 10—11 утра в деревню пришла неизвестная женщина с черным вещевым мешком за плечами и расспрашивала, как удобнее пройти на Богданово. Уланов указал ей дорогу через тайгу. В 3 км от Сосновки эту женщину видели колхозницы и на ее вопрос, правильно ли она идет на Богданово, дали утвердительный ответ. Затем неизвестная пошла по Богдановской дороге.

После этого женщину никто больше не видел.

Далее через жителей деревни Сосновка, где неоднократно бывал и ночевал Забайкин, мною было установлено, что он обычно носил хлопчатобумажную гимна-

Фото № 2. Таблица к акту криминалистической экспертизы, исследовавшей след разруба на корне дерева. Вверху — след на корне дерева; внизу — экспериментальный след топора на пластилине

стерку солдатского образца с двумя карманами и брюки полугалифе. После 1 сентября этой одежды у Забайкина никто не видел.

Забайкин категорически отрицал наличие у него гимнастерки и полугалифе, заявляя, что такой одежды он вообще никогда не имел.

Однако при производстве очных ставок свидетелей Вахрушева и Андреева с Забайкиным первые уверенно подтвердили свои показания о том, что они видели у Забайкина указанную выше одежду.

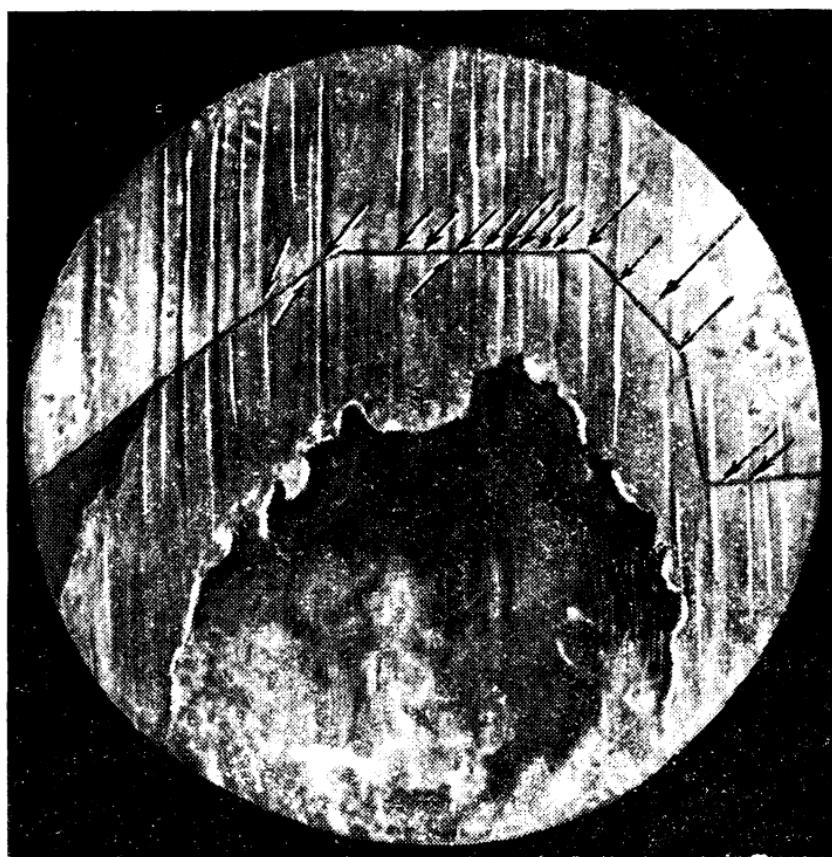

Фото № 3. Таблица к акту криминалистической экспертизы, исследовавшей следы разруба на кости. Внизу — след на кости, вверху — экспериментальный след топора на пластилине

Криминалистическая экспертиза дала заключение, что разруб на человеческой кости и разруб на корнях деревьев произведены топором, принадлежащим Забайкину (фото № 2 и 3).

Под влиянием вещественных доказательств, заключения экспертизы и очных ставок Забайкин понял бесполезность дальнейшего запирательства и 20 сентября дал

подробные показания о совершенном им 1 сентября убийстве Шипиной.

Забайкин собственноручно написал свои показания. Он рассказал, что, увидев в деревне Сосновка незнакомую женщину с вещевым мешком и услышав, что она спрашивает дорогу на Богданово, он решил ее ограбить и последовал за ней. Дойдя до лесосеки, где он работал, взял топор, быстро догнал Шипину и предложил ей отдать ему деньги. Ввиду того, что денег у нее не оказалось, она сняла с себя всю одежду, оставшись в рубашке и тапочках, и отдала Забайкину. Забайкин якобы предложил Шипиной одеть на себя снятую одежду, но она не стала одеваться, а пыталась бежать. Тогда он решил убить Шипину и нанес ей обухом топора удар по голове.

Шипина упала на траву и сразу же умерла.

Собрав вещи Шипиной, Забайкин отошел с ними в сторону и осмотрел их, но денег не нашел.

Решив закопать труп, Забайкин топором вырыл две ямки, разрубил труп на части и закопал его, предварительно сняв с убитой рубашку и чулки, так как последние мешали рубить труп на части. После этого преступник сходил к таежной речке, где тщательно обмыл топор, руки и сапоги. Вернувшись к месту, где он оставил вещи Шипиной, Забайкин отобрал из них наиболее ценные. Остальные, в том числе две пары резиновых бот, гусиные перья и платье, он сжег на костре, а вещевой мешок повесил на сучок пихты.

После этого Забайкин отправился в домик лесорубов, надел поверх окровавленной одежды чистую и ушел в деревню Сосновка, где заночевал в квартире Вахрушева.

2 сентября на берегу реки Томь Забайкин снял с себя окровавленную одежду, свернул ее в комок и забросил в воду¹. Затем он тщательно помылся, надел чистое белье и пошел в Салтымаково за продуктами.

Не довольствуясь признанием Забайкина, я вместе с ним выехал на место убийства и предложил в присутствии понятых показать свои действия в момент совершения преступления.

¹ Следователю необходимо было предпринять поиски одежды Забайкина. Обнаружение этой одежды в реке явилось бы еще одним доказательством виновности Забайкина.—Ред.

Забайкин подробно повторил свой рассказ о том, как им было совершено убийство, показав при этом, на каком месте и какие действия им были совершены. Рассказ Забайкина на месте происшествия я записал в протокол, а указанные им места сфотографировал.

Забайкин был признан виновным в разбойном нападении на Шипину с целью ограбления, то есть по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Забайкин на суде полностью признал себя виновным.

---

*Старший следователь
прокуратуры г. Таганрога
юрист 2-го класса
П. И. Ковтун*

ВАЖНОСТЬ ОБНАРУЖЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В ночь на 30 сентября 1953 г. в отделение милиции г. Таганрога пришли гр-ка В. Р. Тертышная и ее взрослые сыновья Борис и Павел. Тертышная заявила, что несколько минут назад ею совместно с сыновьями был обнаружен труп младшего сына Евгения Тертышного с признаками насильственной смерти. Труп был обнаружен в комнате, в которой проживал Евгений Тертышный.

Работники милиции, прибыв на место происшествия и приняв меры к его охране, сообщили о случившемся в прокуратуру города. На место происшествия выехал дежурный следователь прокуратуры. Однако из-за плохого освещения следственный осмотр был отложен до утра¹.

Расследование по делу прокурор города поручил мне как старшему следователю городской прокуратуры. Рано утром я выехал на место происшествия, взяв с собой следственный чемодан и пригласив судебно-медицинского эксперта. На месте происшествия я в первую очередь опросил свидетелей, чтобы выяснить, при каких обстоятельствах был обнаружен труп и не изменилось ли его положение.

Тертышная показала, что до обнаружения трупа она, находясь в своей комнате, слышала в коридоре чьи-то шаги, а затем видела двух незнакомых мужчин, выбегавших из квартиры Евгения. Заподозрив что-то неладное,

---

¹ В данном случае была допущена ошибка. Надлежало произвести осмотр немедленно, хотя бы при искусственном освещении с тем, чтобы наутро произвести дополнительный осмотр.—Ред.

она закричала и разбудила своих сыновей Бориса и Павла.

Войдя втроем в комнату Евгения, они обнаружили его мертвым. Объяснения Бориса и Павла не противоречили рассказу их матери.

Произведя предварительный осмотр дома Тертышных, я выяснил, что в нем три квартиры. В первой, состоящей из двух комнат, проживал Борис Тертышный. В эту квартиру можно было войти только со двора. Вторую квартиру, состоящую также из двух комнат, занимали Тертышная и ее сын Павел. В третьей квартире, состоящей из прихожей и одной большой комнаты, проживал Евгений Тертышный. Вторая и третья квартиры имели общий коридор (фото № 1).

В комнате Евгения Тертышного стояли кровать, на которой лежал труп, квадратный стол, круглый стол, этажерка с книгами, мягкое кресло. На двери не было никаких запоров. Труп лежал на кровати, на спине, ноги были слегка раздвинуты; голова несколько наклонена вправо; руки лежали на животе и были несколько вытянуты. Одежда трупа (брюки, куртка и майка), подушка и матрац были обильно залиты кровью. Кровь залила также лицо и кисти рук. Брызги крови были на спинке кровати, на двух стенах комнаты, составлявших угол, где находилась кровать, а также на стоявшем у кровати кресле и на полу комнаты на расстоянии до 3,5 м от трупа.

Эти данные с очевидностью убеждали меня в том, что убийство совершено в этой комнате на кровати, а не где-либо в другом месте.

На трупе имелось несколько повреждений. В верхненаружном отделе правой глазницы, ниже надбровной дуги виднелась рана размером 5×4 см. Рана имелась также в верхне-внутреннем отделе края правой глазницы ($2,5 \times 0,8$ см). Евгений Тертышный был также ранен в лобную область справа.

Края всех указанных ран были неровными. В правой половине груди виднелся обширный кровоподтек.

На задней и боковых поверхностях тела имелись трупные пятна, которые после надавливания побледнели и цвет которых долго не восстанавливался.

Трупное окоченение во всех мышцах было хорошо выражено.

На основании вышеуказанных данных судебно-медицинский эксперт установил, что со времени наступления смерти прошло 12—16 часов.

На правой щеке трупа, на шее и на пальцах рук при тщательном осмотре были обнаружены мелкие частицы земли, в виде пыли. Этому обстоятельству я придал серьезное значение. На основании формы ран и частиц земли можно было предположить, что в качестве орудия убийства был использован какой-либо предмет (камень или кирпич), испачканный землей.

Судебно-медицинский эксперт признал такое предположение вполне допустимым.

Однако при осмотре комнаты Евгения Тертышного обнаружить какой-либо камень или кирпич не удалось.

Во время осмотра мое внимание привлек круглый стол, на котором находились бутылка в 0,5 л с небольшим количеством водки (граммов 50), бутылка в 0,25 л также с небольшим количеством (тоже граммов 50) водки, 2 граненых стаканчика, 16 штук слив на куске вошеной бумаги, два куска копченой рыбы, 2 помидора, разрезанные пополам, 4 куска хлеба и столовый нож.

Указанные предметы давали основание предполагать, что перед убийством Евгения в его комнате происходила выпивка и что убийство совершил человек, принимавший участие в этой выпивке.

Однако в расстановке предметов на столе была какая-то нарочитость. Судя по тому, что в бутылках почти не было водки, можно было допустить, что было выпито много. Но к закуске, стоявшей на столе, никто, повидимому, не притронулся. Я не нашел ни одной сливовой косточки, ни одного кусочка недоеденной рыбы! Вряд ли их успели убрать, так как комната, судя по ее состоянию, не убиралась уже несколько дней. Странным казалось и то обстоятельство, что все четыре куска хлеба были очень черствыми. Несмотря на тщательные поиски, мы не смогли обнаружить пробок от водочных бутылок. Лезвие ножа было тупым, с зазубринами и покрыто густым налетом ржавчины. Вполне естественно напрашивался вывод, что обстановка выпивки была кем-то инсценирована.

Труп Тертышного Евгения был мною сфотографирован и дактилоскопирован.

При осмотре я обнаружил несколько слабо заметных следов пальцев, имевшихся на бутылках и стаканчиках.

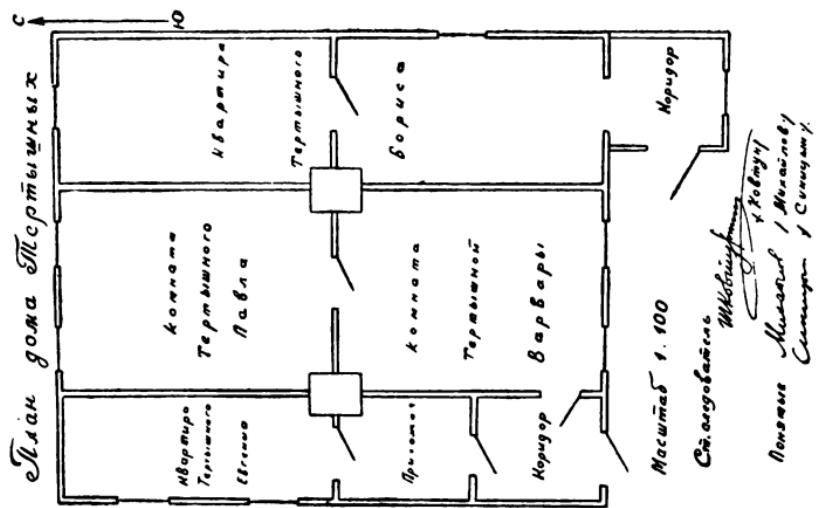

Фото № 1. План дома Тертыших

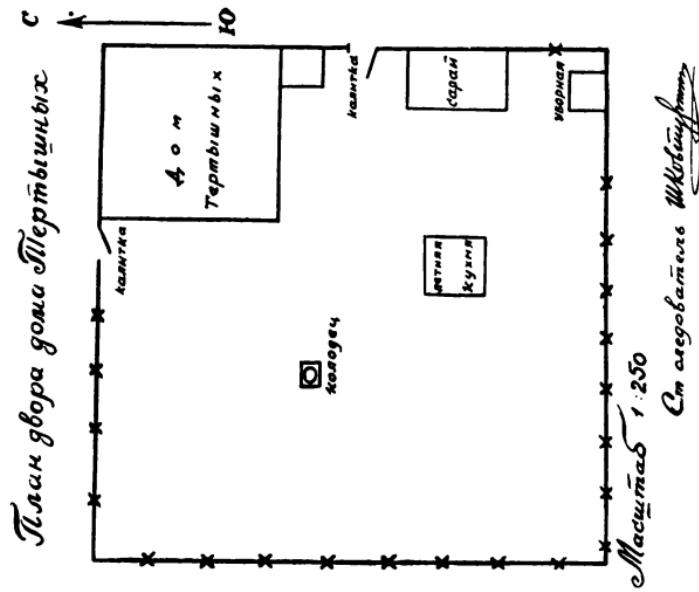

Фото № 2. План двора дома Тертыших

Эти предметы были мною изъяты и упакованы для направления на дактилоскопическую экспертизу.

Во время осмотра я следил за поведением братьев убитого Павла и Бориса и их матери В. Р. Тертышной. Поведение последней мне показалось несколько странным. Действительных материнских переживаний она не проявила, а лишь выразила сожаление по поводу смерти сына. При этом в голосе ее слышалось что-то неискреннее, сделанное.

Осмотрев труп и комнату, в которой он находился, я решил осмотреть все остальные помещения дома Тертышных.

При осмотре комнаты В. Р. Тертышной я обнаружил трикотажную кофту, хлопчатобумажный жакет и дамскую сорочку с пятнами красно-бурого цвета, напоминавшими кровяные. Эти вещи принадлежали В. Р. Тертышной и были изъяты мною для приобщения к делу в качестве вещественных доказательств. В той же комнате мною были обнаружены сливы, завернутые в вощеную бумагу, и копченый лещ.

Окончив осмотр дома, я приступил к осмотру двора и надворных построек (фото № 2).

Допуская, что орудием убийства мог быть кирпич, я при осмотре двора обратил внимание на дорожку, края которой были выложены кирпичами. В одном месте полоса кирпичей прерывалась, причем разрыв по своим размерам соответствовал размеру кирпича. Поверхность земли в этом месте была плотно прижатой, без единой зеленой травинки. Было ясно, что отсюда недавно вынули кирпич (фото № 3). Однако поиски этого кирпича остались безрезультатными.

Во время осмотра я обратил внимание на колодец во дворе позади дома. Колодец был неглубоким, высота воды в нем не превышала 1,5 м. Длительное время с помощью граблей я пытался обследовать дно колодца. Однако найти кирпич мне не удалось.

В результате осмотра места происшествия мною были выдвинуты две версии.

1. Убийство Евгения Тертышного совершено посторонними лицами.

2. Убийство совершено В. Р. Тертышной, одной или совместно с сыновьями.

В целях проверки второй версии была подвергнута тщательному осмотру одежда В. Р. Тертышной, а также ее сыновей Бориса и Павла. На одежде Павла и Бориса ничего подозрительного обнаружено не было. На одежде Тертышной (косынке, юбке и тапочках) оказались пятна красно-бурового цвета. Некоторые из них имели форму брызг.

Косынка, юбка и тапочки были изъяты и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Фото № 3. Дорожка во дворе дома Тертышных, выложенная по краям кирпичами. Стрелкой указано место, где отсутствовал кирпич

На допросе Тертышная показала, что в последний раз она видела своего сына Евгения 29 сентября в 7 часов утра, когда зашла к нему справиться, не пойдет ли он поступать на работу. После беседы с сыном она пошла в артель, в которой раньше работал Евгений, чтобы договориться о возвращении его туда. Затем она в течение всего дня разыскивала Евгения, чтобы сообщить ему о результатах посещения артели. Найти сына она нигде не сумела и к 7 часам вечера возвратилась домой. Не заходя в комнату Евгения, она легла спать.

Тертышная повторила свой рассказ о том, что произошло накануне ночью. Увидев в коридоре двух незнакомых мужчин, она будто бы выбежала во двор и стуком в дверь квартиры Бориса разбудила его. После этого был разбужен Павел.

Зайдя втроем в комнату Евгения, они на кровати обнаружили его труп. Наличие на одежде пятен, похожих

на кровь, Тертышная объяснила тем, что прикасалась к трупу сына.

Тщательно обдумав показания Тертышной, я отметил в них два сомнительных обстоятельства. Если Тертышная действительно 29 сентября весь день разыскивала своего сына, то чем объяснить, что, придя домой, она не узнала, вернулся ли Евгений? Кроме того, мне показалось странным, что ночью Тертышная сначала разбудила Бориса, а не Павла, который жил с нею в общей квартире.

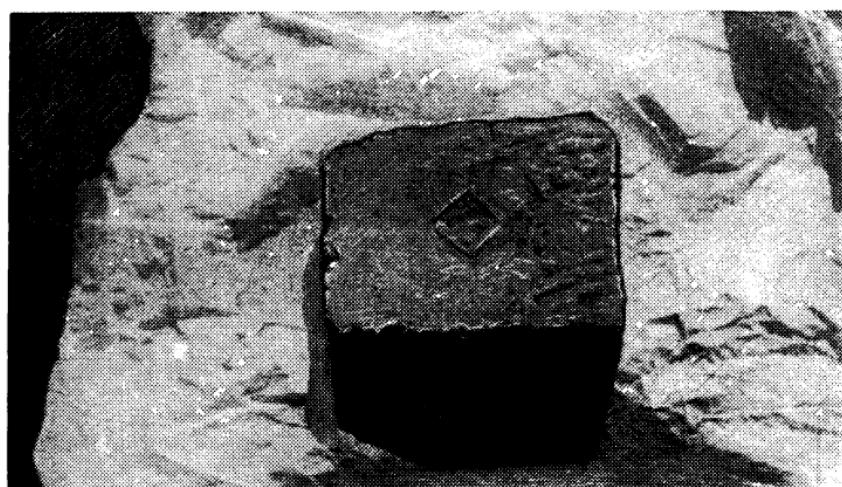

Фото № 4. Кирпич, извлеченный из колодца после того, как пожарники выкачивали оттуда воду

Ведь для того, чтобы разбудить Бориса, надо было выйти во двор, куда побежали неизвестные.

В результате допроса наиболее правдоподобной мне показалась вторая версия — о том, что убийство совершено В. Р. Тертышной.

Я продолжал искать орудие убийства. Поэтому я решил произвести дополнительный осмотр домовладения Тертышных и еще раз более тщательно проверить колодец. Я вызвал пожарную команду и поручил ей *выкачать всю воду из колодца*. Эта работа, выполненная в отсутствие Тертышной, дала успешные результаты. После осушения колодца *на дне его был обнаружен кирпич*, на котором имелись пятна темнобурого цвета, похожие на кровяные. Они сохранились, несмотря на пребывание

кирпича в воде, так как, повидимому, кровь глубоко проникла в поры кирпича (фото № 4).

Интересно отметить, что на следующий день, при дополнительном осмотре углубление, из которого был вынут кирпич, было кем-то заделано другим кирпичом. Это придавало составленному мною протоколу осмотра большое значение. Особенно важную роль приобретал сделанный мною фотоснимок полосы кирпичей, наглядно показавший место, откуда был изъят кирпич, обнаруженный мною в колодце.

Таким образом, в распоряжении следствия было достаточно материалов для вторичного допроса Тертышной, которая, по моему глубокому убеждению, совершила убийство своего сына. Это убеждение подкреплялось и рядом противоречий, имевшихся в показаниях Тертышной и ее сыновей, ее поведением при осмотре трупа и рядом других обстоятельств. Тщательно суммировав их, я приступил к составлению плана нового допроса Тертышной, решив предъявлять ей доказательства в нарастающем порядке.

Вполне резонно было допустить, что, если Тертышная в самом деле убила Евгения кирпичом, то этот кирпич, об изъятии которого она еще не знала, должен был произвести на нее сильное впечатление. Вот почему я решил ей предъявить этот кирпич и показать фотоснимок дорожки, из бортика которой этот кирпич был вынут. Эти вещественные доказательства (то есть кирпич и фотоснимок) я прикрыл газетой с тем, чтобы в решающий момент предъявить их обвиняемой.

В начале допроса Тертышная вела себя спокойно, продолжая утверждать, что Евгения, по ее мнению, убили неизвестные, которые выбежали из их дома в ночь на 30 сентября. Но когда я стал обращать внимание Тертышной на противоречия в ее показаниях и показаниях сыновей, она стала заметно волноваться.

Когда ее волнение, как мне показалось, стало особенно сильным, я сдернул газету, прикрывавшую кирпич и фотоснимок дорожки.

— Узнаете? — спросил я ее.

Тертышная, увидев кирпич, замерла и сильно побледнела. Помолчав, она через некоторое время тихо спросила:

— Как вы могли узнать, что я его выбросила в колодец? Ведь этого никто не видел?

Вслед за этим Тертышная призналась в убийстве сына. Она рассказала, что убийство было совершено ею в тот момент, когда Евгений, будучи пьян, лежал на своей кровати. Причиной убийства явилось грубое обращение с нею со стороны сына. В качестве орудия убийства был использован кирпич, вынутый из бортика дорожки. После убийства она бросила этот кирпич в колодец. Чтобы отвести от себя подозрения, Тертышная инсценировала обстановку выпивки, якобы предшествовавшей убийству Евгения.

В процессе следствия мною были назначены три экспертизы.

1. Судебно-медицинская — для установления причины смерти, времени ее наступления, типа и вида орудия убийства, состояния потерпевшего в момент убийства.

2. Дактилоскопическая — для установления принадлежности следов пальцев на бутылках и стаканах В. Р. Тертышной и ее сыновьям Борису, Павлу и Евгению.

3. Биологическая — для исследования пятен на одежде Тертышной и кирпиче, извлеченном из колодца.

Особенно ценным оказалось заключение биологической экспертизы, которая установила, что пятна на кирпиче и на одежде Тертышной являются пятнами крови человека и что группа этой крови совпадает с группой крови убитого.

Отпечатки пальцев на бутылках и стаканах оказались для исследования непригодными, ввиду их ограниченных размеров и нечеткости.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть Евгения Тертышного наступила вследствие повреждений в области головы, лица и груди, причиненных тупым предметом.

В процессе следствия была установлена непричастность к убийству Бориса и Павла Тертышных: убийство сына В. Р. Тертышная совершила одна.

Народный суд 1-го участка Орджоникидзевского района г. Таганрога признал В. Р. Тертышную виновной по п. «а» ст. 136 УК РСФСР.

---

*Старший следователь
транспортной прокуратуры
Донецкой ж. д.
юрист 2-го класса*

И. И. Лысов

ОБНАРУЖЕНИЕ СЛЕДОВ ПАЛЬЦЕВ РУК ПОМОГЛО ИЗОБЛИЧИТЬ ПРЕСТУПНИКОВ

В ночь на 15 апреля 1953 г. в контору 13-й дистанции пути Донецкой ж. д. на ст. Родаково проникли преступники, которые, взломав дверцы железного ящика-кассы, похитили оттуда 29 670 руб. Похищенные деньги принадлежали местному. Преступники сумели попасть в помещение после того, как вынули два оконных стекла и раздвинули прутья железной оконной решетки (см. фото № 1).

При осмотре места происшествия на выставленных из окна стеклах и на настольном стекле были обнаружены следы пальцев рук. Лица, первоначально производившие следствие, выдвинули всего только одну версию — что кража совершена работниками бухгалтерии, помещавшейся в конторе 13-й дистанции пути.

В целях проверки этой версии обнаруженные на месте происшествия следы пальцев рук вместе с пальцевыми отпечатками лиц, заподозренных в совершении преступления, были направлены для сравнительного исследования в НТО управления милиции Ворошиловградской области.

Дактилоскопическая экспертиза установила, что следы пальцев, обнаруженные на месте происшествия, по своим признакам отличаются от отпечатков, представленных в качестве сравнительных образцов. Спустя некоторое время, уголовное дело было прекращено, в связи с тем, что преступники обнаружены не были.

5 декабря 1953 г. в 2 часа ночи группа неизвестных вооруженных людей вновь напала на контору 13-й

дистанции пути. Два преступника с вымазанными автомашинами разбили оконные стекла, проникли в комнату, в которой в это время находилась дежурный диспетчер

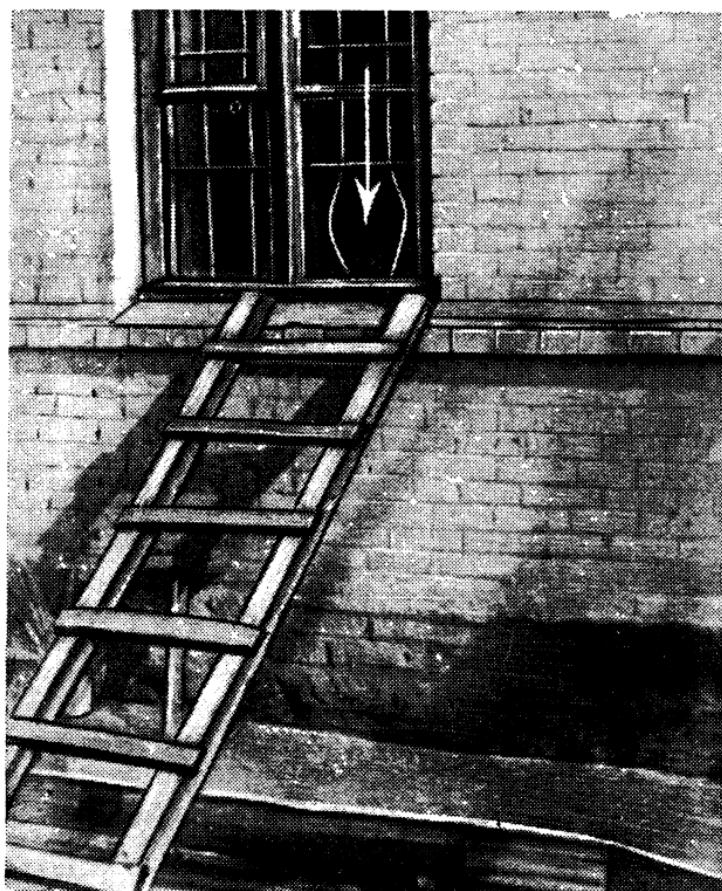

Фото № 1. Окно, через которое преступники проникли в помещение конторы 13-й дистанции пути. Стрелкой показаны прутья железной решетки, раздвинутые преступниками

Тимашева. Преступники были вооружены: один пистолетом «ТТ», другой большим кухонным ножом. Под угрозой оружия они заставили диспетчера лечь под стол лицом вниз.

После этого преступники открыли входные двери конторы и впустили своих соучастников.

Погрузив на автомашину сейф, в котором находились

деньги в сумме 51 143 руб., облигации государственных займов на сумму 3125 руб. и документы, и вывернув из телефонной трубки микрофон, преступники скрылись.

Диспетчер Тимашева из другого помещения конторы по телефону сообщила о случившемся начальнику 13-й дистанции пути. Начальник дистанции пути поставил об этом в известность линейный пост милиции на ст. Родаково. В 7 часов утра на место происшествия выехала

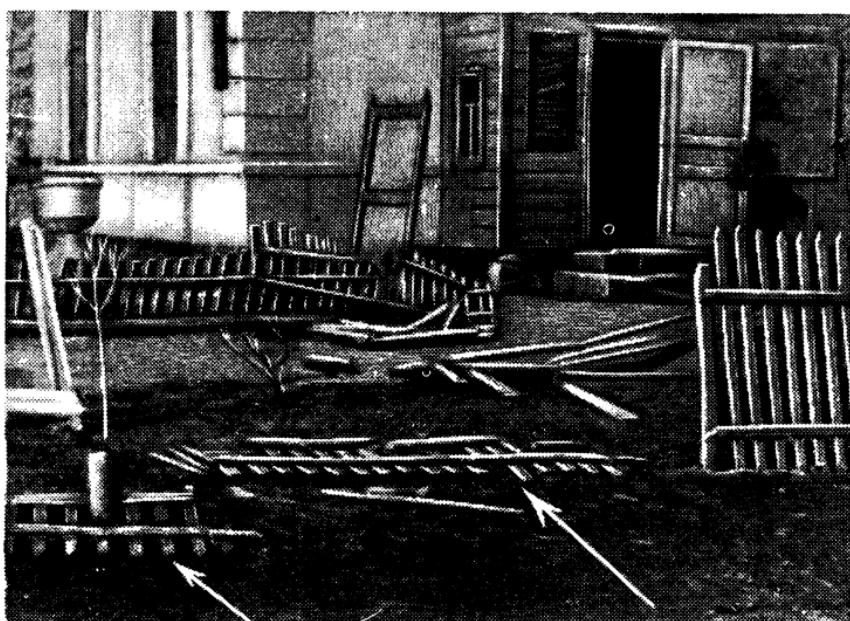

Фото № 2. Выкрашенный зеленой краской штакетный забор, поваленный автомашиной

группа работников милиции. О происшедшем милиция сообщила транспортному прокурору Ворошиловградского участка Донецкой ж. д.

Осмотр места происшествия произвели работники милиции, которые во дворе около крыльца обнаружили следы автомашины и *узкий валик угольной пыли*. *Длина валика соответствовала ширине кузова автомашины* и это давало основание предположить, что преступники увезли сейф на самосвале, который ранее использовался для перевозки угля. Угольная пыль, повидимому, высыпалась при подъеме кузова для погрузки сейфа.

Судя по характеру следов автомашины, они были образованы шинами со стертым рисунком протектора. Следы вели от здания конторы через цветочную клумбу, сломанную садовую скамейку, поваленный штакетный забор (фото № 2) к Вокзальной улице поселка Родаково. Далее они имелись на мостовой Вокзальной улицы и на проселочной дороге, которая вела по направлению к селу Белое.

Двигаясь по этим следам, работники милиции на обочине дороги, недалеко от так называемой «Плоской балки», обнаружили похищенный сейф со взломанными дверцами (фото № 3). В сейфе оказались облитые бензином и обгоревшие бухгалтерские документы.

Фото № 3. Сейф, обнаруженный работниками милиции на обочине дороги

брюк обнаружили 18 981 руб., а также две книжки корешков квитанций об уплате квартплаты конторе 13-й дистанции пути. Деньги находились в специальных бандеролях, которые обычно используются банком при их упаковке.

Шофер оказался Петром Ивановичем Земляковым, а бандероль, предъявленная работникам банка, позволила установить, что деньги с такой упаковкой были получены 4 декабря 1953 г. кассиром 13-й дистанции пути.

При осмотре автомашины, на которой работал Земляков, в кузове была обнаружена угольная пыль.

К заднему борту кузова, к верхней его части, пристали частицы серебристой краски, по цвету похожей на

краску, которой был покрашен похищенный сейф. На полу кузова нашли пластиинку краски такого же цвета, размером 7×9 см. К задней стороне подушки правой рессоры пристали частицы дерева, выкрашенные зеленой краской. Такой же зеленой краской был покрашен штакетный забор около конторы 13-й дистанции пути, поваленный автомашиной в то время, как преступники пытались скрыться.

Получив сообщение о совершенном преступлении, транспортный прокурор Ворошиловградского участка выехал на место происшествия и произвел осмотр конторы 13-й дистанции пути и прилегающей местности.

Место происшествия, отдельные детали его обстановки, а также сейф, обнаруженный около дороги, были сфотографированы. Были тщательно измерены следы автомашины, обнаруженные на месте происшествия. Сотрудник Госавтоинспекции, произведя исследование следов, установил, что они оставлены автомашиной марки «ЗИС-585».

Будучи допрошен, Земляков показал, что деньги и книжки корешков квитанций он нашел на дороге, около моста через реку Луганку, недалеко от села Меловое Александровского района, когда ехал на автомашине домой в село Замостье.

Свое участие в ограблении кассы в конторе 13-й дистанции пути Земляков категорически отрицал, утверждая, что он ночью находился дома и утром 5 декабря в 6 часов прибыл на работу в гараж.

Допросом матери Землякова было выяснено, что Земляков 4 декабря приехал домой в село Замостье в 9 часов вечера на автомашине и лег спать. Поздно ночью он был кем-то разбужен и уехал на автомашине, не сказав, куда он едет.

Свидетель Фирсюк, проживающая в доме недалеко от конторы 13-й дистанции пути, показала, что в ночь с 4 на 5 декабря в 2 часа 30 минут она была разбужена шумом мотора автомашины. Проснувшись, Фирсюк подошла к окну и выглянула на улицу. Она увидела, как из двора конторы 13-й дистанции пути выехал самосвал. Что было в кузове автомашины, свидетельница не заметила.

Диспетчер Тимашева, дежурившая в ночь с 4 на 5 декабря, показала, что видела только двух преступников,

но опознать их не может, так как их лица были вымазаны автолом. Других преступников она не видела, ибо она под угрозой оружия легла на пол под столом лицом вниз. Однако бандитов, судя по числу голосов в кабинете, было больше четырех. Те два преступника, которых видела Тимашева, были в телогрейках, на одном из них была кепка, на другом — шапка-ушанка.

Земляков, когда его задержали, был в телогрейке и шапке-ушанке, лицо его было почему-то напудрено, а под глазами были заметны маслянистые пятна, похожие на следы автола.

Под давлением собранных следствием улик Земляков сознался в совершении преступления. Он показал, что участвовал в налете на кабинет 13-й дистанции пути, которым руководил человек по имени Александр Фамилии его Земляков не знал.

В целях опознания личности этого человека Землякову были предъявлены три фотокарточки разных лиц. Земляков опознал по фотокарточке некоего Александра Егоровича Исаева как руководителя налета.

9 декабря Александр Исаев был задержан. Он вскоре сознался в совершении преступления и назвал соучастников — своего брата И. Е. Исаева, Ф. И. Шулику и Н. С. Шулику.

Все они в тот же день были арестованы и сознались в том, что принимали участие в налете на кабинет.

А. Е. Исаев в присутствии понятых показал место, где он в земле спрятал деньги (8000 руб.), и сам откопал их.

Н. С. Шулика показал место у железнодорожного моста, где он под камнем спрятал свою долю награбленного. Там оказались 1173 руб., облигации государственных займов на сумму 3125 руб., 22 бланка трудовых книжек, книжка корешков квитанций об уплате квартирной платы и ряд других документов. Кроме того, Н. С. Шулика показал копну кукурузы, в которой он спрятал винтовочный обрез. Этим обрезом Н. С. Шулика был вооружен при нападении на кабинет 13-й дистанции пути.

Ф. И. Шулика показал места, где были спрятаны им 16 000 руб. и пистолет «ТТ», которым он был вооружен во время совершения преступления.

При расследовании возник вопрос о том, не эта ли группа преступников совершила ограбление кассы мест-

кома 13-й дистанции пути, которое произошло в ночь с 14 на 15 апреля 1953 г. В связи с этим в НТО при Ворошиловградском областном управлении милиции в целях проверки были направлены экспериментальные отпечатки пальцев рук обвиняемых для сравнения их со следами пальцев, обнаруженными при осмотре места происшествия 15 апреля 1953 г. Дактилоскопическая экспертиза установила, что следы пальцев на оконном и настольном стеклах, обнаруженные в кабинете 13-й дистанции пути 15 апреля 1953 г., оставлены Александром Исаевым (фото № 4).

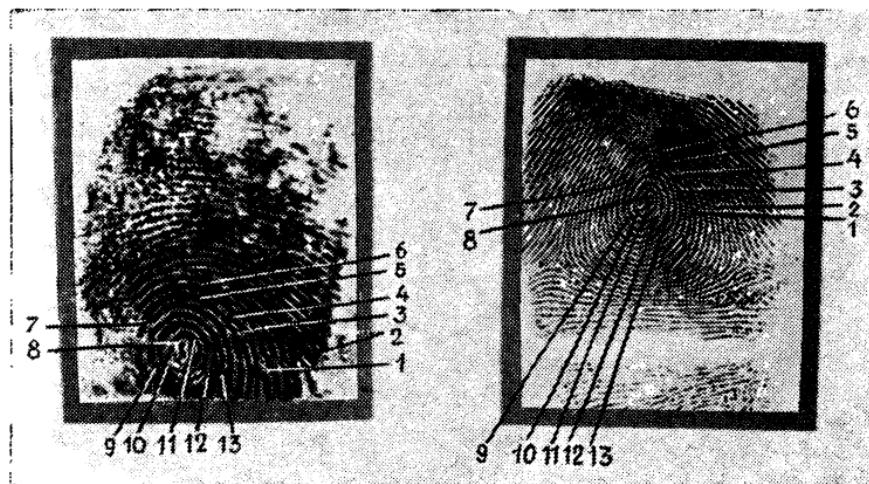

Фото № 4. Таблица к акту дактилоскопической экспертизы. Слева—след пальца, обнаруженный на месте происшествия; справа—экспериментальный след пальца обвиняемого А. Е. Исаева

После ознакомления с заключением дактилоскопической экспертизы Исаев сознался, что ограбление кассы месткома в ночь с 14 на 15 апреля 1953 г. совершил он и что с ним в этом преступлении участвовали его брат И. Е. Исаев и Ф. С. Шулика. Последние подтвердили показания Александра Исаева.

В порядке ст. 107 УПК УССР следствие по делу заканчивалось мною как старшим следователем прокуратуры Донецкой ж. д.

А. Е. Исаев, И. Е. Исаев, Ф. И. Шулика, Н. С. Шулика и П. И. Земляков были осуждены по ст. 56¹⁷ УК

УССР¹, ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а кроме того, А. Е. Исаев, И. Е. Исаев, Ф. И. Шулика по ст. 4 того же Указа, а Ф. И. Шулика и Н. С. Шулика — по ст. 196 УК УССР² и приговорены к длительным срокам лишения свободы.

---

¹ Соответствует ст. 59³ УК РСФСР.

² Соответствует ст. 182 УК РСФСР.

---

*Народный следователь прокуратуры
Ивановского района
Ивановской области
юрист 3-го класса
В. Г. Закин*

ТЩАТЕЛЬНЫЙ ОСМОТР ОБЕСПЕЧИЛ УСПЕХ РАССЛЕДОВАНИЯ

В середине ноября 1953 года милиция г. Кохма Ивановского района получила сведения о том, что в доме братьев Николая и Михаила Шалаевых хранится похищенная ими пшеница, часть которой они продали нескольким жителям г. Кохма.

В доме вместе с Николаем и Михаилом Шалаевыми проживали их бабушка, глухонемая Т. Н. Табаева, и жена Николая Шалаева Т. Л. Чеснокова.

В ночь на 17 ноября милиция произвела обыск в доме братьев Шалаевых. При обыске на чердаке дома были обнаружены спрятанные в сене два мешка пшеницы, общим весом около 120 кг и 15 кг ржи. М. Шалаев, работавший возчиком в совхозе, заявил, что пшеница и рожь им куплены на рынке у неизвестного лица для кормления голубей.

Одновременно были получены сведения о том, что у К. А. Воронкова также имеется похищенная откуда-то пшеница. В результате обыска в дровяном сарае Воронкова в железной банке и в деревянном сундуке была обнаружена пшеница в количестве около 35 кг. Воронков заявил, что обнаруженную у него пшеницу он купил у Шалаевых по цене 2 руб. за килограмм для кормления голубей.

В своей работе я поддерживаю тесный контакт с органами милиции, и о результатах обысков мне сообщил

утром 17 ноября начальник Кохомского отделения милиции майор Гришин.

С целью проверки объяснений М. Шалаева было решено запросить директора Кохомского рынка о том, продавалась ли в ноябре на рынке пшеница. Директор ответил отрицательно и впоследствии представил об этом официальную справку.

Показания М. Шалаева вызывали сомнения и по другой причине. Никакой нужды в таком количестве пшеницы у Шалаевых не было, а покупать ее по цене 2 руб. за килограмм для перепродажи не имело смысла. Я сомневался также и в наличии у Шалаевых свободных средств на покупку ненужной им пшеницы. М. Шалаев, работая возчиком в совхозе, имел невысокий оклад, а его старший брат Николай вообще нигде не работал.

Все это давало серьезные основания полагать, что пшеница похищена в совхозе, где работал М. Шалаев. Дирекции совхоза по телефону было предложено немедленно проверить зерновые склады. Вскоре из совхоза сообщили, что в одном из зерновых складов обнаружены следы хищения пшеницы.

Получив такое сообщение, мы вместе с майором Гришиным немедленно выехали в совхоз для осмотра склада.

Склад представлял собой бревенчатый крытый тесом сарай, размером 9×6 м, оборудованный для хранения зерна. Склад имел один вход в виде двустворчатых тесовых ворот, запирающихся посредством двух висячих замков. При осмотре замки и ворота оказались в исправности, следов орудий взлома на них обнаружено не было. При осмотре склада снаружи, в противоположной входу стене, на высоте 28 см от земли в том месте, где соприкасаются два бревна, было обнаружено отверстие с неровными краями, размером 9×10 см. Оно было проделано путем просверливания в бревнах ряда мелких отверстий, по всей вероятности, буравом. Отверстие это было снаружи замаскировано щепками. На нижней плоскости отверстия, а также на земле около отверстия были обнаружены зерна пшеницы.

При осмотре сарай внутри мы обнаружили, что пшеница насыпана на полу в секциях, разделенных тесовыми переборками. Толщина слоя зерна была от 20 до 50 см. *Около указанного выше отверстия пшеница была вы-*

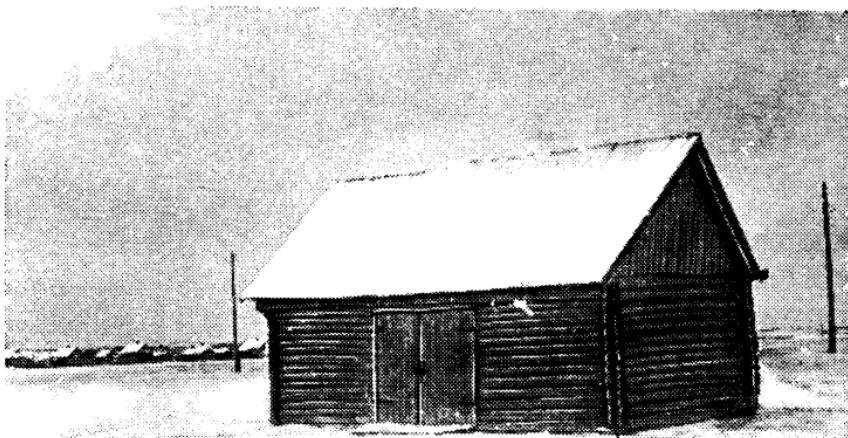

Фото № 1. Общий вид сараев, в котором хранилось зерно

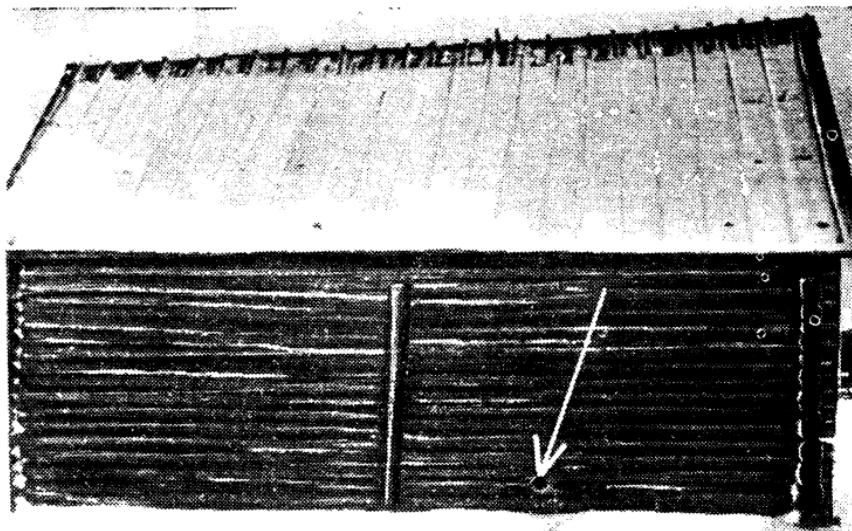

Фото № 2. Задняя стена сараев. Стрелка показывает, где было сделано отверстие

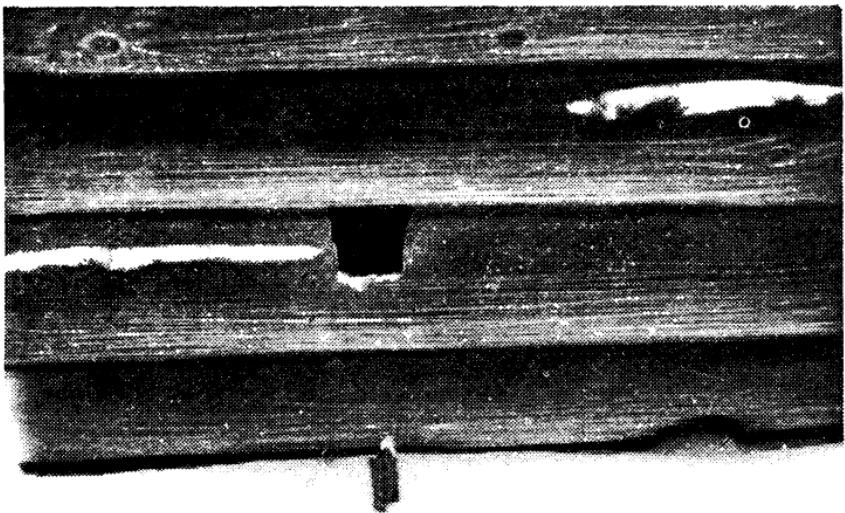

Фото № 3. Отверстие в стене сарая

Фото № 4. Вид на то же отверстие изнутри (зерно перед съемкой было убрано)

брана так, что образовался чистый участок пола, размерами 145×90 см. Рядом с отверстием была обнаружена щепка со следами сверления. Никаких других повреждений или следов в складе обнаружено не было. Помещение склада и отверстие в стене были мною сфотографированы (фото № 1, 2, 3 и 4).

Результаты осмотра указывали на то, что пшеница действительно похищалась через отверстие в стене, однако было несомненно, что рукой дотянуться через отверстие до пшеницы невозможно. Из этого следовало, что преступникам приходилось пользоваться каким-то инструментом для того, чтобы выгребать пшеницу.

Вернувшись в Кохму, я произвел повторный обыск у Шалаевых с целью разыскать бурав и тот инструмент, с помощью которого выгребалась пшеница из отверстия в стене склада.

При производстве повторного обыска я обнаружил под печкой *столярный бурав*, длиной 48 см, диаметр рабочей части которого равнялся 3 см (фото № 5). Кроме того, у входной двери в доме была обнаружена *железная кочерга*, насаженная на неоструганную деревянную палку. В пазу между палкой и кочергой, а также в сгибе самой кочерги было обнаружено несколько зерен пшеницы. Присутствовавшая при обыске бабушка Шалаевых, глухонемая Табаева, жестами показала, что братья, уходя ночью из дома, брали с собой кочергу и бурав.

Для проверки, не этим ли буравом просверливались отверстия в стене сарая, была назначена криминалистическая экспертиза. На экспертизу были направлены выпиленные из стены сарая бревна с отверстием в них и обнаруженный при обыске бурав.

Фото № 5. Бурав, обнаруженный у Шалаевых

Кочерга и имевшиеся на ней зерна были осмотрены в присутствии понятых и сфотографированы.

Пока проводилась криминалистическая экспертиза, я продолжал следствие. Кроме Воронкова, было выявлено еще несколько голубеводов — Н. Ильичев, В. Кулебенин, И. Ильичев. На допросах они показали, что покупали у братьев Шалаевых пшеницу по цене 2 руб. за килограмм. Всего ими было куплено у Шалаевых 90 кг пшеницы. На очных ставках с указанными лицами Н. Шалаев заявлял, что он ничего не знает, пшеницу не продавал, а продавал ее его брат Михаил. Последний признал факты продажи пшеницы, однако продолжал утверждать, что якобы купил эту пшеницу на рынке. Все зерно в складе было взвешено и оказалось, что недостает 457 кг зерна.

Н. Шалаев пытался симулировать психическое заболевание. Однако комиссия экспертов-психиатров признала, что никаких признаков расстройства душевной деятельности у него нет.

С помощью лица, понимающего знаки глухонемых, была допрошена Табаева. Она показала, что однажды ночью оба брата Шалаевы ушли из дома, взяв с собой кочергу, предварительно пересаженную на другой черенок. Вернувшись, они принесли что-то в мешках, которые спрятали на чердаке. На другой день Табаева, поднявшись на чердак за сеном для коз, обнаружила в мешках пшеницу. Таких случаев, как показала Табаева, было несколько.

Криминалистическая экспертиза установила, что отверстие в бревнах стены склада действительно было выскреблено с помощью бурава. Длина рабочей части этого бурава равна длине рабочей части бурава, обнаруженного при обыске у Шалаевых.

Обнаруженная у Шалаевых пшеница была предъявлена кладовщику, агроному и другим работникам совхоза. Все они показали, что эта пшеница по сорту, красному цвету, засоренности и отдельным примесям (зерно в совхозе после молотилки было пропущено через сортировку только один раз и имело примесь зерен ячменя) точно соответствует зерну, которое находилось на складе совхоза¹.

¹ Для точного решения этого вопроса по делу надо было произвести агротехническую экспертизу. Этого т. Заикин не сделал.—Ред.

Когда были собраны все эти уличающие данные, М. Шалаев признал себя виновным и показал, что действительно 10 ноября ночью, он, зная как устроен склад, буравом высуверлил отверстие в стене сараев и с помощью кочерги нагреб в мешки пшеницу. Всего в ту ночь он ходил к сараю пять раз и принес каждый раз по мешку. Это повторялось в течение нескольких последующих ночей. Всего им было похищено около 450 кг пшеницы. Как показал М. Шалаев, кражу пшеницы он совершил один и своему брату Николаю не говорил о совершаемых им хищениях. Однако продавал он пшеницу вместе с братом и деньги за проданную пшеницу получал Николай.

Виновность Н. Шалаева подтверждалась также показаниями его жены Чесноковой, которая признала, что ее муж две ночи не ночевал дома. Н. Шалаев не сумел объяснить, где он находился в это время.

Оба брата были преданы суду по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и осуждены к длительным срокам лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Ивановского областного суда, рассматривавшая дело по жалобам осужденных, оставила приговор народного суда в силе.

Большое значение по данному делу имели вещественные доказательства: бурав, кочерга, старый короткий черенок к ней, новый черенок и части бревен из стены склада с просверленным в них отверстием.

Таким образом, тщательный осмотр места происшествия с применением научно-технических средств обеспечил успех расследования.

---

*Народный следователь прокуратуры
Чоповичского района
Житомирской области*

A. D. В р у б л е в с к и й

СЛЕДЫ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА КАК СРЕДСТВО РОЗЫСКА И ИЗОБЛИЧЕНИЯ ПРЕСТУПНИКА

Своевременное получение сообщений о совершенных преступлениях и немедленный, совместный выезд следователя и работников милиции на место происшествия имеет чрезвычайно важное значение для успешного расследования дела и розыска преступников. Тщательный осмотр места происшествия вскоре после обнаружения преступления позволяет следователю и милиции выявить важные для дела следы и вещественные доказательства, изобличающие преступника и дающие милиции возможность организовать его поимку.

Дело, о котором я хочу рассказать, удалось быстро расследовать благодаря выезду на место происшествия тотчас после обнаружения преступления.

Вечером 17 декабря 1953 г. в селе Шевченково, расположенном в 12 км от районного центра Чоповичи, неизвестными лицами было совершено вооруженное ограбление квартиры гражданки Мойсеенко. В ту же ночь об этом было сообщено в прокуратуру по телефону. Начальник Чоповичского районного отдела милиции капитан С. И. Гаврилин, несколько работников милиции и я, следователь прокуратуры, немедленно выехали в село Шевченково.

Не доехая полутура километров до села Шевченково, мы встретили группу жителей этого села, которые нам объяснили, что идут по следам подводы, на которой уехали преступники. На свежевыпавшем снегу дей-

ствительно виднелись следы колес подводы. Ввиду того что следы были частично замечены снегом, различить в них какие-либо индивидуальные особенности колес не представлялось возможным.

Мы приняли решение разделиться на три группы: одна группа во главе с капитаном Гаврилиным отправилась по следам преступников для их розыска и задержания; вторая группа во главе с оперуполномоченным Буяновым была направлена на ближайшие железнодорожные станции Стремигород и Чоповичи с целью задержания преступников, если они попытаются уехать поездом, а третья группа во главе со мной отправилась в село Шевченково для осмотра места происшествия и допроса свидетелей.

Прибыв в село Шевченково, мы решили подождать рассвета для производства тщательного осмотра, а пока, ознакомившись с местом происшествия, подробно допросили потерпевшую Моисеенко. Последняя показала, что часов около восьми вечера 17 декабря она, выйдя во двор своего дома, заметила двух неизвестных, которые направлялись от леса к ее дому. Поскольку в этот вечер Моисеенко была дома одна с малолетним сыном, она быстро вбежала в дом и закрыла дверь на засов. Неизвестные подошли к двери и потребовали впустить их в дом, заявляя, что они являются представителями власти и им нужно осмотреть дом. Моисеенко открыть дверь отказалась, заявив, что осмотры надо производить в дневное время. После неудачной попытки выломать дверь неизвестные подошли к одному из окон и стали ломать ставни. При этом в комнату был произведен выстрел. Моисеенко со своим сыном влезла на печь.

Выломав ставни, в дом через окно прорезли двое мужчин на вид лет 20—25, одетые в стеганые ватники, и, как сказала Моисеенко, «чернявые». Обнаружив на печи Моисеенко, преступники связали ей руки и, приказав молчать, стали выносить из дома различные носильные вещи.

Преступники забрали большое количество вещей и продовольствия (колбасу, мясо и т. п.), затем они провели, не развязала ли Моисеенко себе руки, связали ей еще и ноги и, приказав до утра никуда не выходить, покинули дом. Подождав некоторое время, Моисеенко с помощью сына сумела развязать руки. После этого она раз-

вязала ноги и побежала в сельсовет, где заявила о случившемся.

Получив такие сведения, мы по телефону разыскали т. Гаврилина, находившегося к этому времени в одном из сел за 20 км от Шевченково, и сообщили ему об обстоятельствах совершения преступления и приметах преступников.

Капитан Гаврилин тем временем добрался по следам повозки до села Липчаны, взял там колхозную автомашину и поехал на ней дальше по следам, которые привели его в село Каленское к дому Анастасии Каленской. В доме был немедленно произведен обыск, в результате которого удалось обнаружить довольно большое количество колбасы, мяса, а на лавке, в углу обрез трехлинейной винтовки без патронов. Дочери Каленской и ее зятя Федоровича в доме не оказалось. О том, куда они уехали и откуда попали в дом обнаруженные вещи, Каленская давала путаные показания. Обнаружив, что следы повозки от дома Каленской ведут дальше, т. Гаврилин и сопровождавшие его работники поехали по этим следам.

Примерно километра через полтора они встретили подводу, в которую была запряжена серая лошадь. На повозке находились двое мужчин, оказавшиеся Федоровичем и Петренко. При обыске в кармане у Петренко был обнаружен боевой винтовочный патрон. Никаких вещей на повозке не было. Федорович и Петренко уверяли, что едут из села Стремигород и в селе Шевченково не были. Тов. Гаврилин заподозрил, что именно эти лица совершили преступление, ибо по возрасту, одежде и цвету волос они походили на грабителей, указанных Моисеенко, и задержал их.

Следы повозки привели к дому Анны Каленской, находившемуся на окраине того же села. В доме оказалась Надежда Каленская — сожительница Петренко. При обыске в доме Каленской было обнаружено и изъято много различных вещей, судя по описанию, похожих на похищенные у Моисеенко.

С наступлением рассвета мы с Гаврилиным (он вернулся в Шевченково) приступили к тщательному осмотру места происшествия. Во время осмотра мы обнаружили на трех небольших валявшихся в комнате картинах, окантованных под стеклом, двенадцать пальцевых

отпечатков. На выломанной ставне с наружной ее стороны было найдено несколько вмятин круглой формы, в виде колец, — вероятно, следы орудия, которым выламывалась ставня. Однако ни пулевой пробоины, ни самой пули сначала обнаружено не было. В соответствии с показаниями потерпевшей выстрел был произведен из окна по направлению к печи. Печной заслонки на месте не оказалось. Моисеенко сказала, что вынесла ее в сени. На принесенной из сеней деревянной печной заслонке мы обнаружили сквозное отверстие, похожее на пулевую пробоину.

Тогда мы стали осматривать внутренность печи, но на кирпичах никаких свежих царапин или пробоин не нашли. Предположив, что пуля находится в печной золе, мы выгребли ее, тщательно просеяли через мелкое сито и обнаружили оболочку пули, а также мелкие крупинки расплавившегося свинца от сердечника пули. Свинец из пули оказался выплавленным потому, что печь, как показала потерпевшая, сохраняла жар до глубокой ночи; выстрел же был произведен примерно около 9 часов вечера 17 декабря.

Составив подробный протокол осмотра и план места происшествия и изъяв предметы, могущие иметь значение вещественных доказательств, мы к концу дня 18 декабря возвратились в районный центр.

К этому времени туда же возвратилась группа Буянова, которая преступников не обнаружила, но выяснила некоторые новые данные. Так, путевой обходчик, будучи допрошен, показал, что в двенадцатом часу ночи 17 декабря он видел, как от села Шевченково шла подвода, в которую была запряжена серая лошадь. На подводе лежали какие-то мешки или похожие на них предметы и сидел один мужчина, а рядом с подводой шли двое людей.

Вскоре прибыла группа капитана Гаврилина, которая привезла троих задержанных — Петренко, Федоровича и Надежду Каленскую, а также все обнаруженные при обысках вещи.

Однако на допросах все задержанные, несмотря на то, что потерпевшая Моисеенко опознала Федоровича и Петренко, категорически отрицали свое участие в преступлении. Обнаружение у них вещей, также опознанных Моисеенко, задержанные объясняли тем, что к ним якобы при-

ехали какие-то трое цыган (задержанные также были цыгане) и оставили у них эти вещи.

В изобличении преступников решавшую роль сыграли обнаруженные нами вещественные доказательства. В процессе следствия были назначены три криминалистические экспертизы: баллистическая, трассологическая и дактилоскопическая.

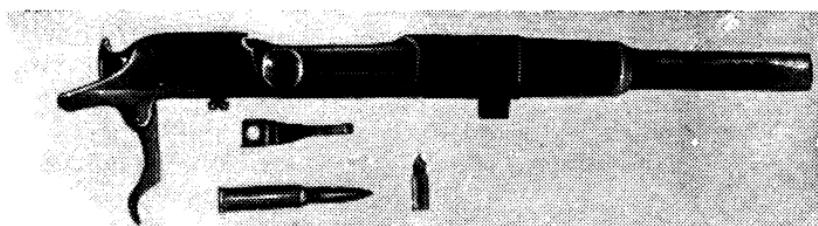

Фото № 1. Обрез, обнаруженный на квартире Федоровича; боевой патрон, изъятый у Петренко; оболочка пули и свинец, извлеченные из печи в доме Моисеенко

На баллистическую экспертизу были направлены — обрез, изъятый на квартире Федоровича, оболочка стреляной пули и кусочки свинца, обнаруженные в печи дома Моисеенко (фото № 1).

Экспертиза должна была установить, пригоден ли обрез к выстрелу и не из него ли выстрелена пуля, оболочка которой обнаружена в печи?

Экспертиза дала заключение, что в обрезе отсутствует ось спускового крючка и спусковая пружина сломана на две части, причем следы взлома свежие, и в данный момент обрез к стрельбе не пригоден. Однако, как указали эксперты, при замене указанных деталей обрез может быть пригоден к стрельбе. Стреляная пуля, обнаруженная в печи квартиры Моисеенко, была выстрелена из этого обреза (фото № 2).

На трассологическую экспертизу были направлены вырезки досок ставни и вырезка доски из печной заслонки (фото № 3). Экспертиза должна была установить, не оставлены ли вдавленные следы на вырезках досок ставни дульной частью обреза, изъятого на квартире Федоровича, и не является ли пулевой пробоиной отверстие в печной заслонке.

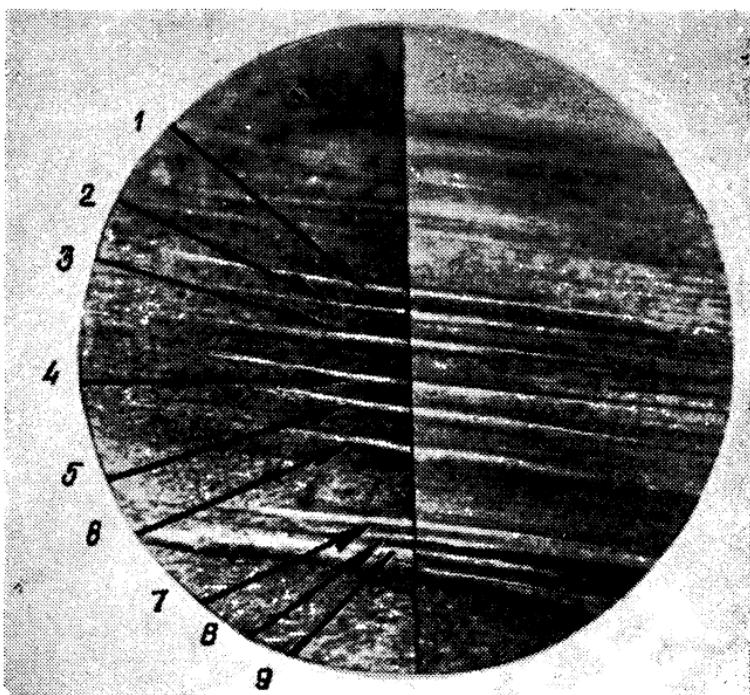

Фото № 2. Исследование пули под сравнительным микроскопом МИС-10. Слева — исследуемая оболочка пули, обнаруженная в золе; справа — экспериментальная пуля, выстреленная из обреза, изъятого у Федоровича (стрелками отмечены совпадения микрорельефа)

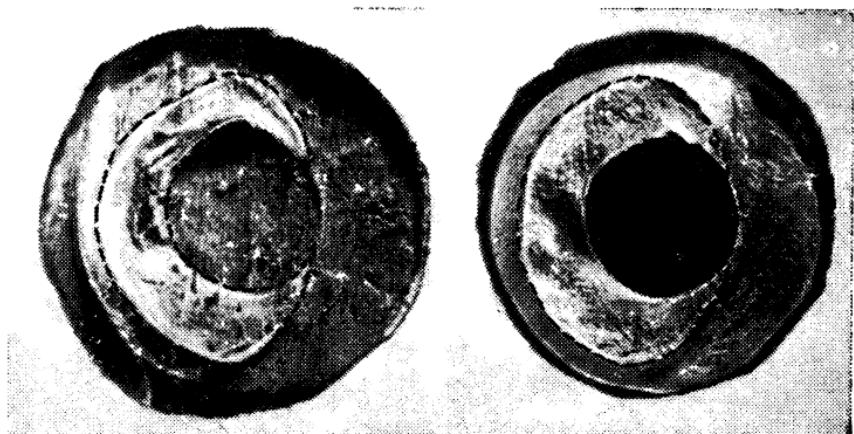

Фото № 3. Сравнительное исследование вдавленного следа на доске ставни и следа дульного среза ствола обреза (пунктиром отмечены совпадающие особенности)

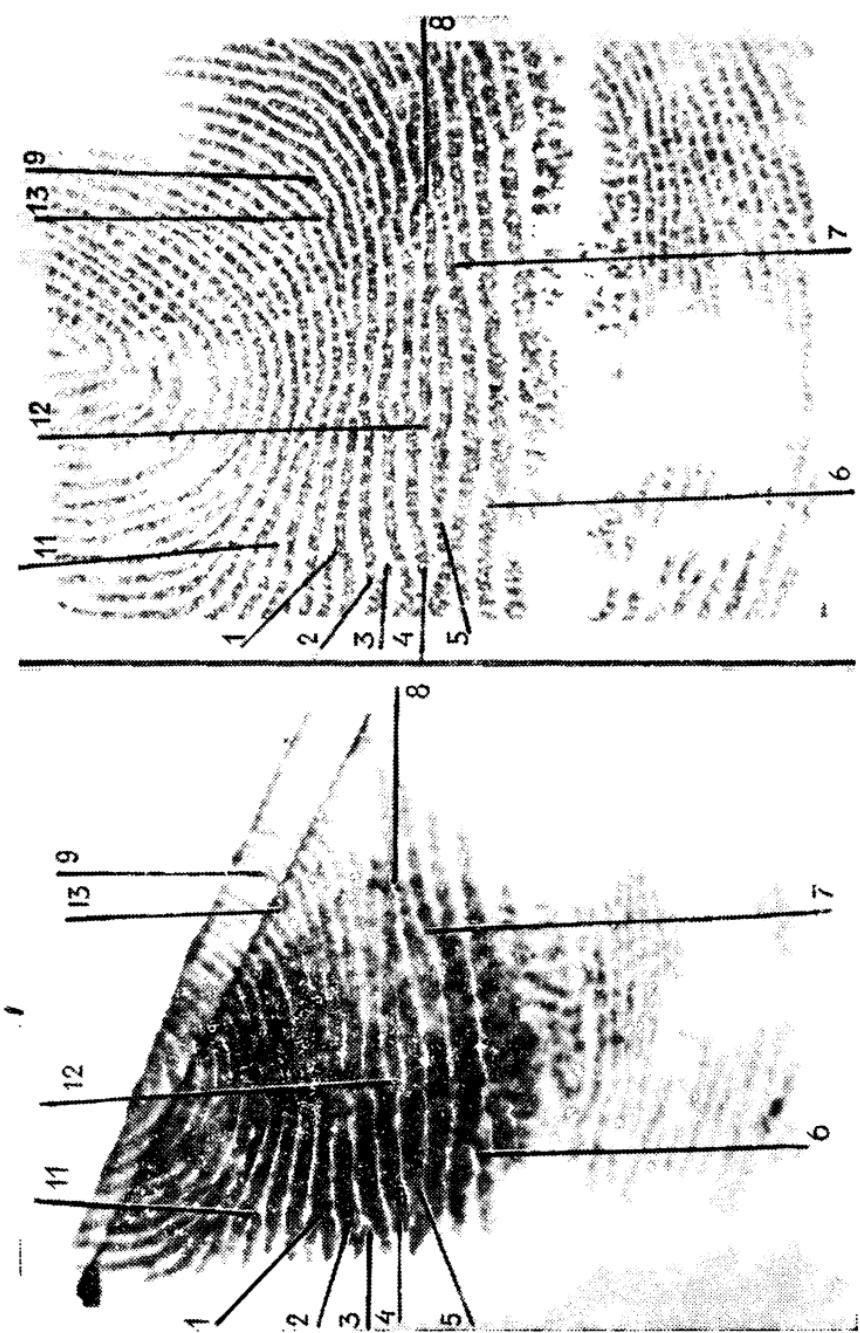

Фото № 4. Таблица к акту дактилоскопической экспертизы. Слева — пальцевый отпечаток на стекле картички; справа — отпечаток большого пальца левой руки Федоровича

На поставленные ей вопросы экспертиза дала заключение, что вдавленные следы оставлены дульной частью ствола указанного обреза, и отверстие в печной заслонке является пулевой пробоиной.

На дактилоскопическую экспертизу были направлены три картинки, обнаруженные в доме Моисеенко, а также дактилокарты Федоровича и Петренко. На разрешение экспертизы были поставлены такие вопросы: имеются ли на стеклах картинок пригодные для идентификации следы пальцев и если имеются, то не оставлены ли они пальцами рук Петренко или Федоровича?

Экспертиза дала заключение, что на стекле одной из картинок имеется след пальца с завитковым узором, оставленный большим пальцем левой руки Федоровича (фото № 4).

Остальные одиннадцать отпечатков, имевшиеся на картинках, оказались непригодными для идентификации, причиной чему послужила неправильная упаковка мою вещественных доказательств и неправильное их хранение. Дело заключалось в том, что, положив между картинками деревянные палочки и крепко связав их, я обернул их сверху только одной газетой и при этом не учел того обстоятельства, что при вносе в теплую помещение с морозного воздуха стекло увлажняется. Поэтому его необходимо было упаковать так, чтобы максимально исключить доступ воздуха.

Поскольку сверток с картинками с момента их изъятия до производства экспертизы несколько раз выносили на морозный воздух и вносили в помещение, стекло несколько раз увлажнялось и вновь высыхало. В результате из двенадцати отпечатков только один оказался пригодным для идентификации.

Под тяжестью всех собранных улик преступники признались в совершении преступления. Они показали, что в преступлении принимали участие Петренко, Федорович и его жена — Александра Каленская, скрывшаяся от следствия. Стрелял в окно Петренко; ось спускового крючка обреза выпала, а пружина сломалась, когда обрез бросили в телегу.

Отпечатки пальцев на картинках оставил Федорович, когда искал спрятанные деньги. Надежда Каленская помогала укрыть награбленное имущество.

Петренко и Федорович были привлечены к ответственности и осуждены по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и ст. 56¹⁷ УК УССР (соответствует ст. 59³ УК РСФСР), а Надежда Каленская — по ст. 20 УК УССР (за соучастие) и названным статьям Уголовного кодекса.

В отношении Александры Каленской объявлен розыск и дело выделено в отдельное производство.

Старший следователь прокуратуры
Латвийской ССР
юрист 2-го класса
K. M. Старобин

ПРЕСТУПНИК ИЗОБЛИЧЕН ПО СЛЕДУ ЛАДОНИ

25 сентября 1953 г. я получил из 6-го отделения милиции Риги сообщение о совершенной ночью краже кожевенных товаров из обувной фабрики «Эрглис». Туда выехали работники милиции, которые приняли меры к охране места происшествия.

20 минут спустя я был уже в 6-м отделении милиции. Из беседы с дежурным выяснилось, что заявление о совершенной краже было сделано ночью сторожем фабрики Тарховым.

Во время обхода примерно в 4 часа ночи Тархов заметил у стены фабрики, выходящей в сад, двух неизвестных с мешками. Заподозрив неладное, Тархов, чтобы задержать расхитителей, позвал своего сына, жившего в том же доме, где размещалась фабрика.

Когда Тархов и его сын вбежали в сад, там находился уже только один из неизвестных, который, размахивая ножом, набросился на них с криком: «Берегись, зарежу!» Завязалась борьба, в ходе которой Тархов, защищаясь, выхватил из кармана складной нож и ударил им неизвестного в правую сторону спины. Неизвестному все же удалось скрыться.

При осмотре сада Тархов нашел в нем четыре мешка с кожей. Оставив сына охранять мешки, Тархов пошел заявить о случившемся в милицию. Как выглядел преступник, Тархов и его сын не разглядели.

Получив указанные сведения, я прежде всего позвонил во все больницы Риги, чтобы выяснить, не поступал ли туда ночью гражданин с ножевой раной в спине. В 3-й Рижской больнице мне сообщили, что в 4 часа

20 минут утра машиной скорой помощи к ним был доставлен некий Л. В. Киселев с резаной раной в области правой стороны спины. При поступлении в больницу Киселев заявил, что он подвергся нападению группы хулиганов. Из других больниц на наши запросы ответили отрицательно. Характер ранения и время доставления Киселева в больницу позволяли предположить возможность его участия в совершении преступления. Поэтому я направил в больницу оперативного работника для предотвращения возможности побега Киселева.

После этого я вместе с работниками уголовного розыска выехал на место происшествия.

Фабрика в связи с ремонтом электролинии в тот день не работала, и все цехи были опечатаны. Это обстоятельство гарантировало сохранение в неизменном виде всех следов и предметов, оставленных преступниками в том цехе, откуда ими была совершена кража.

Путем осмотра места происшествия я намечал разрешить следующие задачи:

1. Установить, из какого цеха была похищена кожа.
2. Выяснить, каким путем проникли в цех преступники.
3. Собрать вещественные доказательства, необходимые для розыска и изобличения преступников.

Поскольку для выяснения первого вопроса существенную помощь могли оказать начальники цехов, я предложил директору фабрики обеспечить их вызов, а сам тем временем приступил к осмотру сада, где была обнаружена кожа. Со слов Тархова, присутствовавшего при осмотре, было установлено место, где он в первый раз увидел преступников, место, где происходила его борьба с одним из них, направление, в котором скрылся неизвестный преступник. Эти сведения были необходимы мне, чтобы выделить из всей массы следов ног, имеющихся в саду, следы, которые могли быть оставлены преступниками. Одна из имевшихся в саду дорожек следов совпала с направлением, в котором скрылся преступник. Выбрав два наиболее четко выраженных следа, я изготовил с них гипсовые слепки.

При осмотре части сада, непосредственно прилегавшей к стене здания фабрики, мною была обнаружена веревка, длиною в 29 м, которой, по словам Тархова, до этой ночи в саду не было. На одном конце веревки имелся след свежего надреза.

Пока я осматривал сад, на фабрику явились начальники цехов. Осмотрев предъявленные мною кожи в четырех мешках, начальник закройного цеха заявил, что опознает в них кожи, полученные им со склада 24 сентября 1953 г.

В ночь на 25 сентября эти кожи должны были находиться у него в цехе, дверь в который он сам закрыл на ключ и опломбировал перед уходом с работы вечером 24 сентября.

С начальником закройного цеха и понятыми я направился в этот цех.

Закройный цех находился на пятом — самом верхнем этаже здания фабрики. Дверь цеха оказалась закрытой на ключ и опломбированной. Никаких следов взлома на двери не имелось.

При входе в цех нам представилась следующая картина. Находившийся налево от входа в потолке цеха люк был открыт. Крышка люка была сильно погнута. На полу цеха под люком помещался штамповочный станок, на верхней части которого стояла табуретка. В цехе повсюду валялись обрезки кож, по закройным столам были разбросаны куски раскроенной кожи. На полу я заметил много обгоревших спичек.

Из объяснений начальника закройного цеха я узнал, что 24 сентября перед закрытием цех убирался, табуретки на штамповочном станке не было, люк был закрыт, крышка его была закреплена болтом и гайкой со стороны цеха.

Сфотографировав люк, станок и часть закройных столов я продолжал осмотр. При этом я особое внимание обращал на выявление следов рук преступников исходя из того, что на шлифованных металлических частях станка могли хорошо запечатлеться папиллярные узоры. Мои поиски не остались безрезультатными. На корпусе станка я обнаружил окрашенный мелом след ладони, довольно четко передающий папиллярные и рефлексорные линии. Поскольку преступники, открывая люк на потолке, могли испачкать мелом руки, я решил, что этот след был, по всей вероятности, оставлен одним из преступников.

На образование следа в связи с совершением преступления указывало также и расположение следа. Он был оставлен на той части станка, на которую преступникам удобнее всего было опереться ладонью, спрыгивая на пол.

Зафиксировав местоположение следа при помощи фотографии, я перенес его на дактилоскопическую пленку (фото № 1). Каких-либо других следов преступников в цехе мне обнаружить не удалось.

Вслед за цехом я осмотрел помещение чердака, на который вел взломанный преступниками люк, и крышу здания фабрики. Обстоятельства, установленные при этом, дали в мое распоряжение новые интересные данные.

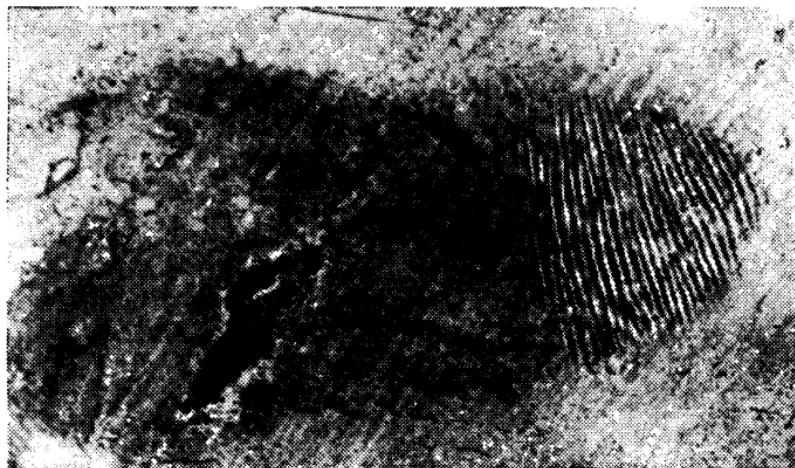

Фото № 1. След ладони, перенесенный на дактилопленку

Дверь, ведущая из чердака на лестничную клетку, была заперта на замок. Слой пыли и паутины, обнаруженные на ней, указывали на то, что в последние дни она не открывалась и, следовательно, проникнуть через нее на чердак преступники не могли.

На крышу дома из чердачного помещения вел люк, от которого начиналась пожарная лестница. Рядом с этим люком на крыше находилась труба, к которой была привязана веревка длиной 6 м 25 см со следом свежего надреза на конце.

Пока я производил осмотр, работники уголовного розыска выяснили, что на крыше здания фабрики в течение последних четырех недель работали два кровельщика. При опросе один из них сообщил, что накануне происшествия он оставил привязанной к трубе свою веревку, которой пользовался во время работы. По его словам, веревка была длиною около 35 м.

Все эти сведения, собранные в результате осмотра, делали для меня довольно ясной картину преступления.

Преступникам или одному из них было, очевидно, известно о существовании чердачного люка, ведущего в помещение цеха. Не имея возможности проникнуть к этому люку через дверь чердака, они решили использовать пожарную лестницу и люк, имевшийся на крыше. Проникнув таким образом на чердак, они взломали крышку це-

Фото № 2. Вид люка, через который проникли преступники, со стороны крыши

хового люка и через него проникли в помещение цеха. На обратном пути после совершения хищения преступники решили, вероятно, спустить мешки с кожей на веревке, чтобы не затруднять себе спуска по пожарной лестнице. Разрезать веревку пришлось вследствие того, что она оказалась недостаточно длинной и не доставала до земли. Поэтому ее отрезали около трубы и поднесли к краю крыши. Переправив мешки с кожей, преступники спустились по пожарной лестнице вниз.

Особенности способа проникновения преступников я решил подробно зафиксировать, чтобы использовать в ходе дальнейшего расследования для проверки показаний обвиняемых по этому вопросу. В этих целях я сделал

обзорные и ряд узловых снимков. Кроме указанных выше снимков, в цехе мною были сфотографированы люк, ведший из чердака на крышу (фото № 2), труба с обрезанной веревкой (фото № 3), пожарная лестница и ряд других деталей.

Следующим вопросом, к разрешению которого мне предстояло приступить, было установление личности преступников. Эту работу я начал с ограничения круга лиц, в числе которых следовало искать преступников. При этом я исходил из данных осмотра. Осведомленность преступников о расположении люков, запоров и мест хранения кожи приводила к выводу, что преступники или хотя бы один из них мог быть рабочим фабрики. Не исключена была также возможность совершения кражи кем-либо из кровельщиков. Как выяснилось из предварительного опроса, последние были хорошо знакомы с устройством чердачного помещения. На эту же мысль наводило использование преступниками веревки, которая могла

Фото № 3. Труба на крыше фабрики и привязанная к ней веревка

быть накануне умышленно оставлена на крыше.

В связи с этим я намеревался вести дальнейшее расследование одновременно по следующим направлениям:

1. Проверить личность Киселева и круг его знакомых.
2. Собрать сведения о личности кровельщиков.
3. Выяснить, кто из рабочих фабрики должен был знать о поступлении со склада в закройный цех новой партии кожи.

Правильное решение вопроса о личности преступника было найдено гораздо быстрее, чем я предполагал, и решающую роль при этом сыграл след ладони, изъятый мною с места происшествия.

При проверке личности Киселева мне с помощью работников милиции удалось установить, что Киселев недавно вернулся из места заключения, где он отбывал наказание за кражу, и в настоящее время нигде не работает. Киселев часто встречался с неким Артемьевым, который проживал с ним в одном доме. Проверкой в отделе кадров я установил, что указанный Артемьев работает в допельном цехе обувной фабрики «Эрглис».

Возникло предположение, что кожа из закройного цеха похищена Киселевым и Артемьевым. При допросе в прокуратуре Артемьев держался вызывающе и категорически отрицал свое участие в краже, ссылаясь на то, что всю ночь был дома. Проверить правильность последнего заявления не представлялось возможным, так как Артемьев жил один.

В своих показаниях Артемьев неоднократно повторял и подчеркивал, что по роду своей работы он не имеет никакого отношения к закройному цеху и никогда в нем не был, так как работал на втором этаже фабрики.

Киселев, ссылаясь на боли в ране, на допросе вечером 25 сентября отказался давать подробные объяснения, ограничившись заявлением, что на фабрике «Эрглис» никогда не был.

Утром следующего дня я получил сообщение, что Киселев вскоре после моего ухода пытался скрыться из больницы, но был задержан на улице дежурившими по моему указанию работниками милиции.

После этого я, с разрешения врача, отобрал у Киселева отпечатки ладоней и, взяв также отпечатки ладоней у Артемьева, назначил по делу криминалистическую экспертизу.

Эксперт дал категорическое заключение о том, что отпечаток ладони на станке в закройном цехе фабрики «Эрглис» оставлен ладонью Артемьева (фото № 4).

Предъявив заключение эксперта Артемьеву при втором допросе, я предложил ему объяснить, как мог осться в закройном цехе отпечаток его ладони, если он там никогда не был. После некоторых попыток придумать объяснение своему пребыванию в цехе, Артемьев признал

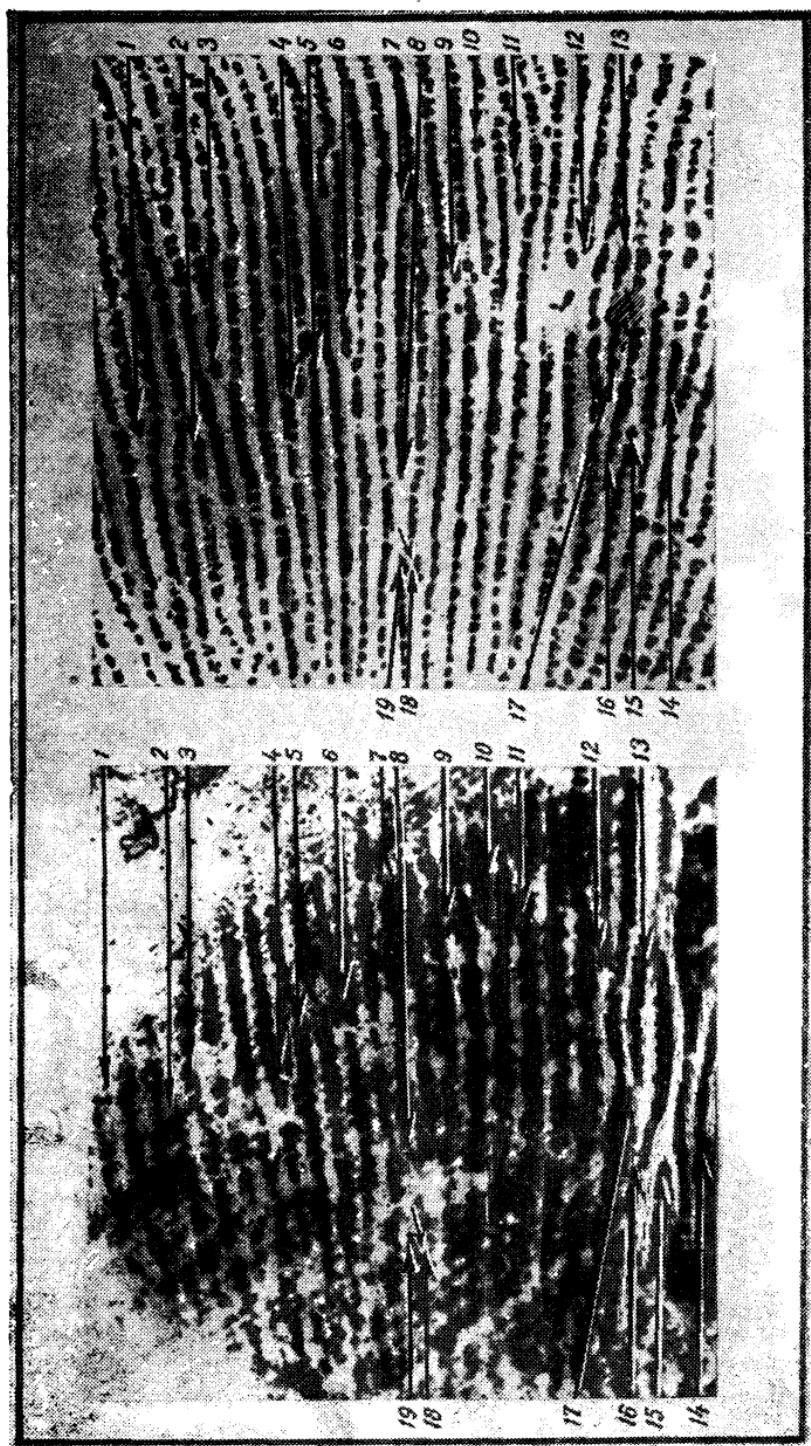

Фото № 4. Таблица к акту экспертизы следа ладони. Слева — след ладони, изъятый на месте происшествия; справа — след ладони обвиняемого Артемьева

себя виновным и выразил желание дать правдивые показания по поводу кражи, совершенной им совместно с Киселевым. При этом он подробно рассказал, как они по пожарной лестнице забрались на крышу здания и оттуда на чердак, как они взламывали люк в потолке закройного цеха, как собирали кожу и спускали ее с крыши в сад.

Узнав о показаниях, данных Артемьевым, признался в совершении кражи и Киселев, дав при этом аналогичные показания.

Для проверки этих показаний я произвел с каждым из обвиняемых отдельно выход на место происшествия. При этом Киселев и Артемьев точно воспроизвели путь, по которому они проникли на фабрику, и способ выноса и спуска похищенной кожи.

Изготовленные нами в саду фабрики слепки со следов ног оказались непригодными для идентификации из-за отсутствия в них индивидуальных признаков.

Считая преступление Киселева и Артемьева доказанным, я составил обвинительное заключение и передал дело в суд.

Приговором народного суда Киселев и Артемьев были признаны виновными в преступлении, предусмотренном ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и приговорены к длительным срокам лишения свободы.

---

*Народный следователь прокуратуры
г. Красный Луч
Ворошиловградской области
младший юрист
Н. Г. Бдикина*

ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЕ ТРУПА ПОЗВОЛИЛО УСТАНОВИТЬ ЛИЧНОСТЬ УБИТОГО

27 августа 1953 г. в 7 часов утра дежурный по милиции г. Красный Луч Ворошиловградской области сообщил мне о том, что на окраине города в балке обнаружен труп мужчины. Вместе с двумя работниками милиции и судебно-медицинским экспертом я немедленно выехала на место происшествия.

В неглубокой балке недалеко от колодца на животе, лицом вниз лежал труп мужчины в возрасте 18—20 лет; правая рука находилась под трупом, правая нога согнута в колене. Лицо, грудь и одежда мужчины были обильно залиты кровью, а на шее имелось пять колото-резаных ран и, кроме того, две раны — на груди трупа. На земле около головы трупа лежал окровавленный перочинный нож с железной ручкой. Здесь же находились кепка серого цвета и пачка папирос. В правом кармане брюк трупа я обнаружила портсигар с папиросами и картонный жетон. Труп был мною сфотографирован (фото № 1).

После наружного осмотра на месте происшествия труп был отправлен в морг для производства судебно-медицинской экспертизы. Судебно-медицинский эксперт установил, что смерть последовала в результате повреждений в области груди и шеи, причиненных колюще-режущим орудием, которым мог быть перочинный нож.

Мне было ясно, что для раскрытия преступления необходимо прежде всего установить личность убитого. Именно в этом направлении я решила повести основную работу на первоначальной стадии расследования.

Фото № 1. Труп, обнаруженный в балке около колодца

Фото № 2. Раны на шее трупа

В морге я еще раз сфотографировала труп. Дело в том, что в результате фотографирования на месте происшествия на снимках была передана главным образом поза трупа. На этот раз я решила крупным планом запечатлеть раны на шее убитого (фото № 2). При этом я полагала, что фотоснимок может оказаться полезным для установления личности убитого. Впоследствии мой расчет оправдался.

В морге труп был дактилоскопирован, и я отправила дактилокарту в областное управление милиции с просьбой установить, не подвергалось ли данное лицо дактилоскопической регистрации.

В целях установления личности убитого я решила использовать также предметы, обнаруженные во время осмотра места происшествия. Мое особое внимание привлек картонный жетон, оказавшийся в кармане брюк трупа и, повидимому, выданный в каком-нибудь общежитии или интернате за сданные на хранение вещи. Однако, как показала проверка, ни в одном из имеющихся в городе общежитий и интернатов подобных жетонов не было.

Труп оставался неопознанным и спустя семь дней после обнаружения был похоронен.

Я все же не оставила попыток выяснить происхождение жетона. Из бесед с отдельными гражданами, видевшими жетон, мне удалось узнать, что он является контрамаркой, выданной на танцевальной площадке. Допрошенный мною контролер танцевальной площадки подтвердил это обстоятельство, которое представлялось мне очень важным, ибо не исключалась возможность установления личности убитого при помощи тех, кто часто посещал танцевальную площадку. Ряд таких посетителей этой площадки мною был выявлен и допрошен. Каждому из допрашиваемых я предъявляла фотоснимок трупа. Некоторые из числа допрошенных заявили, что они не знают и никогда не видели этого человека. Однако мои усилия не пропали даром.

Гражданка Полина Короткова, посмотрев на фотоснимок, заявила, что изображенное на нем лицо ей знакомо и что она видела этого человека на предпоследних танцах. Фамилии и имени его Короткова не знала, а запомнила его потому, что он, будучи пьяным, настойчиво пытался познакомиться с девушкой, которую звали Галиной. Фа-

милии и адреса этой девушки Короткова не знала, но тем не менее мне удалось разыскать ее. Она оказалась Галиной Водопьяновой.

По фотоснимку трупа Водопьянова опознала неизвестного гражданина, который на танцевальной площадке, будучи пьяным, хотел с нею познакомиться. Водопьянова заявила, что видела этого человека впервые, фамилии и имени его не знает. Вместе с тем она вспомнила, что с ним на танцах был высокий худощавый молодой человек по имени Петр.

В ответ на мой вопрос, кто еще из находившихся в тот вечер на танцевальной площадке мог заметить неизвестного, Водопьянова назвала Зою Литвиненко.

Будучи допрошена и ознакомлена с фотоснимком трупа, Зоя Литвиненко показала, что видела этого гражданина дважды, в том числе один раз на танцевальной площадке. Она сообщила также, что встретила его около пруда с некоей Дуней дней за десять до обнаружения трупа. Поссорившись с ней и ударив ее, неизвестный подошел к Литвиненко и предложил с ним познакомиться. Он сказал, что его зовут Владимиром. Кроме того, он попросил Зою Литвиненко продать украденные им вещи.

С помощью Зои Литвиненко я разыскала девушку, которая была с неизвестным на берегу пруда. Ею оказалась Евдокия Огородник, проживающая на ст. Криндачевка. Огородник была вызвана мною на допрос, во время которого мною был предъявлен ей фотоснимок трупа. Огородник сразу же опознала в нем своего знакомого по имени Владимир.

Огородник рассказала, что познакомилась с Владимиром в мае 1953 года на ст. Криндачевка. О месте своего жительства Владимир ей не говорил. В г. Красный Луч у Владимира было два приятеля. Один из них, по имени Виктор, был высокого роста, белокурый, с двумя искусственными зубами из металла белого цвета. Другой, по имени Андрей, был также высоким, худощавым. Оба находились под судом, но были освобождены от отбывания наказания в связи с указом об амнистии.

Я предъявила Огородник для опознания найденные на месте происшествия нож, кепку, а также обнаруженный в кармане брюк убитого портсигар. Огородник показала, что нож и кепка принадлежат Андрею, а портсигар — Владимиру.

На вопрос, где и когда Огородник видела эти вещи, она ответила, что однажды ножом Андрея резала булку и редиску, кепку часто видела на Андрее и один раз даже надевала ее. Портсигар ей показывал Владимир, купивший его на рынке.

Показания Огородник, несомненно, были очень ценными. На основании собранных мною данных можно было предположить, что к убийству Владимира имеет отношение Андрей.

Теперь моя основная задача сводилась к тому, чтобы разыскать товарищей убитого — Андрея и Виктора. Я запросила по этому поводу уголовный розыск. Вскоре поступило сообщение о том, что признаками одного из описанных мною лиц обладает Виктор Перелыгин, работающий на лесном складе шахты «Известия». На следующий день я вызвала Перелыгина для допроса.

Путем допроса Перелыгина я решила выяснить, знает ли он убитого, а также его товарища Андрея, не было ли у него приятеля по имени Петр, с кем еще общался убитый, не находился ли он с кем-нибудь в неприязненных отношениях.

В начале допроса я выяснила, что Виктор Перелыгин действительно был судим за кражу и освобожден из лагеря по амнистии.

Перелыгин сказал мне, что твердо решил не заниматься преступной деятельностью и жить честным трудом. У меня создалось впечатление, что Перелыгин, повидимому, говорит правду.

Взглянув на фотоснимок трупа, Перелыгин заявил, что опознает в нем гражданина по имени Владимир, с которым он был лично знаком. Фамилии и места жительства Владимира он не знал. Перелыгин показал, что у Владимира были друзья Андрей Ефимов и Петр Юшин. Несколько до своей смерти Владимир познакомился с Михаилом Черновым. Все эти лица, в том числе и Владимир, занимались кражами.

Перелыгин рассказал, как однажды, во второй половине августа, Владимир и Петр Юшин пришли к нему на квартиру и принесли с собой чемодан с вещами, украшенный у одного гражданина на ст. Криндачевка. Сложив вещи в мешки, Владимир и Петр пошли продавать их на рынок.

Незадолго до смерти Владимир поссорился с Андреем Ефимовым, Михаилом Черновым и Петром Юшиным. Примерно 20 августа Перелыгин встретил их в закусочной. Владимир, будучи пьяным, стал оскорблять Чернова и угрожать ему. Последний попросил Перелыгина дать ему нож, заявив, что он хочет зарезать Владимира. Перелыгин ответил, что у него нет ножа. Тогда Чернов сказал, что он сделает это в другой раз.

26 августа Перелыгин встретил в городе Андрея Ефимова, Михаила Чернова и Петра Юшина. Андрей сказал, что его и Петра сильно оскорбил Владимир. Кроме того, в присутствии нескольких лиц Владимир ударили Ефимова по лицу. Ефимов просил Чернова посоветовать ему, как отомстить Владимиру. Чернов сказал, что Владимира нужно немедленно убить. Чернов обещал Ефимову и Юшину встретиться с ними вечером в закусочной и обсудить этот вопрос.

В 9 часов вечера Перелыгин встретил в закусочной Чернова, Ефимова, Юшина. Ефимов заказал для всех вина и закуски. Через некоторое время в закусочную пришел Владимир, которого Чернов пригласил сесть за их стол. Владимиру также налили вина. Посидев еще несколько минут, Перелыгин ушел на танцевальную площадку, где встретился с Полиной Коротковой. На следующий день утром Перелыгин узнал, что на окраине города в балке обнаружили труп Владимира.

Вскоре после допроса Перелыгина из областного управления милиции поступило сообщение о том, что *дактилоскопированный мною труп является трупом Хованского Владимира Даниловича*.

Найденные на месте происшествия нож, кепку и портсигар я предъявила Перелыгину. Последний опознал только кепку, заявив, что несколько раз видел ее на Андрее Ефимове.

После допроса Виктора Перелыгина я допросила его мать, сестру и знакомую Перелыгина — Полину Короткову. Их показания не противоречили показаниям Перелыгина.

Вскоре работники милиции задержали Андрея Ефимова, Михаила Чернова и Петра Юшина.

Будучи допрошены, они отрицали свою причастность к убийству. На допросах они заявили, что ни с Виктором Перелыгиным, ни с его сестрой не знакомы, что они даже не знают друг друга. Все они утверждали, что не знали и

Владимира Хованского. Эти показания были опровергнуты путем очных ставок между Черновым, Ефимовым, Юшиным, Перелыгиным, его сестрой и матерью.

Обнаруженные около трупа Хованского перочинный нож и кепка были предъявлены для опознания Андрею Ефимову. На мой вопрос, не принадлежат ли ему указанные вещи, Ефимов ответил отрицательно, заявив, что видит их впервые.

На очной ставке с Ефимовым Огородник подтвердила свои первоначальные показания относительно принадлежности ножа и кепки Ефимову.

Перелыгин на очной ставке категорически утверждал, что предъявленную ему для опознания кепку носил Ефимов.

Ефимов, Чернов и Юшин достаточно изобличались в совершении преступления косвенными доказательствами.

Народным судом 1-го участка г. Красный Луч указанные лица были осуждены по п. «а» ст. 138 УК УССР¹ к строгому наказанию.

---

¹ Соответствует п. «а» ст. 136 УК РСФСР.

---

*Начальник следственного отдела
прокуратуры Астраханской области
советник юстиции
Н. И. Черноскутова*

ЗНАЧЕНИЕ СВОЕВРЕМЕННОГО ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Каждый следователь по собственному опыту знает, что результаты следствия нередко во многом зависят от качества осмотра места происшествия. Ценные результаты, как правило, дает лишь тот осмотр, который производится своевременно, тщательно, с применением всех необходимых научно-технических средств. Насколько иногда важен умело произведенный осмотр места происшествия, я хочу показать на примере двух уголовных дел, находившихся в производстве следователей прокуратуры Астраханской области.

Одно из них — по обвинению Баркалова — расследовал народный следователь прокуратуры Каспийского района, младший юрист Сафонов, другое — по обвинению Азовцева — народный следователь прокуратуры Лиманского района Лосев.

Опыт расследования по этим делам был освещен в специальных информационных письмах, разосланных следственным отделом прокуратуры Астраханской области всем следователям и прокурорам районов.

* *

*

17 октября 1953 г. в прокуратуру Каспийского района поступило сообщение о том, что ночью совершено ограбление магазина в селе Рыжково. При этом преступниками был тяжело ранен сторож магазина Черных.

На место происшествия немедленно выехали прокурор района Еременко, народный следователь Сафонов, работники районного отдела милиции и судебно-медицинский эксперт.

Сторожу магазина была оказана неотложная медицинская помощь, но, несмотря на принятые меры, он скончался, не приходя в сознание.

Работники прокуратуры и милиции тщательно осмотрели магазин и прилегающую к нему местность. Недалеко от магазина были обнаружены новые хлопчатобумажные брюки, фуфайка и две электрические батарейки, ко-

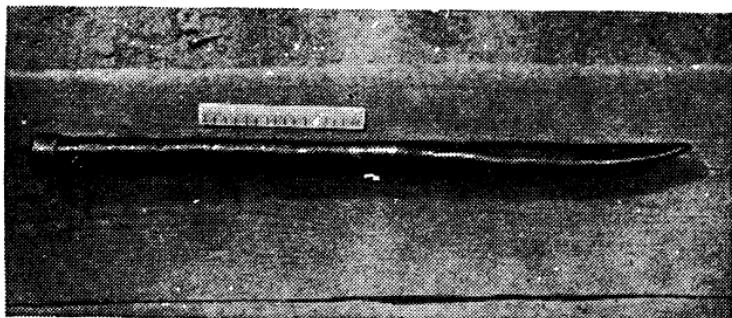

Фото № 1. Лом, обнаруженный в магазине

торые были завернуты в лист ученической тетради с рукописным текстом на обеих сторонах. Указанные вещи следователь предъявил заведующему магазином, который опознал их как принадлежащие магазину. Однако листа тетради, по его заявлению, в магазине до ограбления не было.

При осмотре помещения магазина на полу был обнаружен железный лом, который, по предположению участников в осмотре лиц, оставили преступники. Лом был сфотографирован и изъят (фото № 1). На прилавке около весов стояли две бутылки с яблочной настойкой. На поверхности обеих бутылок имелись бесцветные следы пальцев рук. После фотографирования бутылки были изъяты и надлежащим образом упакованы для направления на экспертизу. Сразу же была изготовлена дактилоскопическая карта заведующего магазином, так как не исключалось, что следы на бутылках оставлены им в процессе работы.

На одной из полок была обнаружена старая кепка, а под прилавком — старая фуфайка, которых, по заявлению заведующего магазином, до ограбления в магазине не было (фото № 2).

С целью обнаружения преступников работники милиции применили служебно-розыскную собаку. Собака шла по следам преступников 2 км. Далее следы обнаружить не удалось. Вся местность в направлении, по которому

Фото № 2. Полки с товарами в магазине. Стрелкой указана кепка, обнаруженная при осмотре места происшествия

двигалась собака, подверглась тщательному осмотру. Осмотрены были стога сена, колхозные фермы, жилища пастухов.

Будучи опрошен, старший пастух Саенко показал, что вечером 17 октября к нему пришел житель поселка Каспийск Виктор Баркалов и остался у него ночевать.

Баркалов был одет в новое демисезонное пальто. Он принес с собой новые мужские полуботинки, которые предлагал Саенко купить у него.

В квартире Баркалова немедленно произвели обыск, при котором обнаружили и изъяли: новое мужское демисезонное пальто, электрические батарейки и исписанные

Algebraic equations.

100
100
100
100
100

Sophomore remove recognizable,
no like terms no "y's" no like terms
Simplify a word becomes it
Substitution problem. Example:
Simplifies eliminate eliminate
by either process, & reduce boundaries &

Debarraying or ride the water
number one has to make zero by both
number one goes to number two. Clear

Фото № 3. Образец почерка Петра Баркалова — брата обвиняемого и часть текста на листе из тетради, обнаруженном около магазина.

Баркалов Константин Петрович

Приношу заявление волостное нов
погашенное 960 метров и снупинской
25 Оно зачечено, помало и почу
0 Установлено по 21 из с за 3 всего
с Установлено ¹³ с пакетом на 12 кг
Установлено ¹⁰ с пакетом на 12 кг

15 12 ¹³	- 11 12 ¹³	из	=	371
15	12 ¹³	"	"	35
6. Стоимо подвал чубарук	15	35	40	00

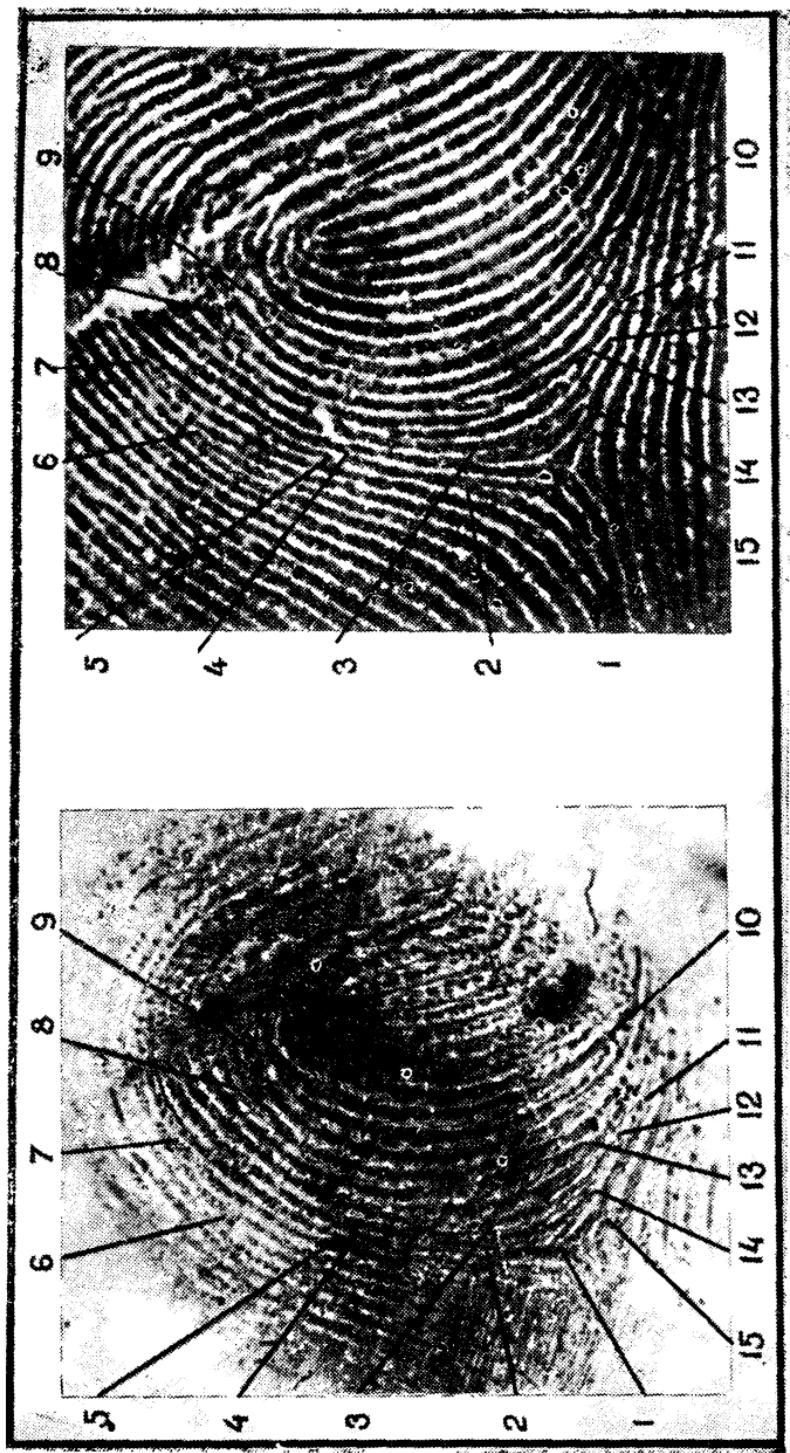

Фото № 4. Таблица к акту экспериментального исследования следа пальца. Слева — след, обнаруженный на бутылке, изъятой на месте происшествия; справа — экспериментальный отпечаток пальца обвиняемого Виктора Баркалова

листы ученической тетради, имеющие сходство с листом, обнаруженным около магазина.

Баркалов на допросе категорически отрицал как свою причастность к совершению преступления, так и факт пребывания у Саенко в ночь с 17 на 18 октября.

Пальто, изъятое при обыске у Баркалова, следователь предъявил заведующему магазином. Пальто было опознано им как принадлежащее магазину.

Следователь предъявил для опознания обнаруженные в магазине кепку и фуфайку соседям Баркалова. Последние, осмотрев предъявленные им вещи, уверенно заявили, что фуфайка принадлежит Баркалову, а кепка — его товарищу по имени Виктор.

После этого Баркалов был арестован.

В процессе расследования были назначены две экспертизы — графическая и дактилоскопическая. Согласно заключению графической экспертизы, рукописный текст на листе ученической тетради, обнаруженному на месте происшествия, выполнен младшим братом Баркалова — Петром, учеником 5-го класса (фото № 3).

Следы пальцев рук, обнаруженные на двух бутылках с вином, по заключению дактилоскопической экспертизы, были оставлены Баркаловым (фото № 4).

Мать Баркалова, вначале отрицавшая свою осведомленность о совершенном преступлении, на вторичном допросе показала, что ограбление магазина и нападение на сторожа совершено ее сыном и его приятелем Виктором, о чем ей известно со слов сына.

Под тяжестью всех указанных улик Баркалов сознался в преступлении и рассказал, что совершил его совместно с Виктором, с которым он познакомился в дороге при возвращении в Каспийск из лагеря, где он отбывал наказание.

После совершения преступления соучастник Баркалова, взяв несколько похищенных вещей, скрылся. Разыскать его так и не удалось.

Часть похищенных вещей Баркалов спрятал в траве в 5 км от села Рыжково. В присутствии понятых Баркалов выдал следователю эти вещи на месте их сокрытия.

Расследование по делу было закончено в 28 дней.

Баркалов осужден по п. «а» ст. 136 УК РСФСР и ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от

4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Мать Баркалова — Чумакова осуждена по ст. 5 того же Указа.

* *

*

30 ноября 1953 г. в прокуратуру Лиманского района поступило телефонное сообщение о том, что в степи между селом Яндыки и железнодорожным разъездом № 6 обнаружен труп человека.

На место обнаружения трупа выехали прокурор района Зимин, народный следователь Лосев и работники милиции.

При осмотре в 6 км от села Яндыки на колее дороги имелся большой след впитавшейся в грунт крови. От него в сторону от дороги тянулся след волочения длиной 250 м, в конце которого лежал труп мужчины без головы. Рядом со следом волочения имелись объемные следы ног человека. Кроме того, на снегу были обнаружены: два следа, имеющие форму приклада ружья, след, имеющий форму дна ведра, и недокуренная папироса марки «Беломорканал» табачной фабрики Тбилиси.

При помощи имеющихся в следственном чемодане измерительных средств были измерены углы разворота ступней ног человека, оставившего следы¹. В одном случае угол разворота ступни левой ноги оказался равен 21°, а правой — 46°, в другом случае — левой ноги 22°, правой — 45°. Длина шага колебалась в пределах 66—70 см.

На расстоянии 1 км от трупа была обнаружена человеческая голова, завернутая в нижнюю рубашку. Лицо было обезображенено: нос и нижняя губа отрезаны, лицо во многих местах изрезано. В 200 м от этого места нашли мешок, в котором были пальто, две рубашки, пиджак, портняки, хромовые сапоги с разрезанными голенищами и кепка. Все вещи были окровавлены.

¹ Несомненно, что т. Лосев сделал ошибку, ограничившись измерением следов. Надо было либо сфотографировать дорожку следов, либо сделать схему их расположения, чтобы в дальнейшем в случае установления оставившего эти следы назначить криминалистическую экспертизу. — Ред.

На мешке сохранилась часть ярлыка камеры хранения ручной клади, на котором имелась запись: «28.XI.... огоч.... 457788». В кармане пиджака имелось несколько зерен граната.

При осмотре вещей было установлено, что в задней части воротников пальто, пиджака и рубашки имеются отверстия с рваными краями.

На основании данных осмотра следователь сделал следующие выводы:

1. Потерпевший или убийца имел ведро и оружие (ружье или винтовку).

2. Правая нога убийцы имеет физический недостаток, о чем свидетельствуют разные углы разворота ступней ног.

3. Потерпевшего убили выстрелом сзади в шею, после чего отделили голову (этот вывод был подтвержден заключением судебно-медицинской экспертизы).

Сопоставив время обнаружения трупа — 30 ноября и дату на ярлыке камеры хранения — 28 ноября, следователь предположил, что убийство совершено в ночь с 28 на 29 или с 29 на 30 ноября 1953 г.

Как было сказано выше, на месте происшествия была обнаружена недокуренная папироса «Беломорканал» производства тбилисской табачной фабрики.

Допросом работников торговой сети было установлено, что в магазинах Лиманского района продаются папиросы «Беломорканал» иключительно производства астраханской табачной фабрики.

На основании того, что на месте происшествия была брошена папироса тбилисской фабрики, а в кармане пиджака имелись зерна граната — плода, редко встречающегося в Астраханской области, можно было предположить, что убийца или потерпевший, а может быть и оба, прибыли с Кавказа.

Следователь решил установить граждан, проживающих в близлежащих населенных пунктах, которые 28, 29 и 30 ноября могли проезжать по дороге, где был найден след крови, и которые, быть может, видели либо хромого, либо какого-нибудь приезжего человека и т. п.

Одного такого местного жителя, 29 ноября проезжавшего по указанной дороге, следователю удалось установить. Это был гражданин Трубицин.

29 ноября, как показал Трубицин, он ехал на автомашине из села Караванного в г. Лиман. На станции Зензели на эту машину сели двое неизвестных мужчин, один из которых, хромавший на правую ногу, имел с собой охотничье ружье, а второй — держал в руке ведро и имел заплечный мешок. Неизвестные сошли в селе Яндыки.

Показания Трубицина подтвердили водитель этой автомашины Рытенко.

Осмотрев труп и одежду, обнаруженные на месте происшествия, Трубицин опознал в трупе одного из двух неизвестных, ехавших в машине. Предъявленная одежда, по утверждению Трубицина, принадлежала убитому.

Допросив ряд жителей села Яндыки, следователь получил новые, важные для дела данные.

Свидетель Липовский, например, показал, что 29 ноября в его дом зашли погреться двое незнакомых ему мужчин. Один из них хромал на правую ногу. Из разговора неизвестных Липовский понял, что они ездили в Баку продавать картофель. В село Яндыки они приехали покупать шерсть и валенки. Продав картофель, неизвестные заезжали на ст. Гудермес, где хромой купил ружье, номер которого не сходился с паспортом. Это обстоятельство Липовский запомнил потому, что приехавшие показали ему паспорт и справку заведующего магазином о расхождении номера ружья и паспорта. У приехавших были, кроме этого, ружья, ведро, чемодан и заплечный мешок. Один из приехавших, по имени Иван, предлагал другому поехать к железнодорожному разъезду на попутной машине. Однако другой неизвестный, который хромал, настоял на том, чтобы итти пешком. Ушли они от Липовского в пятом часу дня.

Находясь у Липовского, неизвестные пили чай. Оставшиеся после чаепития конфеты и пряники хромавший положил себе в карман.

Из допроса Липовского следователь узнал еще об одном факте. Оказывается, товарищ хромого в доме Липовского брился. Свою бритву он обтирал бумажкой, которую достал из чемодана, а затем куда-то бросил.

Следователь отыскал эту бумажку в мусорной яме во дворе дома Липовского.

Бумажка оказалась заполненным бланком почтового перевода, повидимому, не принятого почтой из-за имеющихся на нем чернильных пятен и помарок в тексте. От-

правителем перевода был указан Г. Ф. Курочкин, проживавший в Баку, в поселке имени Жданова. Деньги (в сумме 600 руб.) предназначались О. Ф. Рогачевой, проживающей в деревне Новинки Вачского района Горьковской области.

По отдельному требованию Г. Ф. Курочкин был допрошен. Он показал, что у него на квартире в течение нескольких дней проживали два гражданина, приехавшие в Баку продавать картофель. Фамилий их он не знает. Имя одного гражданина — Никита, другого — Иван. Никита прихрамывает на правую ногу. Курочкину было известно, что Иван продал более 6 т картофеля, за что он выручил около 18 тыс. руб. Будучи допрошена, О. Ф. Рогачева показала, что ее зять — Иван Рогачев уехал в Баку продавать картофель.

Жена Рогачева, приехав в г. Лиман, опознала труп и одежду своего мужа — И. В. Рогачева.

Допросом ряда свидетелей, проживающих в Вачском районе Горьковской области, было установлено, что в Баку для продажи картофеля выехал также Никита Азовцев, хромой на правую ногу. Домой Азовцев не возвратился.

Допросом заведующего магазином на ст. Гудермес следователь установил, что там неизвестному гражданину было продано ружье № 27987. Номер ружья не сходился с номером, обозначенным в паспорте, о чем покупателю была выдана соответствующая справка.

Проверкой корешков квитанций в камере хранения ручной клади на ст. Гудермес следователь установил, что 28 ноября 1953 г. в камеру сдавал вещи гражданин И. В. Рогачев, который предъявил документ № 457788. Этот номер при проверке оказался номером военного билета Рогачева.

Житель села Яндыки, свидетель Ткачев показал, что 29 ноября днем он видел Рогачева и его спутника вместе в селе Яндыки, а в 2 часа ночи 30 ноября спутник Рогачева один пришел на разъезд № 6 и уехал в направлении г. Кизляра.

30 ноября гражданка Азарова на дороге недалеко от места обнаружения следов крови нашла разбросанные конфеты и пряники.

В результате принятых мер розыска Азовцев вскоре был задержан в Туле.

В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что Азовцев 3 декабря приехал в Саратов и лег в больницу в связи с обморожением пальцев ног. В кассу больницы он сдал на хранение 3600 руб. денег, а жене послал два почтовых перевода — один на 700 руб. и второй на 2500 руб.

26 января Азовцев поехал в Тулу к своему брату, где продал имевшееся у него ружье, взамен которого он купил новое.

Организованной следователем проверкой было установлено, что угол разворота ступней левой ноги Азовцева равен 20° , а правой ноги — 40° . Длина его шага оказалась равной 66—70 см. Эти данные, примерно, совпадали с теми, которые были получены при измерении следов ног на месте происшествия¹.

Таким образом, косвенные доказательства полностью изобличали Азовцева в совершении тяжкого преступления.

Суд признал Н. Азовцева виновным в совершении убийства и ограбления И. Рогачева и приговорил его к строгому наказанию.

---

¹ Как указывалось выше, т. Лосев допустил ошибку, ограничившись одним только составлением протокола осмотра места происшествия, включив в него данные об измерениях, касавшихся «дорожки» следов. Следователь должен был либо составить схему (чертеж) «дорожки» следов, либо сфотографировать их, соответственно оформив эти следственные действия. Еще лучше было бы осуществить и первое и второе, то есть составить схему (чертеж) и сфотографировать следы. Задержав человека, который по данным следствия оставил следы на месте происшествия, следователь должен был надлежащим образом зафиксировать следы ног, оставляемые этим человеком, и притом в таких же условиях, в которых они были образованы на месте происшествия, то есть на таком же грунте. Схему (чертеж) или фотоснимок этой экспериментальной «дорожки» надлежало бы направить на криминалистическую экспертизу, которая либо идентифицировала бы преступника по представленным следам, либо отвергла такую возможность. Если же на месте имеется учреждение, производящее криминалистические экспертизы, то лучше всего направить туда человека, который по данным следствия оставил следы на месте происшествия.— Ред.

---

*Народный следователь прокуратуры
Дотнувского района
Литовской ССР
младший юрист
С. С. Куклянскис*

ПРИМЕНЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДЛЯ ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ НОГ

Известно, какую большую роль в расследовании преступлений играют различного рода следы, обнаруживаемые на месте происшествия. В ряде случаев они являются весьма ценными доказательствами по делу. Следователи, особенно работающие в сельской местности, нередко с большим успехом используют в качестве доказательств следы ног преступников, остающиеся на месте совершения преступления. Криминалистическая экспертиза следов ног человека может дать следователю важный уличающий материал. По следам обутых ног можно установить обувь, которой они образованы.

Работа со следами ног значительно облегчается благодаря применению научно-технических средств, имеющихся в следственном чемодане.

Важность применения научно-технических средств в работе со следами ног я хочу показать на примере из моей следственной практики.

Однажды по просьбе работников милиции мне пришлось принять участие в расследовании кражи домашних вещей.

1 декабря 1953 г. Дотнувским районным отделом милиции было получено сообщение о том, что в ночь на 1 декабря в деревне Кайренай Дотнувского района совершена кража носильных вещей у Владаса Пошкуса. Совместно с работниками милиции я выехал на место происшествия.

По прибытии туда опросом гражданина Владаса Пошкуса было установлено, что из кладовой его дома похищены различные носяильные вещи на сумму 2000 руб. Пре-

Фото. Таблица сравнительного исследования слепка следа ноги, обнаруженного на месте происшествия, и ботинка С. Даикуса

ступник проник в кладовую через соломенную крышу дома, предварительно проделав в ней отверстие. При осмотре места происшествия около дома и на дороге, ведущей к шоссе, было обнаружено несколько следов человеческих ног. Внимательно осмотрев следы, я пришел к выводу о том, что они принадлежат двум лицам.

На месте происшествия мною были сделаны гипсовые слепки двух следов, обладающих различными признаками. Перед изготовлением слепков следы были измерены и сфотографированы по правилам масштабной фотосъемки.

Получив подробное описание похищенных вещей, мы вместе с оперативными работниками милиции стали разыскивать преступников. В течение трех дней были выявлены некоторые данные, позволившие заподозрить в совершении преступления Стасиса Дапкуса, ранее судимого за грабежи.

В его квартире был произведен тщательный обыск и обнаружено и изъято несколько вещей, по своим признакам напоминающих вещи, похищенные у Владаса Пошкуса. Обращали на себя внимание валявшиеся в углу комнаты грязные ботинки. Они также были изъяты. Оказалось, что они принадлежали Стасису Дапкусу.

Изъятые при обыске вещи я предъявил для опознания потерпевшему, который опознал их (кроме ботинок) по ряду характерных признаков.

При допросе свидетеля Елены Дубаускиене было выяснено, что в ночь на 1 декабря 1953 г. Дапкус пришел домой только под утро. С ним вместе пришел его двоюродный брат Ионас Алекна, проживающий в той же квартире, что и Дапкус.

Стасис Дапкус и Ионас Алекна были задержаны. Слепки следов ног, изготовленные на месте происшествия, ботинки, изъятые во время обыска у Стасиса Дапкуса, и ботинки, в которые был обут Ионас Алекна, я направил на криминалистическую экспертизу.

На разрешение экспертизы был поставлен вопрос, не образованы ли обнаруженные на месте происшествия следы данными ботинками.

Экспертиза установила, что признаки одного из следов, зафиксированных посредством гипсовых слепков, совпадают с признаками левого ботинка Стасиса Дапкуса. Другой слепок оказался для идентификации непригодным.

Исходя из того, что следы, обнаруженные около дома Владаса Пошкуса, принадлежали двум лицам и что Ионас Алекна, по показаниям Елены Дубаускиене, в ночь на 1 декабря вернулся домой вместе с Дапкусом, я решил тщательно проверить возможность его участия в совершении преступления. Мною было установлено место

жительства матери Алекна, после чего я произвел в ее доме обыск и обнаружил часть вещей, которые опознал потерпевший как принадлежащие ему.

Мать Ионаса Алекна показала на допросе, что вещи принес к ней в дом ее сын 2 или 3 декабря. Таким образом, Стасис Дапкус и Ионас Алекна были изобличены. Весьма важной уликой при этом оказался след, оставленный на месте совершения преступления ботинком одного из преступников.

Приговором народного суда Стасис Дапкус и Ионас Алекна признаны виновными в ссовершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», и приговорены Стасис Дапкус к десяти годам лишения свободы, а Ионас Алекна — к шести годам лишения свободы.

---

*Старший следователь прокуратуры
Ставропольского края
юрист 1-го класса
С. А. Кузеленков*

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВИЛЬНОЙ ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

29 января 1953 г. в 10 часов утра в прокуратуру Александрийско-Обиленского района Ставропольского края поступило сообщение об убийстве семьи чабана Апалько и временно проживавших на его кошаре четырех плотников.

На место происшествия немедленно выехали работники прокуратуры и милиции.

При входе в дом, находящийся на территории кошары (фото № 1), нам представилась следующая картина.

Фото № 1. Общий вид кошары, в которой произошло убийство

В комнате, занимаемой плотниками, один на другом лежало шесть трупов с раздробленными черепами и множеством ран на теле. Пол комнаты и предметы, находившиеся в ней, были залиты кровью (фото № 2 и 3).

В другой комнате, где жила семья чабана, трупов не было, но всюду виднелись пятна, брызги и потеки крови. Вещи находились в беспорядке.

Фото № 2. Расположение трупов на месте происшествия.

В 150 м от дома в степи лежал еще один труп мужчины. После предварительного осмотра обстановки места происшествия, убедившись, что потерпевшие не подают признаков жизни, мы приступили к опросу людей, пришедших первыми на кошару утром 29 января.

Сведения, собранные нами, имели серьезное значение. Рабочие Нешто, Ситникова и Нефедова первыми пришли утром 29 января на кошару, так как должны были принять участие в ремонте подсобного помещения. Поскольку на территории кошары никого не было, они вошли в комнату чабана. Увидев разбросанные вещи и брыз-

ги крови, рабочие поняли, что совершено преступление. Когда они вошли в комнату, где жили плотники, из нагромождения трупов поднялась голова умиравшего плотника Гончарова, который еле слышно произнес: «Нас изрубил Павел...», — и потерял сознание. Гончаров был немедленно отправлен в больницу, где вскоре умер.

Фото № 3. Один из трупов, обнаруженных на месте происшествия

Лица, принимавшие участие в отправке умирающего в больницу, рассказали мне обо всех изменениях в расположении предметов, произведенных в связи с оказанием помощи Гончарову.

Таким образом, путем опроса было установлено важнейшее обстоятельство: преступник был знаком с Гончаровым.

Имея такие данные, я приступил к тщательному осмотру места происшествия.

Первое, что бросилось в глаза при входе в комнату чабана, был царивший там беспорядок. Вещи чабана были выброшены из сундука и валялись по всей комнате.

Были раскиданы и вещи плотников. Это позволило предположить, что убийство совершено с корыстной целью, и преступники после убийства искали деньги и ценные вещи (фото № 4).

В коридоре были найдены два окровавленных топора, которыми, судя по характеру ранений, были изрублены жители кошары.

Фото № 4. Вещи, в беспорядке разбросанные в комнате чабана Апалько

Обнаружение крови в обеих комнатах, коридоре, на крыльце и на улице около входной двери говорило о том, что потерпевшие были убиты в разных местах и впоследствии перетащены в одну комнату.

Большое количество крови на нарах, где спали плотники, свидетельствовало о том, что они были убиты во время сна. Запоры дверей и окон были целы. Все это, вместе взятое, дало мне возможность, уже на месте происшествия, сделать следующие выводы, имевшие большое значение для дальнейшего расследования дела.

1. Плотники и семья чабана убиты несколькими преступниками.

2. Убитые знали преступников.

3. В ночь совершения убийства преступники ночевали вместе с потерпевшими.

Дальнейший осмотр дал ценные данные для установления личности преступников.

При осмотре комнаты были обнаружены на стекле керосиновой лампы отчетливые следы пальцев.

Поскольку преступление было совершено ночью, я решил, что преступники после убийства, а может быть и до него, должны были зажечь свет. Поэтому отпечатки могли принадлежать одному из них. Исходя из этого ламповое стекло с отпечатками пальцев было изъято.

Кроме того, при осмотре я обратил внимание на то, что в комнате чабана на полу лежали сильно испачканные кровью пара мужского белья, а также морская фуражка и форменные морские брюки. Размеры обнаруженного белья были значительно меньше, чем белье, которое носил Апалько. Это означало, что обнаруженная одежда могла принадлежать преступникам.

Правильность такого вывода подтверждалась также показаниями Нешто и Нефедовой, которые рассказали, что ни Апалько, ни плотники морской фуражки и морских брюк не имели.

При осмотре комнаты, в которой временно размещались плотники, я обратил внимание на лежавшую в углу комнаты скомканную телогрейку. Она была грязная, замасленная, со следами мазута и большим количеством пятен крови.

Надлежало выяснить, кому принадлежит обнаруженная фуфайка — плотникам или одному из скрывшихся преступников. Ответ на этот вопрос был получен также в результате осмотра места происшествия.

На нарах, где спали плотники, находилось три разостланые фуфайки. По их виду было ясно, что на них спали. Четвертой же фуфайки, на которой мог спать четвертый плотник, на нарах не оказалось. Это привело меня к убеждению, что четвертая фуфайка, принадлежавшая плотникам, была взята с нар преступниками, которые свою фуфайку бросили в углу комнаты.

Фуфайку, предметы одежды, плотничьи топоры я сфотографировал по правилам масштабной фотографии и изъял с места происшествия для приобщения к делу в качестве вещественных доказательств (фото № 5).

После осмотра кошары и прилегающей местности я

выяснил расположение кошары по отношению к ближайшим населенным пунктам. При этом оказалось, что в окрестностях находилась только ферма Зерносовхоза и центральная усадьба того же совхоза. До фермы было 15 км, а до центральной усадьбы — 20 км. Районный центр находился в 50 км от кошары, а ближайшая узловая железнодорожная станция — Минеральные Воды — на расстоянии 60 км.

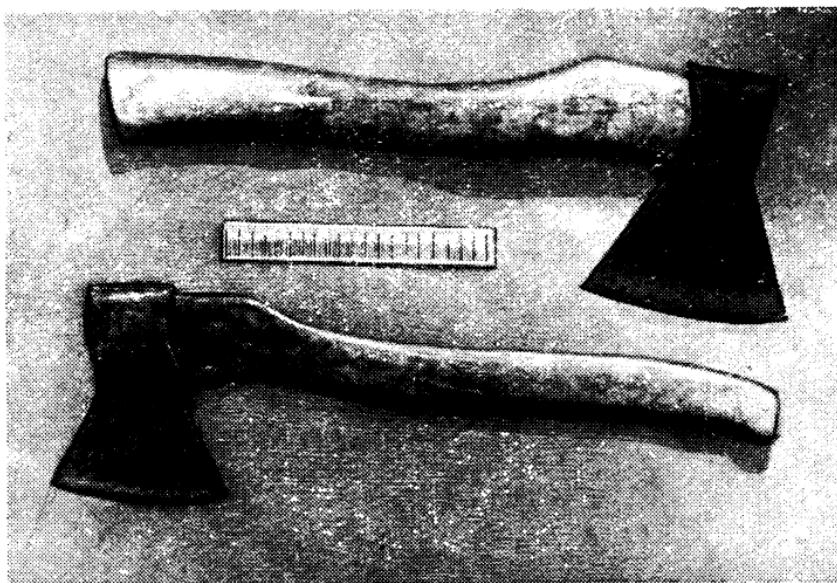

Фото № 5. Топоры, изъятые следователем

Из учета всего этого я построил такие версии:

1. Убийство совершено кем-либо из обитателей фермы Зерносовхоза или центральной усадьбы.
2. Убийство совершено кем-либо из «гастролирующих» преступных элементов.

Следствие шло одновременно по обеим выдвинутым версиям.

Работникам милиции было дано задание — проверить, нет ли среди обитателей фермы или центральной усадьбы гражданина по имени Павел, который в ночь на 29 января выезжал из дома, а также не появлялись ли в указанных пунктах в последнее время посторонние люди. Судя по расстоянию от кошары до райцентра (50 км), вряд

ли можно было допустить, что преступники пришли пешком. Учитывая, что сообщение кошары с райцентром происходило главным образом на грузовых машинах совхоза, я решил, что преступники могли приехать на одной из этих автомашин. Оказалось, что в Зерносовхозе имеется экспедиция, в ведении которой находятся все автомашины.

Из допросов работников этой экспедиции мне удалось установить, что 28 января днем в экспедицию заходил племянник управляющего фермой Зерносовхоза КАКАТЮХИ вместе с неизвестным парнем. Они просили подвезти их на попутной машине на ферму. Работники экспедиции показали, что племянник КАКАТЮХИ был одет в старую телогрейку, ватные стеганые брюки и сапоги, его спутник — в плащ защитного цвета, черные брюки клеш и ботинки.

В целях проверки, не имеет ли связи появление этих двух людей с преступлением на кошаре, я вызвал к себе управляющего КАКАТЮХУ и допросил его.

При допросе он подтвердил, что у него действительно есть племянник Павел Курдубанов, который приезжал к нему в сентябре 1952 года и просил устроить на какую-нибудь работу. КАКАТЮХА устроил племянника рабочим на кошаре чабана АПАЛЬКО.

В декабре Курдубанов самовольно бросил работу и уехал, по его словам, в Степновский район Ставропольского края к тетке.

Управляющий рассказал также, что в то время, когда Павел работал на кошаре, он дал ему свою фуфайку.

После этого КАКАТЮХЕ была предъявлена для опознания фуфайка, обнаруженная мною на месте происшествия. КАКАТЮХА опознал эту фуфайку, пояснив, что она была подарена им Павлу Курдубанову.

Опознание фуфайки, тот факт, что Павел бывал на кошаре чабана АПАЛЬКО и что там его знали, а также то, что плотник Гончаров назвал имя Павла, указывали на то, что в убийстве участвовал Павел Курдубанов.

Располагая такими данными, я объявил розыск Павла Курдубанова.

Путем допроса управляющего фермой были установлены биографические данные и словесный портрет Павла, а также адреса всех его родственников. По этим адресам были немедленно сделаны телеграфные запросы. Такие же запросы были сделаны на узловые железнодорожные

станции юга. В запросах указывались биографические данные и содержалось описание словесного портрета Павла.

Одновременно с этим я продолжал исследовать вопрос с возможных мотивах убийства. Из допросов работников совхоза, близко знавших семью Апалько, было установлено, что в быту чабан Апалько был скромен, выдержан, ни с кем не ссорился и врагов не имел. Это исключало версию об убийстве из мести. Я обратил внимание на то, что руководство совхоза характеризовало Апалько как лучшего чабана совхоза, неоднократно получавшего премии за успехи в работе. Несколько раз премии получали жена и дочь Апалько, которые работали в совхозе вместе с ним. В бухгалтерии совхоза я узнал, что за последние три месяца семья Апалько получила за работу более 18 000 руб.

Сопоставление этого обстоятельства с тем, что при осмотре кошары денег обнаружено не было, а также с отсутствием вкладов на имя Апалько в сберкассе, подтверждало предположение о том, что преступление совершено с целью ограбления.

На десятый день Павел Курдубанов был задержан в Узбекской ССР у своей тетки.

По прибытии Курдубанова в Ставропольский край я отобрал у него дактилоскопические отпечатки и назначил экспертизу для выяснения вопроса, не им ли оставлены следы на ламповом стекле в комнате Апалько. Эксперт ответил на этот вопрос положительно (фото № 6).

После этого Павел Курдубанов признал себя виновным в убийстве жителей кошары.

В сентябре, показал Курдубанов, он от родных переехал к своему дяде Какатюхе в совхоз, где устроился работать на кошаре чабана Апалько. Однако работа показалась ему тяжелой, и через два месяца он, не предупредив никого, уехал к своей тетке. В пути на ст. Прохладная он познакомился с человеком по имени Виктор.

Виктор рассказал Павлу, что он занимается кражами на железной дороге и предложил присоединиться к нему. Павел согласился. Однажды, беседуя с Виктором, Павел Курдубанов упомянул, что в последнее время он работал в совхозе у чабана Апалько, который вместе со своей дочерью получил много денег. Тогда же у них возникло решение ограбить чабана.

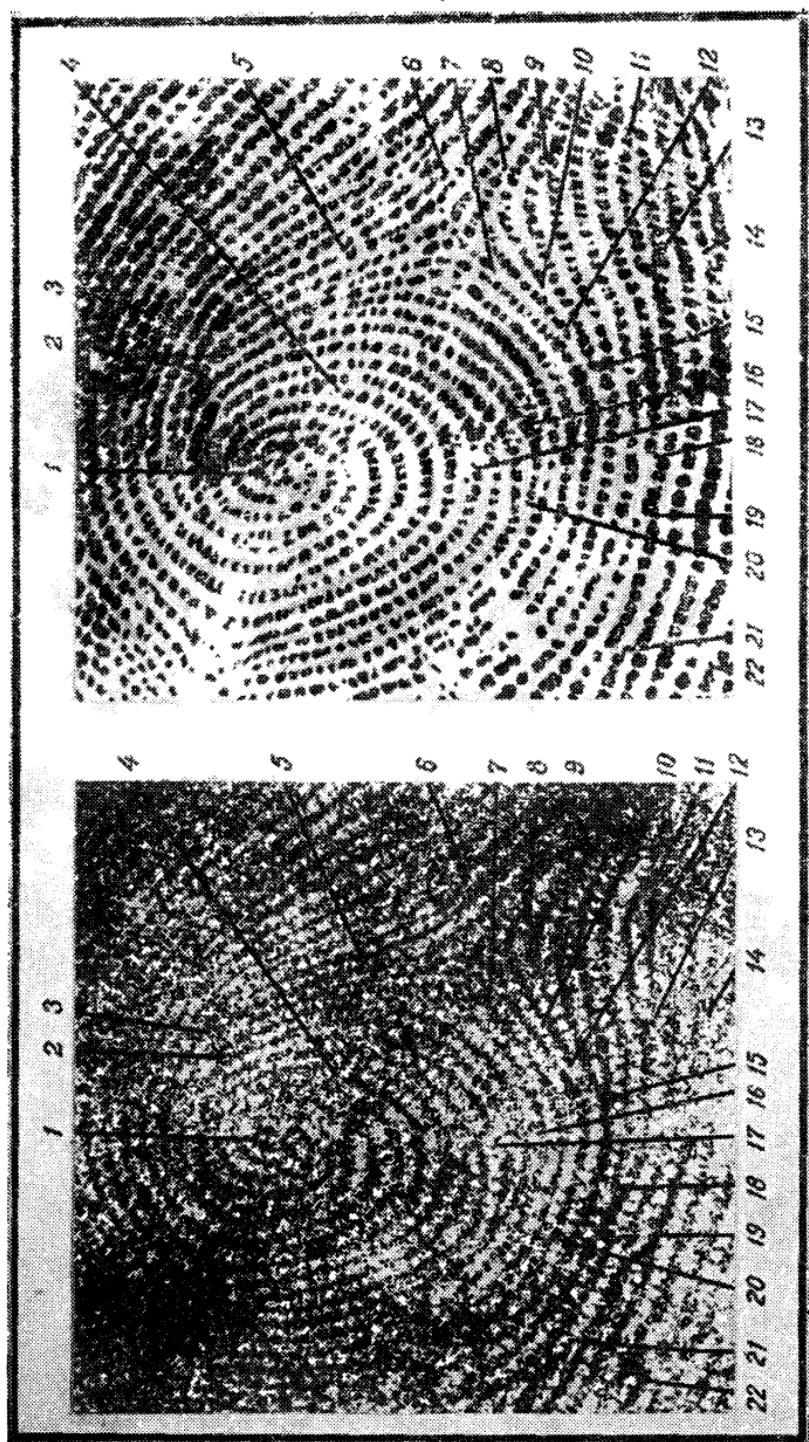

Фото № 6. След пальца на ламповом стекле (слева), и отпечаток пальца Курдубанова (справа). Цифрами указаны совпадения в деталях папиллярных узоров

Они решили проникнуть в дом чабана под предлогом возвращения Павла на работу. Зная, что Апалько нуждается в рабочих, Павел надеялся убедить его принять на кошару и Виктора. Они решили убить семью Апалько в первую же ночь и, забрав деньги, скрыться.

Не застав в экспедиции попутной машины, Павел и Виктор отправились на кошару пешком и к вечеру 28 января были уже там. Чабан Апалько встретил их приветливо, накормил и пообещал на следующий день уладить вопрос об их работе. Ночевать им Апалько предложил в соседней комнате, где спали плотники.

Павел рассказал далее, что когда он увидел в соседней комнате четырех знакомых ему плотников, он отвел Виктора в сторону и сказал, что ограбить Апалько им вряд ли удастся, так как будут свидетели их вечернего пребывания в кошаре. На это Виктор ответил: «Надо убить их всех и тогда никаких свидетелей не останется».

Ночью, когда все заснули, Павел и Виктор поднялись, вооружились стоявшими в комнате топорами и начали рубить плотников. На крики тяжелораненых и умирающих из соседней комнаты прибежал Апалько, но тут же получил удар топором по голове от стоявшего в дверях Павла. Пытаясь убежать, Апалько выскочил на улицу. Павел погнался за ним, в 25 м от дома схватил его за одежду и задержал. Подбежавший в это время Виктор нанес Апалько 14 рубленых ран в голову. На крики Апалько на улицу выскочили его жена и дочь, которые тут же были изрублены Павлом и Виктором. После этого все трупы были переташены в комнату плотников и преступники стали искать в комнате Апалько деньги. При этом Павел зажег керосиновую настольную лампу.

По словам Павла, он лично денег у Апалько не нашел, а удалось ли их найти Виктору, ему не известно. Отобрав несколько ценных вещей, Павел и Виктор помыли руки и лицо и переоделись. Виктор надел на себя белье и одежду Апалько, а Павел чистую фуфайку одного из плотников. Боясь быть застигнутыми на месте преступления, преступники немедленно скрылись.

Показания Павла подтверждались ранее собранными доказательствами.

Необходимо было найти Виктора. Это затруднялось тем, что Павел утверждал, будто бы не знает ничего, кроме его имени.

Большую роль в розыске Виктора сыграла при этом одна деталь в показаниях Павла. Павел сообщил, что он и Виктор были задержаны на железнодорожной станции Прохладная и после проверки личности отпущены. Кроме того, уже после совершения убийства Павел и Виктор были задержаны на какой-то железнодорожной станции между Красноводском и Ашхабадом, но на какой именно, Курдубанов не помнил.

С целью установления фамилии Виктора в милицию ст. Прохладная мною был сделан запрос о том, был ли там задержан Курдубанов и человек по имени Виктор. В положительном случае было предложено выслать все имеющиеся о них данные.

Такой же запрос был сделан в милицию ст. Красноводск Ашхабадской ж. д., так как там сосредоточивался учет задержанных на линии.

В результате было установлено, что на ст. Прохладная и на ст. Небит-Даг (Ашхабадской ж. д.) в дни задержания Павла Курдубанова задерживался также Журко Виктор Сергеевич, 1933 года рождения.

Совпадение дней задержания Журко и Курдубанова дало основание сделать вывод, что участником убийства на кошаре является Журко.

На него был объявлен розыск. Вскоре поступило сообщение, что Журко Виктор Сергеевич, 1933 года рождения, находится в Керчи, где работает матросом.

В Керчь был немедленно направлен оперативный работник милиции для ареста Журко.

На первом допросе в Керчи Журко заявил, что по поводу убийства обитателей кошары ему ничего не известно, так как он в течение всего года безвыездно находился в Керчи, где работал во флоте.

При проверке показания Журко полностью подтвердились. Алиби Журко не вызывало никаких сомнений.

Возник вопрос, не воспользовался ли преступник документами Журко.

Журко заявил, что в 1952 году незадолго до окончания ремесленного училища он передал свое свидетельство о рождении одному ученику училища, фамилии которого не знал, так как они учились в разных группах.

На вопрос о том, зачем потребовалось его товарищу чужое свидетельство о рождении, Журко пояснил, что документы его соученика были направлены на Николаев-

ский судоремонтный завод, куда он получил назначение на работу. Не желая ехать на завод, а собираясь дезертировать, он и попросил у Журко свидетельство о рождении.

Располагая такими данными, один из работников милиции направился в Николаев на судоремонтный завод, чтобы установить, кто из учеников ремесленного училища выпуска 1952 года не явился на завод по назначению. На заводе работника милиции ждало новое затруднение: из выпускса 1952 года на завод не явилось 12 человек!

Кто же из этих двенадцати был преступником?

Разрешить этот вопрос мне помогли фотокарточки этих двенадцати человек.

Изъяв их на заводе, работник милиции возвратился в Керчь и предъявил их В. Журко. Опознание было оформлено специальным протоколом, в котором под порядковыми номерами были наклеены и опечатаны все 12 фотографий.

На фотографии под порядковым номером 7 Виктор Журко опознал того ремесленника, которому он передал свидетельство о рождении. Им оказался Алексеев Владимир Григорьевич 1934 года рождения.

Принятыми мерами розыска Алексеев был задержан в Челябинске и этапирован в Ставрополь.

Под тяжестью собранных доказательств он также признался в совершении преступления.

Курдубанов и Алексеев (он же Журко) были преданы суду и осуждены по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и по ст. 59³ УК РСФСР.

Розыску и задержанию преступников помог тщательный осмотр места происшествия и правильное использование его результатов.

---

*Прокурор следственного отдела
Прокуратуры РСФСР
юрист 3-го класса*

B. B. Клочков

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОТОСНИМКОВ И ЧЕРТЕЖЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЯ И ПОДЖОГА

28 апреля 1953 г. около 3 часов утра на оптовой базе Воскресенского райпотребсоюза в поселке Данков Рязанской области возник пожар, которым были полностью уничтожены все строения и инвентарь базы, а также все хранившиеся там материальные ценности на общую сумму свыше одного миллиона рублей.

Незадолго перед пожаром началась передача базы вновь назначенному заведующему Камзееvu, так как Занин, работавший ранее заведующим, решением правления райпотребсоюза за систематические пьянки и нарушения трудовой дисциплины был отстранен от работы.

Расследование по делу о пожаре было поручено бригаде работников Рязанского областного управления милиции. Расследованием было установлено, что 27 апреля 1953 г. в 5 часов дня на дежурство по охране базы заступила сторож Гордеева, которая без согласования с райпотребсоюзом и без оформления документов была принята на работу Заниным незадолго до пожара, вместо отпущенной в отпуск (также без всякого оформления) сторожа Микляевой. В помещении конторы базы в день пожара, так же как и в предшествовавшие дни, ночевали члены инвентаризационной комиссии, которых около 3 часов ночи разбудила Гордеева криком «пожар!»

Как следовало из показаний допрошенных свидетелей, пожар начался у задних недействующих ворот базы, где были расположены ящики с пустой винной посудой. Огонь очень быстро охватил все ящики, распространился на

помещение склада и навес, закрывавший почти всю территорию базы. Под навесом также находились различные товары. Противопожарных средств на базе не было. Собравшиеся лица пытались залить огонь несколькими ведрами воды, но это не дало результатов. Прибывшая пожарная команда не сумела организовать борьбу с огнем, и вся база сгорела.

На одном из допросов в милиции сторож Гордеева дала показания о том, что она, выходя ночью осматривать территорию базы, которая не освещалась (электрический свет был отключен, керосиновых фонарей не было), освещала себе дорогу спичками и якобы бросила непогашенную спичку у задних ворот базы, именно в том месте, где возник затем пожар.

На этом основании милицией было возбуждено уголовное преследование против Гордеевой по ст. 16 и ч. 2 ст. 79 УК РСФСР. Она была заключена под стражу, после чего дело в порядке ст. 108 УПК РСФСР поступило в прокуратуру Данковского района.

Одновременно с этим 29 апреля милицией было возбуждено уголовное дело по обвинению Занина по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Дело было возбуждено на основании того, что инвентаризационная комиссия составила акт о недостаче у Занина винно-водочных изделий на сумму 7904 р. 50 к. При обыске на квартире Занина были обнаружены и изъяты отдельные вещи (кровать, радиоприемник), сходные с находившимися на базе до пожара, объяснить приобретение которых Занин не смог. Занин был арестован, и его дело было также передано в прокуратуру Данковского района.

Оба дела были объединены в одно производство по тем мотивам, что Занин должен нести ответственность также и за возникновение пожара, ибо им не были своевременно приняты меры к обеспечению базы противопожарным инвентарем. Версия об умышленном поджоге базы не выдвигалась и никаких доказательств как по этому эпизоду, так и по причинам образования недостачи добыто не было.

Прокурором РСФСР было принято решение поручить расследование дела бригаде следователей прокуратуры Рязанской области. В бригаду вошли С. Л. Колмаков,

Г. И. Милованов и М. Ш. Гуревич. Руководство следствием было поручено мне.

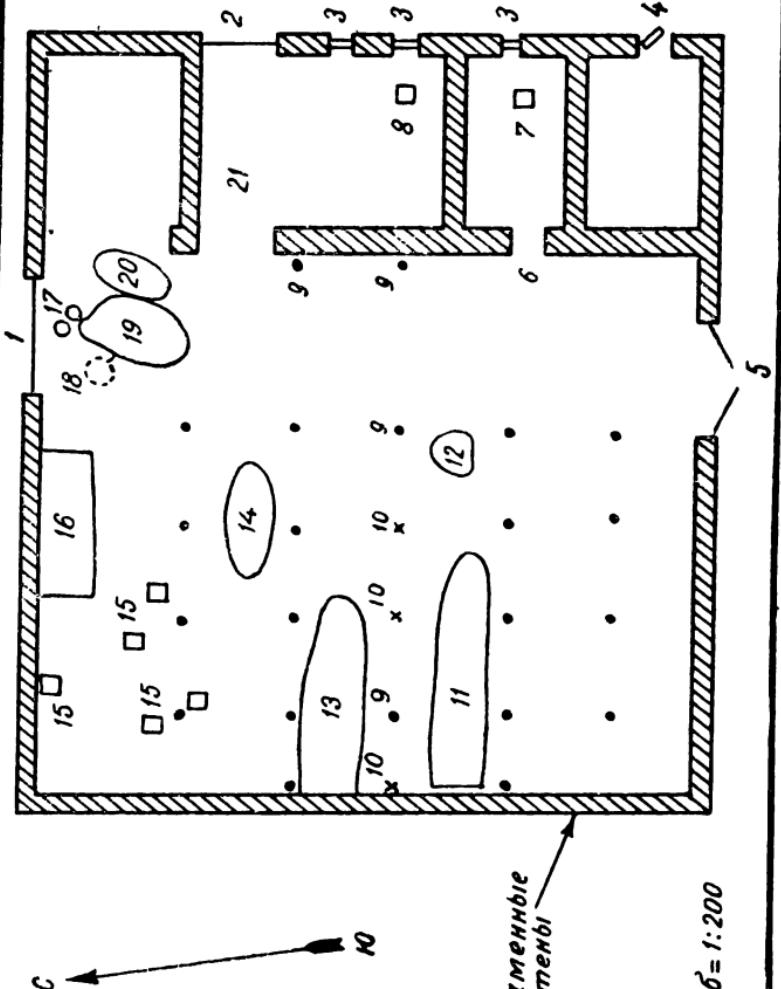
Было принято решение прежде всего произвести тщательный осмотр места происшествия с целью выяснения расположения очага пожара и путей распространения огня, а также обнаружения возможных вещественных доказательств.

Территория базы представляла собой почти квадратный участок размером 23×25 м, обнесенный с трех сторон высоким каменным забором. С четвертой стороны находилось двухэтажное здание склада. В стене забора, выходящей на улицу, были ворота, направо от них — указанное здание склада, а напротив этих ворот, в противоположной стене, — задние недействующие ворота. Левая от входа и задняя сторона забора до пожара служили основанием для навеса из досок, покрытых толем. Навес покоялся на ряде столбов, более высоких к середине двора. Вся территория базы к моменту осмотра была завалена полусгоревшими остатками различных предметов (см. план).

При осмотре выяснилось следующее. У задних ворот базы, которыми не пользовались, среди всяких остатков было обнаружено значительное количество расплавившегося бутылочного стекла. Следовательно, в этом месте огонь достигал очень большой силы. В то же время в левом заднем углу территории базы оказалось большое количество несгоревших разбросанных коробок спичек. Два столба в середине навеса огонь совершенно уничтожил, в то время как столбы в других местах, в том числе и у задних ворот, лишь обгорели. Верхний деревянный этаж здания склада оказался почти совершенно уничтоженным огнем.

Это показывало, что если первоначальный очаг пожара был только у задних ворот, то огонь распространялся вправо на помещение склада и влево по навесу, дав наиболее сильное пламя в середине навеса и совершенно не задев левый угол. Это представлялось странным. Поэтому у нас возникло предположение, что был еще и другой очаг пожара, где-то в середине двора.

Попытки обнаружить в грунте остатки керосина и иных горючих веществ, применявшимся, вероятно, при поджоге, результатов не дали. Поэтому мы не стали

Масштаб: 1:200

План места происшествия. На плане обозначены: 1 — задние недействующие ворота; 2 — боковые недействующие ворота; 3 — закрытые недействующие двери; 4 — дверь в складское помещение с несторвущими спичками; 5 — ворота базы на ул. Бакунина; 6 — дверь в склад кондитерских изделий; 7 и 8 — локи в подвал; 9 — обгоревшие столбы, на которых были укреплены навес; 10—остатки горевших и обрушившихся столбов; 11 — горевшие велосипеды; 12 — куча обгоревших гвоздей; 13 и 14 — куча осколков оконных стекол; 15 — ящики со спичками (не горевшие); 16 — обгоревшие рулоны толя; 17 — бочки с краской; 18 — круг пруткового железа; 19 — сплавившиеся остатки стекол от бутылок; 20 — куча кровельного железа; 21 — разбросанные горевшие книги и бумаги

изымать и направлять на химическую экспертизу образцы грунта с участков предполагаемого очага пожара¹.

Еще до осмотра места происшествия мы изъяли пальто Гордеевой, которое было на ней в ту ночь, когда случился пожар. Это пальто направили для исследования в Центральную криминалистическую лабораторию Министерства юстиции СССР с целью определить, нет ли на нем остатков керосина или иных горючих веществ. Однако это исследование не дало положительных результатов.

Место происшествия в целом и отдельные участки его мы сфотографировали. Кроме того, был составлен план с указанием на нем мест расположения сплавившегося стекла, несгоревших коробок спичек, сгоревших столбов и др. Фотоснимки и чертежи сыграли немаловажную роль в дальнейшем расследовании по делу и использовались при допросах.

После этих первоначальных следственных действий и ознакомления со всеми имеющимися материалами мы составили план расследования, где предусматривалось выяснение всех обстоятельств пожара и хозяйственной деятельности базы, так как возникало предположение, что пожар явился результатом поджога, совершенного для скрытия хищения товаров.

Версия о возникновении пожара от неосторожного обращения с огнем к моменту составления плана отпала, так как электричество в день пожара было отключено, керосина на базе не было, керосиновые фонари не горели и никто из членов инвентаризационной комиссии, находившихся на складе, ночью не выходил и огня не зажигал. От брошенной же Гордеевой спички пожар возникнуть не мог, ибо по имевшимся данным земля в месте расположения ящиков с винной посудой в период, предшествующий пожару, была влажной. К тому же Гордеева на допросе отказалась от своих первоначальных показаний.

¹ Для исследования грунта в таких случаях применяется особый порошок, в состав которого входит жировой темнокрасный краситель. Растворяясь в керосине, бензине и других продуктах перегонки нефти, этот порошок окрашивает грунт в том случае, если в нем имеются указанные вещества. Если же в грунте нет продуктов перегонки нефти, то порошок не растворяется. Подробней об этом см. статью А. А. Выборновой «Криминалистическое исследование некоторых вещественных доказательств» в сборнике «Советская криминалистика на службе следствия» (вып. 5, стр. 96—98).

Версия об умышленном поджоге посторонними, не связанными с базой лицами также опровергалась данными осмотра, свидетельствовавшими о том, что пожар начался внутри базы, а туда никто посторонний пройти не мог.

При расследовании обстоятельств пожара прежде всего нужно было установить, как и где были расположены на базе товары, как и где начался пожар и как распространялся огонь.

Для этого по данным осмотра, чертежам базы, обнаруженным нами в конторе госстраха, и по показаниям свидетелей, имевшимся в деле, были восстановлены и зафиксированы в чертежах и схемах общий вид склада, размеры и расположение помещений и места хранения товаров.

С плана базы мы изготовили несколько копий путем перекопировки на просвет, без всяких надписей и обозначений. Затем с каждым из свидетелей — очевидцев пожара мы выходили на место пожара, и там этот свидетель в присутствии понятых показывал, где он находился, где были до пожара расположены те или иные товары, где он увидел огонь, что горело, как горело и т. п. Показания свидетеля записывались в протоколе, а на копию плана наносились необходимые обозначения. Протокол и приложенный к нему план подписывались следователем, свидетелем и понятыми.

В результате нашла подтверждение выдвинутая при осмотре места происшествия версия о том, что очагов пожара было два, а не один: в штабелях ящиков с посудой из-под винно-водочных изделий, расположенных у задних недействующих ворот базы, и на середине территории базы, под навесом, в том месте, где два столба сгорели полностью. Впоследствии, при дальнейшей проверке этой версии, свидетель Фролов, одним из первых явившийся к месту пожара, показал, что в момент прихода на базу он увидел, что горят два штабеля ящиков у задних ворот. Затем он увидел как из-под навеса слева от входа «оторвалось пламя и ударились вверх, отчего загорелась крыша».

После того как были допрошены все свидетели и стало несомненным, что пожар произошел в результате умышленного поджога, произведенного внутри базы, мы вновь приступили к допросу сторожа Гордеевой, которая долж-

на была знать обстоятельства поджога, а возможно, и сама была участницей его.

Первоначальные допросы Гордеевой не дали положительных результатов. Правда, ее поведение на допросах, путаные показания о предшествовавших пожару событиях и в то же время совершенно четкие, каждый раз одинаковые показания о том, как она ночью вышла осматривать территорию, как затем увидела огонь и тотчас сообщила об этом членам инвентаризационной комиссии, подкрепляли наше убеждение в том, что Гордеева дает ложные, заученные ею показания.

На одном из допросов Гордеева призналась, что ее первоначальные показания о том, что пожар якобы возник от неосторожно брошенной ею спички, она дала по просьбе Люличева, работавшего кладовщиком на базе и находившегося в приятельских отношениях с Заниным. Это указывало на то, что Занин не только знал о готовящемся поджоге, но и, вероятно, был его инициатором.

То обстоятельство, что инициатором поджога мог быть именно Занин, подтверждалось также выявленными следствием фактами расхищения товаро-материалных ценностей. Произведенной по нашему предложению тщательной документальной ревизией базы на основании сличительных ведомостей, объяснений членов инвентаризационной комиссии, с учетом показаний свидетелей была установлена минимальная недостача товаров у Занина к моменту пожара в размере 66 552 руб.

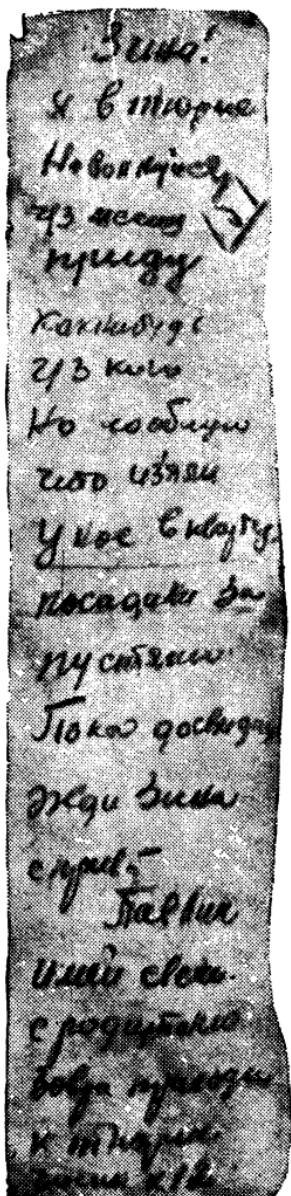
Было установлено, что Занин и Люличев незаконно продали различным лицам и организациям за наличный расчет строительные материалы и другие товары, а вырученную при продаже крупную сумму денег присвоили.

Находясь в тюрьме, Занин сделал попытку тайно передать записку своей сожительнице Юткиной. В записке Занин писал: «...что изъяли у нас в квартире...», причем последние слова были им специально подчеркнуты. Отсюда можно было сделать вывод, что какие-то похищенные им товары еще не реализованы и должны находиться у Юткиной или у кого-либо из связанных с нею лиц.

Однако обыски, проведенные нами у Юткиной и большого числа иных лиц, результатов не дали.

В дальнейшем нами были получены сведения, что Юткина, начиная с апреля и до последних дней (уже был

июнь), часто приходит на квартиру к некоей Петровой с сумкой, наполненной какими-то вещами. Произведенным немедленно обыском в квартире Петровой были обнаружены и изъяты 76 отрезов различных тканей.

Записка Занина

Допрошенная по этому поводу Петрова заявила, что часть отрезов якобы принадлежит ей, а другие принесены ей различными гражданами для пошива одежды. В прокуратуру действительно явилось несколько граждан, которые заявили, что изъятые у Петровой отрезы принадлежат им, и просили вернуть эти отрезы. Однако при тщательном допросе эти лица были вынуждены признаться, что они пришли в прокуратуру по просьбе Петровой и указанные отрезы в действительности им не принадлежат.

Нами была назначена товаро-ведческая экспертиза для установления, не являются ли изъятые у Петровой отрезы такими же, как и те, что имелись на базе. Экспертиза определила, что изъятые у Петровой отрезы имеют то же качество, сорт и артикул, что и ткани, находившиеся на складе перед пожаром.

После ряда очных ставок Юткина признала, что она действительно на протяжении апреля и мая ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день носила отрезы и передавала их Петровой. До пожара Юткина получала ткани непосредственно на базе у Занина и Люличева, а после пожара и ареста Занина ткани ей передавал Люличев.

Отрезы, обнаруженные у Петровой, были предъявлены Ютки-

ной для опознания. Последняя признала, что многие отрезы были принесены ею на дом к Петровой.

Было установлено далее, что Гордеева также сожительствовала с Заниным, знала о хищениях, совершаемых Заниным и Люличевым, и сама брала с базы понравившиеся ей товары и ткани. Будучи уличена всеми собранными доказательствами, Гордеева рассказала, что поджог базы был произведен Заниным и Люличевым с ее участием и по предварительномуговору.

Гордеева показала, что 27 апреля она, по указанию Занина, принесла из дома бутылку с керосином, вылила керосин в банку из-под краски и поставила эту банку около ящиков у задних ворот базы, указав это место Люличеву. Около 3 часов ночи 28 апреля, как было между ними условлено, Занин и Люличев пришли на базу. Гордеева открыла им дверь, пропустила на территорию базы и стала на крыльце конторы, чтобы предупредить Люличева в случае, если кто-либо из членов инвентаризационной комиссии, ночевавших в конторе, проснется и выйдет из здания. Занин караулил в это время снаружи, у ворот базы. Люличев облил ящики керосином и поджег их в двух местах. Затем Занин и Люличев ушли по домам (дома Люличева и Занина расположены рядом с территорией базы), а Гордеева, подождав, пока огонь разгорится, вбежала в контору и разбудила спавших там двух человек криком «пожар!».

С целью проверки показаний Гордеевой был произведен выход с нею на место происшествия. На территории базы Гордеева повторила свои показания и указала те места, где ею была поставлена банка с керосином, где поджигал ящики Люличев, где находились Занин и она в момент поджога. Был составлен протокол, к которому мы приложили план с отмеченными на нем местами, указанными Гордеевой.

В процессе дальнейшего расследования показания Гордеевой были подтверждены и другими данными.

Было установлено, что Люличев 27 апреля до 10 часов вечера находился на квартире у Занина, после чего ушел домой. На допросах же Люличев показывал, что ушел от Занина в 8 часов вечера и больше из дома никуда не уходил. Свидетель Фролов заявил, что Люличев просил его подтвердить при допросе эти показания, и сообщил, что ночью незадолго до пожара он слышал в коридоре дома

тихие шаги. В доме же находились только он, Фролов, Люличев и жена Люличева, которая утверждала, что не вставала в эту ночь с постели.

Занин, по его показаниям, в ночь на 28 апреля безотлучно находился дома. Однако его сожительница Юткина рассказала, что обычно Занин, раздеваясь и ложась спать, разбрасывал свою одежду, где попало, но вечером 27 апреля он аккуратно сложил свою одежду на стуле. Ночью она проснулась от того, что ее разбудил Занин. Вставали он перед этим с постели, она не видела, так как спала, но отметила, что через несколько минут после этого раздался стук в окно и крик, что на базе пожар. Юткина встала с постели первая и обнаружила, что дверь в комнату не заперта на крючок, в то время как она хорошо помнит, что в этот вечер, так же как и всегда, ложась спать, закрывала дверь. По словам Юткиной, Занин, услышав, что на базе пожар, не хотел вставать с постели, и она уговорила его одеться и итти на базу.

Нами был произведен осмотр двери и запоров комнаты. Оказалось, что открыть крючок снаружи невозможно.

Свидетели, наблюдавшие пожар, показали, что Занин и Люличев никакого участия в его тушении не принимали.

Было установлено также, что Занин, Люличев и Гордеева, воспользовавшись халатностью членов инвентаризационной комиссии и вновь назначенного заведующего базой Камзеева, производили хищения и перекладку товаров даже в процессе инвентаризации товаров на базе.

Происходило это следующим образом: помещение основного промтоварного склада запиралось на два замка, — ключ от одного был у Занина, а от другого — у Камзеева. Однако у Занина имелся второй ключ от замка, данного Камзеву, о чем, разумеется, не знали ни Камзев, ни члены комиссии. Двери склада опечатывались на ночь комиссией примитивно. Печати не было, поэтому бечевка, продетая в ушки на двери, прикладывалась к кусочку картона и зашивалась сургучом, в сургуч закладывалась также бумажка с подписью председателя комиссии.

Похитив у Камзеева палочку сургуча, Занин и Люличев в те ночи, когда дежурила Гордеева, отламывали сургуч от картонки, извлекали бумажку с подписью председателя комиссии, открывали склад, забирали оттуда ткани и другие товары, часть их похищали, а часть переносили

в другие помещения, где еще не была произведена инвентаризация. Затем дверь закрывалась на замки, бралась новая бечевка и та же самая бумажка с подписью председателя комиссии заливалась сургучом.

В результате часть товаров вторично инвентаризировалась, чем уменьшалась недостача, имевшаяся у Занина.

Следствием было установлено, что Занин и Люличев не только расхищали товары с базы, но и присваивали подотчетные суммы, а также составляли фиктивные документы о расходе средств на оплату за якобы производившиеся для базы работы.

Зная, что при инвентаризации товаров на базе будет неминуемо установлена крупная недостача, Занин и Люличев решили совершить поджог. Характерно, что преступники осуществили поджог тогда, когда ветер дул по направлению от левого переднего угла базы, к которому примыкает дом Люличева, к задним воротам базы. При этом, разумеется, дом Люличева не мог бы пострадать от огня.

Занин, Люличев и Гордеева были привлечены к ответственности по ч. 2 ст. 79 УК РСФСР и ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»; Юткина и Петрова — по ст. 5 названного Указа.

Все преступники осуждены к лишению свободы на длительные сроки.

---

*Следователь Петрозаводской
транспортной прокуратуры*

младший юрист

В. И. Шиканов

ПРИМЕРЫ УСПЕШНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОТОАППАРАТА

Практика убедила меня в том, что применение следственного чемодана при расследовании преступлений значительно повышает качество и культуру работы следователя.

Сказанное выше я хочу проиллюстрировать примерами из своей практики.

1

5 сентября 1953 г. машинист Парамонов на паровозе серии «СУ» вел пассажирский поезд. На одной из станций было обнаружено, что Парамонов пьян. Его отстранили от управления паровозом. Поездостоял на станции в течение 46 минут.

Было возбуждено уголовное дело. В ходе следствия мною было установлено, что Парамонов, будучи в нетрезвом состоянии, превышал установленную скорость движения. На некоторых перегонах Парамонов, явно угрожая безопасности движения, при предельной скорости в 60 км в час доводил скорость поезда до 80—90 км в час.

Устанавливая, с какой скоростью Парамонов вел вверенный ему поезд, я, естественно, обратился к показаниям скоростемера — прибора, которым был оборудован паровоз.

Однако к моменту возбуждения дела лента этого прибора, на которой автоматически, путем накола пунк-

тирной линии фиксируется скорость движения, побывала во многих руках и была сильно загрязнена. Кривая пунктирной линии накола на ленте оказалась настолько плохо видимой, что расшифровать ленту, то есть установить, какова была скорость движения поезда, стало очень трудно.

Чтобы улучшить видимость линии накола, я сфотографировал интересовавшие меня участки ленты. Снимки были сделаны при дневном рассеянном свете, и линия накола на фотоснимках была видна также плохо, как и на оригинале. Тогда я решил сфотографировать ленту при комбинированном освещении, благодаря кото-

Фото № 1. Лента скоростемера, снятая при косом освещении. Виден рельеф пунктирной линии

рому можно было бы рельефно выделить и запечатлеть на снимках бугорки пунктирной линии накола.

Лента была помещена мною на стекло, под которым находилась электролампа. Кроме того, лента освещалась сбоку двумя электролампами с рефлекторами, которые давали свет, падающий почти параллельно плоскости ленты.

Применение такого комбинированного освещения позволило получить на снимках отчетливое изображение пунктира кривой линии накола. Свет электролампы снизу просвечивал бумажную ленту, а грязь, которой больше всего набилось в отверстия линии накола, выделялась в виде черных точек. Косопадающие лучи ламп бокового освещения выделяли на ленте рельеф бугорков пунктирной линии (фото № 1 и 2).

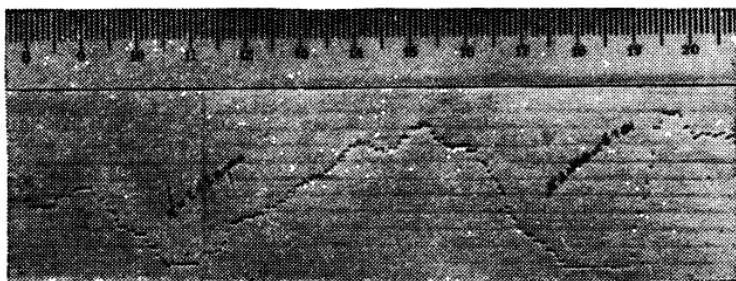

Фото № 2. Еще один участок ленты, снятой при таком же освещении

Мною была также сфотографирована лицевая сторона ленты, где типографским способом нанесены продольные параллельные линии, соответствующие определенной скорости движения паровоза (фото № 3).

Снимки лицевой и оборотной стороны ленты были сделаны в одном масштабе, фотосъемка всех участков ленты производилась по правилам масштабной фотографии с применением удлинитель-

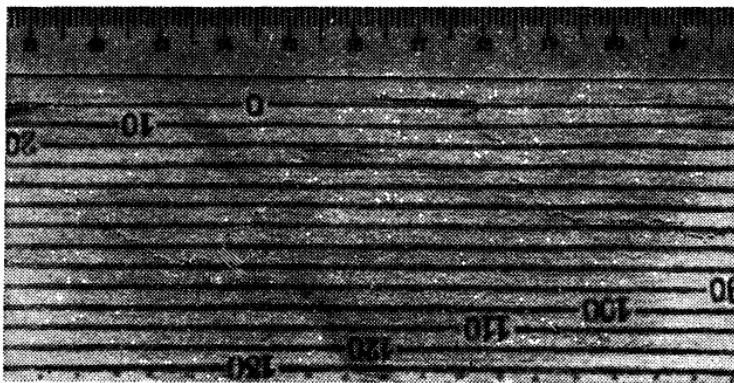

Фото № 3. Часть ленты скопостемера, снятой с лицевой стороны

ных м у ф т. Для того чтобы установить скорость поезда на том или ином участке пути, достаточно было при помощи циркуля перенести высоту линии накола соответствующего участка пути на лицевую сторону ленты, посмотреть, какой скорости движения эта высота соответствует.

В судебном заседании Парамонов пытался отрицать факт превышения им установленной скорости движения, ссылаясь на то, что лента скоростемера с его паровоза расшифрована неверно. Ошибка расшифровки якобы заключалась в том, что во внимание принимались единичные точечные заскоки на пунктирной линии накола, которые не должны приниматься во внимание.

Суд, располагая снимками ленты скоростемера, на которых отчетливо были видны как пунктирная линия накола, так и точечные заскоки, мог наглядно убедиться в несостоятельности версии Парамонова¹.

Суд признал Парамонова виновным в предъявленном ему обвинении по ст. 59^{3в} УК РСФСР.

Большое значение по этому делу имели фотоснимки ленты скоростемера, изготовленные описанным мною способом.

2

Около 5 часов вечера 9 октября 1953 г. главный кондуктор только что прибывшего в Петрозаводск товарного поезда сообщил мне по телефону о том, что при проследовании поезда через переезд у сотового километра в поезд едва не врезался трактор-бульдозер. Получив такое сообщение, я, захватив с собой следственный чемодан, к 6 часам вечера был уже около указанного переезда.

Опросив дежурного у переезда, я выяснил, что бульдозерист местной машинно-дорожной станции просил его открыть шлагбаум и пропустить бульдозер через переезд.

Дежурный категорически отказался выполнить просьбу, ибо бульдозерист не имел установленного соответствующими правилами письменного разрешения на проследование через переезд и к тому же был в нетрезвом состоянии.

Через некоторое время, воспользовавшись тем, что дежурный по переезду был занят проходящим мимо товарным поездом, водитель бульдозера, объехав по обочине

¹ Расшифровка показаний скоростемера производится так, как это указывал автор. Однако эти показания могут быть веским доказательством, если при решении вопроса о скорости поезда будет проверена правильность показаний скоростемера. Для этого скоростемер испытывается в заводских условиях или в условиях депо.—Ред.

дороги стоящие у переезда автомашины, начал движение в направлении закрытой стрелы шлагбаума.

По дороге бульдозер наехал на столб электролинии, свалил его, причем провода упали на движущийся поезд. Сваленным столбом была погнута и прижата к земле стрела шлагбаума. Бульдозер, продолжая двигаться,

Фото. № 4. Поваленный бульдозером столб электролинии и погнутая стрела шлагбаума

проехал гусеницей по упавшему столбу и выехал на железнодорожную линию в тот момент, когда через переезд проследовал последний вагон поезда.

За переездом бульдозер задел стоявшую там автомашину «ГАЗ-51», оторвал у нее левое крыло и помял боковину.

Производя осмотр места происшествия, я составил план и, несмотря на то, что уже смеркалось, пользуясь пленкой высокой чувствительности, сфотографировал фотоаппаратом «ФЭД» общий вид переезда, следы гусениц трактора-бульдозера, оставленные им на снегу в момент объезда автомашины по обочине дороги. Отдельно, крупным планом были сфотографированы сваленный столб электролинии с вдавленными следами гусениц и помятая стрела шлагбаума. На следующий день снимки были готовы. К этому же времени были установлены и допрошены шоферы автомашин, стоявших у переезда в момент происшествия. Была установлена и личность бульдозериста.

Вызванный на допрос бульдозерист первоначально утверждал, что он проследовал через переезд, имея на то установленное разрешение, и начал движение по сигналу, данному дежурным. Одновременно он заявил, что в то время стрела шлагбаума была вполне исправной, а столб электролинии был уже кем-то свален и лежал в стороне от дороги. После предъявления бульдозеристу протокола осмотра и плана места происшествия, а также фотоснимков, на которых были запечатлены следы гусениц бульдозера на обочине дороги и на столбе (фото № 4), он дал правдивые показания, которые по содержанию совпадали с показаниями дежурного по переезду.

И на предварительном, и на судебном следствии бульдозерист полностью признал себя виновным в предъявленном ему обвинении по ст. 59^{3в} УК РСФСР.

3

Часто в практике следователей транспортных прокуратур встречаются большие трудности при расследовании случаев наезда подвижного состава на людей.

Одним из основных вопросов, которые приходится решать при расследовании этой категории дел, является установление зоны видимости членов паровозной бригады. Если машинист и его помощник не могли видеть

потерпевшего, то при выполнении ими прочих возлагаемых на них обязанностей (подача оповестительных сигналов, соблюдение правил об открытии цилиндроприводательных кранов и др.) вопрос об уголовной ответственности членов паровозной бригады отпадает.

При проверке пределов видимости из смотровых скон паровоза наиболее убедительные результаты можно получить с помощью фотосъемки.

Помощник машиниста паровоза Федулин обвинялся в том, что он 24 декабря 1953 г., не наблюдая за свободностью впереди лежащего пути, совершил наезд на гр-ку Титову, которой скатами паровоза отрезало ступни обеих ног. .

При допросе и машинист, и помощник машиниста Федулин показали, что движение паровоза тендером вперед они начали по соответствующему сигналу стрелочницы, что перед началом движения ими был дан установленный сигнал отправления, что оба они следили из смотровых окон паровоза за свободностью пути и, видя многих людей, идущих по территории депо на работу, никого не заметили в непосредственной близости от паровоза.

В деле имелся коротенький акт, составленный на месте происшествия сотрудниками милиции. В акте было указано, что с места первоначального движения паровоза из окна помощника машиниста хорошо виден путь, где попала под паровоз Титова. Место, где Титова попала под паровоз, находилось от паровоза в момент начала его движения в 38 м.

После детального допроса потерпевшей Титовой и установления точного маршрута ее следования по территории депо, а также установления скорости движения паровоза для окончательного решения вопроса о виновности Федулина было организовано воспроизведение обстановки указанного события.

В результате этого воспроизведения подтвердились показания Федулина. Было установлено, что при движении паровоза тендером вперед (движение паровоза имело место по кривой) потерпевшая, шедшая первоначально вдоль бровки пути, а потом переходившая путь, находилась в зоне, которая не могла просматриваться ни помощником машиниста, ни машинистом (фото № 5 и 6).

Фото № 6. Один из моментов проверки видимости.
Фотоаппарат установлен в двух метрах от паровоза.
Стрелкой указано место нахождения потерпевшей

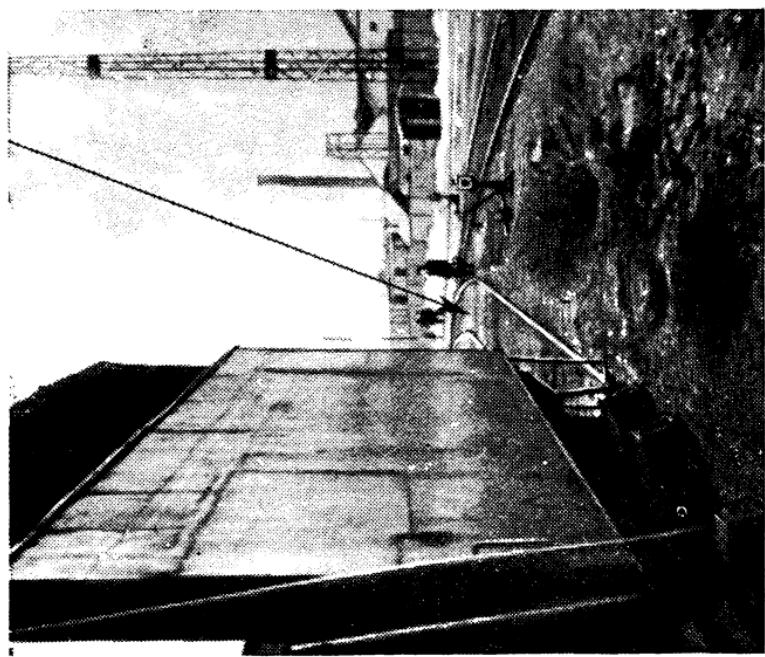
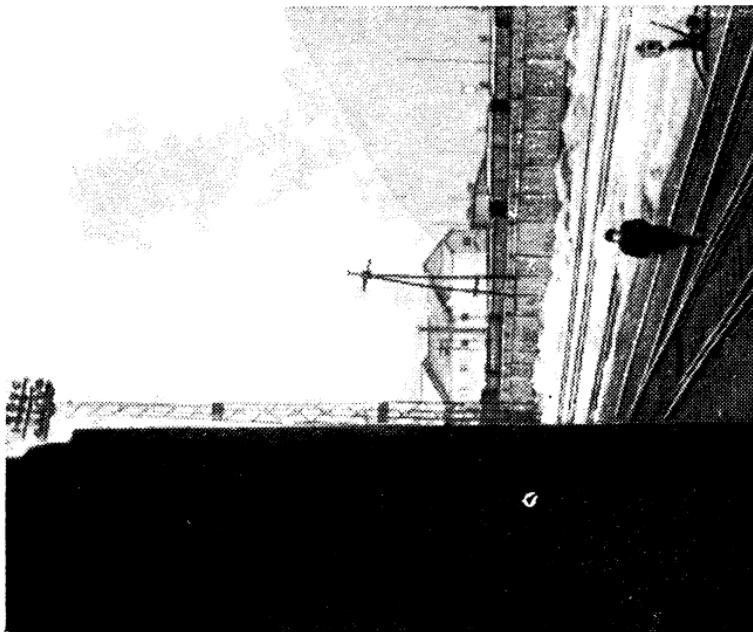

Фото № 5. Проверка видимости при воспроизведении обстановки наезда на гр-ку Титову. Фотоаппарат установлен на месте, соответствующем положению головы помощника машиниста, наблюдающего за свободностью пути

В ходе этой проверки были сделаны снимки общего вида места происшествия и зоны видимости помощника машиниста из смотрового окна паровоза, а также ряд других снимков.

При фотографировании зоны видимости из смотрового окна помощника машиниста аппарат «ФЭД» укреплялся в вертикальном положении, что проверялось отвесом. Укреплялся аппарат при помощи струбцинки с таким расчетом, чтобы объектив аппарата находился на месте, где должно находиться лицо помощника машиниста, наблюдающего за свободностью пути.

Сделанные таким образом снимки явились очень наглядным подтверждением результатов воспроизведения обстановки наезда на Титову и указывали, что участок пути, где она проходила, находился вне зоны видимости помощника машиниста Федулина.

После проверки ряда других вопросов было окончательно установлено, что Титова попала под паровоз вследствие своей неосторожности.

Уголовное дело по обвинению Федулина дальнейшим производством было прекращено.

* *
*

Приведенные выше примеры показывают, что научно-технические средства и, в частности, судебно-оперативная фотография могут найти широкое применение при расследовании дел на железнодорожном транспорте.

---

*Народные следователи прокуратуры
Сталинского района г. Москвы
младший юрист*

Н. Ф. Кузьменков¹

юрист 3-го класса

Н. С. Попкова

ФОТОСЪЕМКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

При расследовании нарушений правил техники безопасности большое значение может приобрести фотографирование места происшествия. Нередко обстановка места происшествия по этим делам такова, что ее очень трудно описать в протоколе осмотра с достаточной полнотой и точностью. Осматривая сложные сооружения, незнакомое оборудование и различного рода технические приспособления, следователь может легко упустить из вида те или иные детали, имеющие важное значение для дела. Поэтому возникает необходимость в дополнении протокола осмотра фотоснимками места происшествия, которые дают наглядное представление о месте происшествия.

Роль фотоснимков места происшествия в расследовании дел о нарушении правил техники безопасности мы хотим показать на конкретных примерах из практики прокуратуры Сталинского района Москвы.

23 октября 1953 г. на строительстве больничного корпуса произошел несчастный случай, в результате которого трем работницам — Терещенковой, Герасимовой и Лабазниковой были причинены тяжкие телесные повреждения. Терещенкова от полученных повреждений скончалась.

---

¹ В настоящее время т. Кузьменков работает помощником прокурора Красногвардейского района Москвы.

Несчастный случай произошел при следующих обстоятельствах. Работницы Терещенкова, Герасимова и Лабазникова производили выемку грунта из траншеи коллектора. Их задача заключалась в том, чтобы подготовить дно траншеи для укладки бетона. Коллектор имел две кирпичные стены — длиной 7,5 м, высотой 1,5 м и толщиной 38 см. Грунт из траншеи вынимался вручную. При выемке он перебрасывался через одну из стен коллектора. Во время работы эта стена обрушилась, придавив работниц.

Было возбуждено уголовное дело.

По не зависящим от следствия причинам произвести немедленный и тщательный следственный осмотр не представилось возможным. Однако после несчастного случая место обвала было сфотографировано с нескольких сторон.

Будучи допрошен следователем¹, старший прораб строительства Изгородин категорически отрицал свою ответственность за произошедший несчастный случай. По его утверждению, причиной обвала стены явился подкоп, произведенный пострадавшими работницами при очистке траншеи. Изгородин заявил, что ответственным за несчастный случай является прораб Матросов, который не проинструктировал пострадавших работниц, прежде чем допустить их к работе.

Это заявление находилось в противоречии с заключением технического инспектора, в котором ответственность за несчастный случай возлагалась на Изгородина.

Однако в заключении ничего не было сказано о том, в чем конкретно выражалось нарушение правил техники безопасности со стороны Изгородина. Технический инспектор ограничился ссылкой на инструкцию, требования которой, по его мнению, не были выполнены.

Перед следователем стояла задача точно установить, в чем конкретно выражалось нарушение правил техники безопасности и кто в действительности виновен в их нарушении. Получить ответ на первый вопрос помогли фотоснимки места происшествия, имевшиеся в деле.

В акте о несчастном случае, подписанным техническим инспектором и представителями администрации строи-

¹ Случай, о котором идет речь, расследовала т. Попкова.—Ред.

тельства, было указано, что под стенами коллектора отсутствует бетонное основание, то есть кирпичи положены прямо на грунт. Кроме того, площадка, на которую укладывались кирпичи, имела наклон. Последнее обстоя-

Фото № 1. Траншея коллектора. Стрелками указаны остатки распорок

тельство Изгородин в своих показаниях отрицал. Однако это было наглядно запечатлено на одном из снимков места происшествия, сфотографированного после раскопок траншей коллектора.

Изучая другой фотоснимок, следователь обратил внимание на короткие концы брусьев, выступавшие из сохранившейся стены коллектора (фото № 1).

Следователь решил выяснить их происхождение и назначение. Коллектор к этому времени был уже полностью сооружен, и место происшествия подверглось коренным изменениям.

По поводу изображенных на снимке выступающих концов брусьев свидетели показали, что эти концы являются остатками распорок между стенами коллектора, служивших в качестве предохранительных приспособлений. Недели за две до несчастного случая распорки были убраны по распоряжению Изгородина.

По делу была назначена судебно-техническая экспертиза. В распоряжение эксперта наряду с другими материалами дела были предоставлены фотоснимки.

Эксперт указал в заключении, что нарушение правил техники безопасности выражалось в том, что стены коллектора возводились не на бетонном основании, как это требовалось согласно специальной инструкции, а прямо на грунте, имеющем наклон. Нарушение правил техники безопасности выражалось также в отсутствии предохранительных приспособлений в траншее. Стена коллектора, согласно заключению эксперта, обрушилась под действием тяжести грунта, выброшенного в пространство между откосом траншеи и стеной.

Версия Изгородина о том, что причиной несчастного случая явился подкоп под стену коллектора, была опровергнута. Несостоительным оказалось также утверждение, что ответственным за несчастный случай является прораб Матросов. Путем допроса рабочих строительства следователь установил, что работами по сооружению коллектора руководил сам Изгородин. Матросов же руководил работами на другом участке строительства.

Бригадир Константинова на допросе показала, что она неоднократно предупреждала Изгородина об угрозе обвала стен коллектора. Однако эти заявления Изгородин оставлял без внимания.

В процессе следствия по делу вина Изгородина в нарушении правил техники безопасности, повлекшем несчастный случай, была полностью доказана. Изгородин был осужден по ч. 3 ст. 133 УК РСФСР.

* *
*

7 октября 1953 г. на строительстве дома № 23 по Электрозводской улице Москвы произошел несчастный случай.

В 4 часа 40 минут дня шофер Федосов подвел под башенный кран для разгрузки автомашину с досками. Застропив первый пакет досок, такелажница Шатская дала сигнал к подъему груза. Через несколько секунд после начала подъема доски сорвались с крюка крана и упали вниз, придавив Шатскую и Федосова. От полученных повреждений шофер Федосов скончался.

В связи с несчастным случаем было возбуждено уголовное дело¹.

Во время осмотра место происшествия было сфотографировано. Технический инспектор профсоюза, участвовавший в осмотре, составил заключение о причинах несчастного случая и его виновниках.

Согласно заключению инспектора произошло следующее. Пакет досок был застропован такелажницей Шатской. Груз был поднят до уровня приемной площадки шестого этажа, опущен на барьер этой площадки иложен с перевесом в сторону улицы. Пакет досок наклонился, крюк крана при этом выскочил из петли стропа, и груз, соскочив с барьера, упал вниз вместе со стропом.

В заключении технического инспектора отмечалось, что груз был застропован и прикреплен к крюку подъемного крана с соблюдением установленных правил. Технический инспектор считал ответственным за нарушение правил техники безопасности прораба шестого этажа Силина и прораба нижней зоны Назарова. Это мотивировалось тем, что прораб Силин не обеспечил контроля за работой такелажниц на приемной площадке, а Назаров ушел с места разгрузки автомашины, оставив его без надзора.

Будучи допрошен в качестве свидетеля, начальник строительной площадки Зильберквит подтвердил всесию о том, что причиной несчастного случая явилась «саморазгрузка». Он заявил, что при опускании груза на

¹ Следствие по этому делу проводил т. Кузьменков.—Ред.

площадку петля стропа ослабилась и сошла с крюка подъемного крана. Груз упал вниз потому, что центр тяжести его находился вне площадки.

Фото № 2. Общий вид места происшествия

Фото № 3. Пакет досок, сорвавшийся с крюка подъемного крана

Некоторые допрошенные на следствии рабочие заявили, что они не видели, был ли груз заведен на приемную площадку. Тщательно проанализировав материалы дела, следователь усомнился в правильности заключения

технического инспектора и правдивости показаний Зильберквита. В направлении дальнейшего расследования большую роль сыграли фотоснимки. Особенно ценным оказался фотоснимок части пакета в месте скрепления его тросом. Осматривая фотоснимки, следователь обратил внимание на то, что свободный конец троса, которым был перевязан пакет досок, не образовывал петли (фото № 2 и 3). Это обстоятельство опровергало версию о том, что груз сорвался с крюка. Повидимому, петля развязалась при подъеме груза, а не сорвалась с крюка подъемного крана на площадке шестого этажа. Это могло иметь место в случае, если груз был застропован так называемой «ложной петлей»¹.

Следователь выехал на место происшествия, чтобы еще раз осмотреть строп. Последний был сохранен администрацией в том виде, в каком его сняли после несчастного случая².

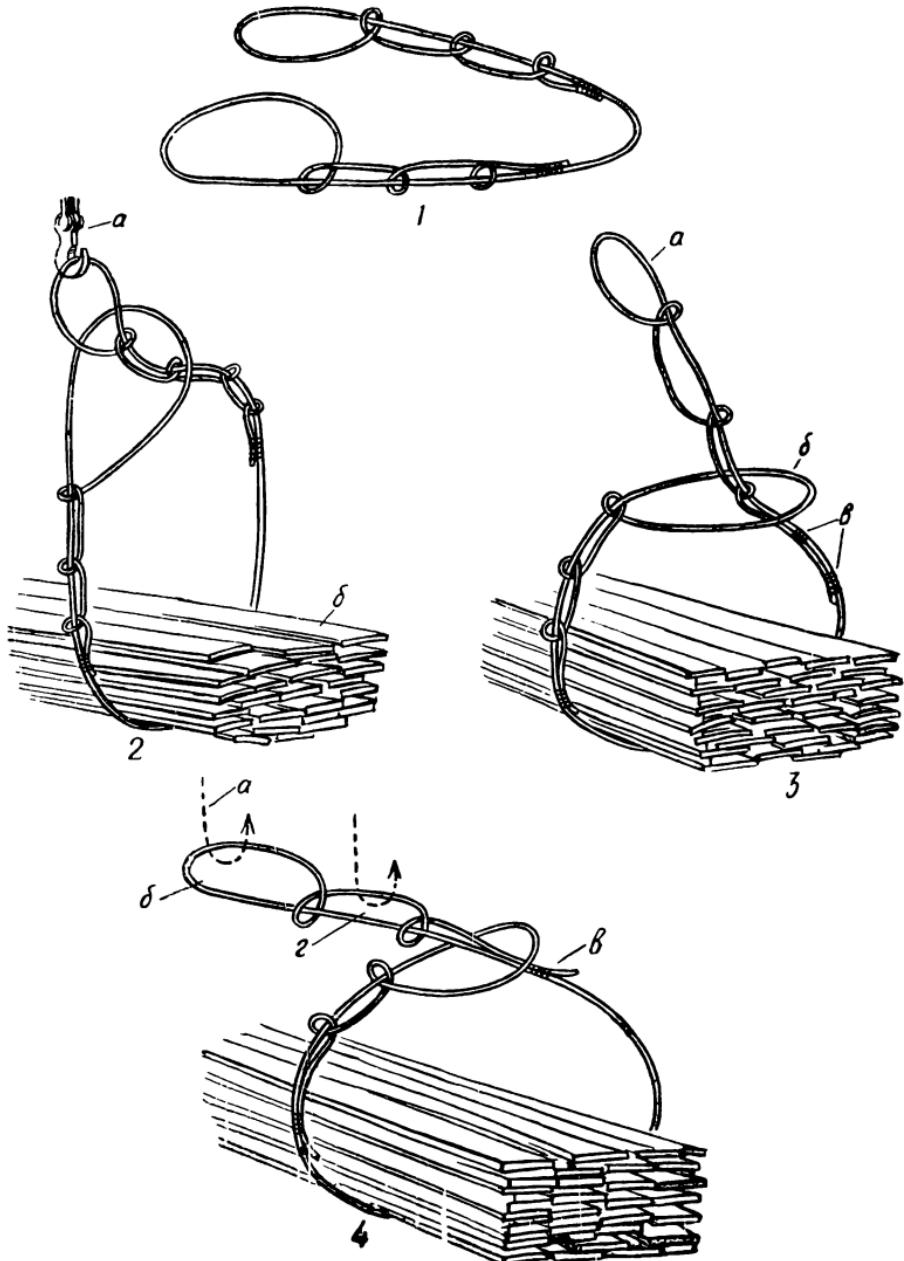
При осмотре стропа удалось установить, что он имеет свободный конец, не образующий петли. Поверхность его была в нескольких местах сильно потерта. Результаты осмотра стропа подкрепили мнение следователя о том, что груз был застропован «ложной петлей».

Для окончательного разрешения этого вопроса была назначена судебно-техническая экспертиза. В распоряжение эксперта следователь предоставил строп, изъятый им в качестве вещественного доказательства, фотоснимки места происшествия и некоторые другие материалы уголовного дела.

Эксперт пришел к выводу о том, что непосредственной причиной несчастного случая явилось неправильное подвешивание груза к крюку подъемного крана. Застропованные доски были подвешены к крюку «ложной петлей». Причиной этого явился допуск к работе зацепщика Шатской без специального обучения и инструктажа, что нарушало инструкцию для зацепщиков (такелажников, строповщиков), обслуживающих краны и подъемные механизмы.

¹ «Ложная петля» — незамкнутый конец веревки, троса, каната и т. п., сложенный наподобие петли (см. схему на след. стр.).

² При осмотре места происшествия следователь допустил ошибку, не изъяв строп в качестве вещественного доказательства.

Схемы стропа и «ложной петли».

Рис. 1. Общий вид стропа. Рис. 2. При правильной остропке груз постепенно натягивает трос; а — крюк подъемного механизма; б — груз досок. Рис. 3. а — петля троса, одеваемая на крюк подъемного механизма; б — петля стропа; в — крепление свободного конца троса. Рис. 4. Следовало крюк крана (а) пропустить в петлю (б), фактически же крюк крана был пролет в „ложную петлю“ (в) и при натягивании троса его свободный конец (в), не выдержав напряжения, выдернулся

Дальнейшим расследованием было установлено, что на строительной площадке при производстве работ грубо нарушались правила техники безопасности. Начальник строительной площадки Зильберквит своими приказами возлагал работу такелажников на лиц, не имеющих на это права и не прошедших инструктажа. К ним относилась и Шатская, не знавшая правил крепления и подъема грузов. Это не было единичным явлением. На строительной площадке такелажные работы по распоряжению Зильберквита выполнялись целой бригадой необученных работниц.

В ходе предварительного следствия было установлено, что виновным в нарушении правил техники безопасности является Зильберквит.

Ознакомившись с заключением эксперта, обвиняемый не согласился с ним и попрежнему утверждал, что груз был застропован правильно, а упал, будучи заведен на приемную площадку шестого этажа. По ходатайству обвиняемого была назначена повторная судебно-техническая экспертиза, которая полностью подтвердила выводы первоначальной экспертизы.

Зильберквит был осужден по ч. 3 ст. 133 УК РСФСР.

---

*Прокурор следственного отдела
прокуратуры Воронежской области*

юрист 2-го класса

С. И. Коневский

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Следователи нашей области все чаще и чаще применяют находящиеся в следственном чемодане научно-технические средства. В 1953 и 1954 гг. они были использованы при расследовании более чем 600 уголовных дел.

Организованный в 1953 году в областной прокуратуре кабинет криминалистики оказывает существенную помощь следователям. В кабинете даются консультации по вопросам применения научно-технических средств, а также обобщается практика их применения. Организована библиотечка литературы по вопросам криминалистики. На стенах вывешены таблицы с наглядными пособиями по изучению следственного чемодана, которые используются при проведении семинаров со следователями (фото № 1).

Следственный отдел прокуратуры области сопровождает информационные письма и обзоры фотоснимками, репродукциями с фотоснимков, которые присылают нам наши следователи. Фотоснимки с информационными письмами рассылаются всем районным прокурорам и следователям области.

Организация в прокуратуре Воронежской области кабинета криминалистики способствует более плодотворной работе по внедрению в следственную практику криминалистической техники и повышению качества следствия.

Приведем несколько примеров успешного применения научно-технических средств при расследовании преступлений.

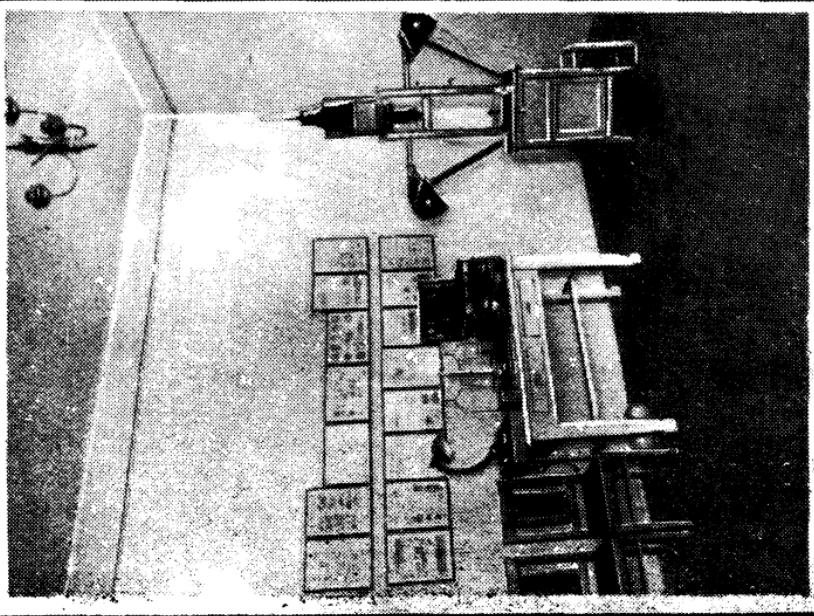
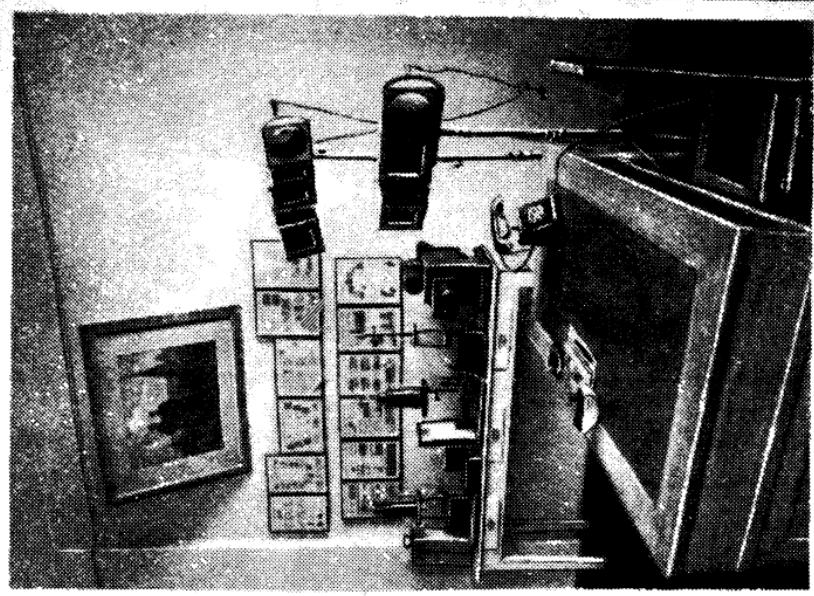

Фото № 1. Общий вид кабинета криминалистики в прокуратуре Воронежской области

При осмотре места происшествия по делу об убийстве Корчагина были обнаружены характерные следы повозки и два кусочка дерева. Они были сфотографированы. В результате принятых мер повозка, оставляющая аналогичные характерные следы, была найдена. На передней нижней стенке (так называемой подушке) повозки имелись свежие выбоины. Было произведено сравнение двух кусочков дерева, изъятых с места происшествия, с выбоинами. В результате было установлено полное совпадение их по линии отлома. При дальнейшем расследовании оказалось, что в момент совершения убийства повозка находилась в распоряжении некоего Землянухина. Дальнейшим расследованием дела установлено, что убийство совершено Землянухиным совместно с Бахметьевым.

В процессе расследования были сфотографированы экспериментальные следы повозки, передняя нижняя подушка до совмещения выбоин с кусочками и после этого совмещения (фото № 2). Фотоснимки имели большое оперативное значение при расследовании этого дела. Назначенная по делу экспертиза дала заключение о том, что обнаруженные на месте происшествия два кусочка дерева составляли одно целое с передней нижней подушкой повозки.

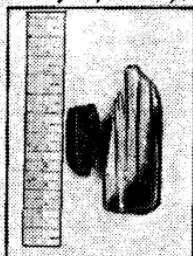
Из магазина № 4 Ведугского сельпо были похищены различные товары. При обыске в квартире некоего Красова удалось обнаружить и изъять хлопчатобумажную ткань «гринсбон» и другие товары. Народный следователь Ведугского района С. М. Оборотов, внимательно осмотрев изъятые вещи, обратил внимание, что на одном куске «гринсбона» линия отрыва неровная, порогообразная. На этом основании следователь предположил, что ткань оторвана от тюка.

Следователь совместил найденную в магазине ткань «гринсбон» с тканью «гринсбон», изъятой у Красова, по линии отрыва и линии совмещения сфотографировал. Фотоснимок бесспорно свидетельствовал о том, что кусок «гринсбона», изъятый у Красова, оторван от тюка «гринсбона», находящегося в магазине. (Криминалистическая экспертиза по этому делу не производилась, так как был собран целый ряд других доказательств, уличающих Красова в совершении хищения.)

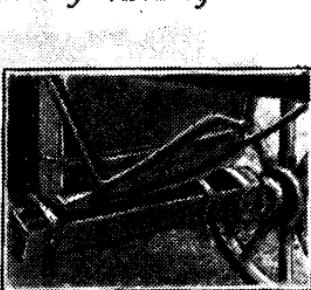
К информационному письму

Следы повозки на
месте происшествия

Кусочки дерева,
изъятые СМП

Передняя нижняя по-
душка повозки

Общий вид подушки

Выколотость на
подушке

Выколотость после
сочетания кусоч-
ков дерева

Эксперименталь-
ные следы повозки

Фото № 2. Фотоснимки, изготовленные при расследовании дела по обвинению Землянухина; таблица с этими фотоснимками была вместе с информационным письмом разослана всем районным прокурорам и следователям

Народный следователь Калачеевского района А. Я. Либеров при расследовании дела по обвинению Гринева в хищении сфотографировал вещественные доказательства — похищенные мясопродукты и ватные брюки Гринева, на ткани карманов которых сохранились следы похищенного жира.

Гринев, как выяснилось, выносил из комбината мясо-продукты в карманах брюк.

По делу о падеже птицы в колхозе народный следователь Нижне-Калитвянского района И. С. Говоров сфотографировал птицеферму. Фотоснимок дал наглядное представление о неподготовленности помещения к зиме, в результате чего и произошел падеж птицы.

Фото № 3. Фотоснимок, показывающий относительную высоту среза пшеницы

Народный следователь Хлевенского района В. А. Чуняков, расследуя уголовное дело по обвинению Стурова в покушении на убийство, при осмотре места происшествия обнаружил вдавленный след ноги человека. Тов. Чуняков сделал гипсовый слепок, который вместе с обувью Стурова направил на экспертизу. Экспертом было дано заключение, что обнаруженный на месте происшествия след оставлен обувью Стурова. После этого Стуров признался в совершенном преступлении и показал, где хранился винтовочный обрез, и место, с которого он произвел выстрел.

Народный следователь Евдаковского района М. Ф. Истомин при расследовании хищений со склада райпотребсоюза тщательно произвел осмотр места происшествия, изъял обнаруженные на оконном стекле пальцевые отпечатки и сделал гипсовые слепки следов ног преступника, которые направил на экспертизу вместе с обувью и отпечатками пальцев подозреваемого в совершении преступления Мищенко. Экспертиза дала категорическое заключение о том, что следы ног и пальцев рук оставлены Мищенко. Заключение эксперта явились важным доказательством по делу.

При расследовании уголовного дела в В.-Хавском районе было установлено, что во время уборочной кампании комбайнер Клепиков систематически производил уборку хлебов на высоком срезе. Это привело к тому, что большая часть колосьев не попадала в комбайн и оставалась несрезанной. Кроме того, Клепиков не произвел надлежащую регулировку комбайна, поэтому 50—60 процентов срезанных колосьев прошли через комбайн необмолоченными.

Народный следователь В.-Хавского района М. Ю. Глускин сфотографировал часть поля, по которому прошел комбайн Клепикова. На снимке хорошо видна высота среза пшеницы и срезанные колосья, не обмолоченные комбайном (фото № 3).

Некая Стерликова систематически производила аборты. При обыске в ее квартире народный следователь г. Борисоглебска С. А. Тихомиров обнаружил инструменты для производства абортов. Эти инструменты С. А. Тихомиров сфотографировал и приложил фотоснимок к протоколу обыска (фото № 4).

В заключение остановимся еще на одном примере применения фотографии из практики С. М. Оборотова.

Однажды из села Никольского Ведугского района в милицию сообщили, что в поле колхоза имени Василевского в скирде соломы обнаружены и задержаны трое неизвестных граждан, которые отказались предъявить председателю сельсовета документы, удостоверяющие их личность. Одновременно стало известно, что в ночь на 14 сентября произведено покушение на ограбление магазина № 46 в селе Никольском.

Тов. Оборотов со следственным чемоданом немедленно выехал на место происшествия.

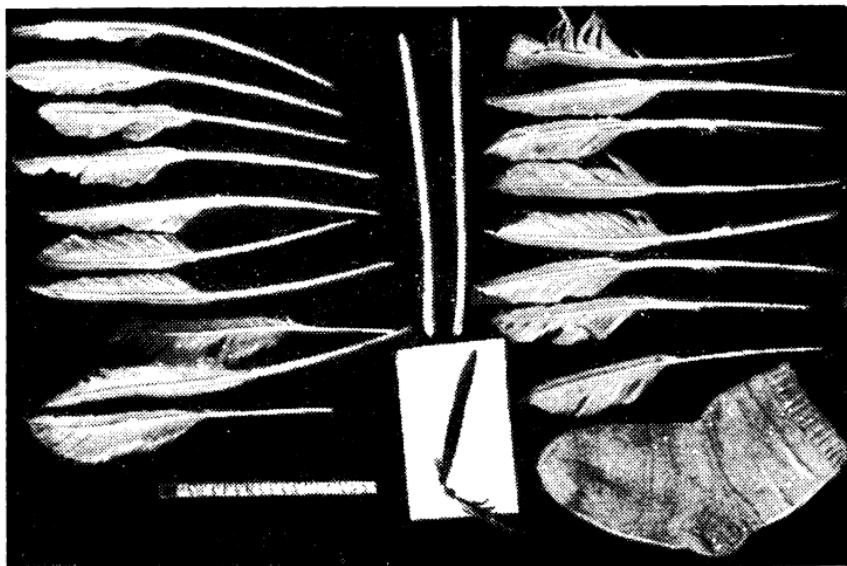

Фото № 4. Вещественные доказательства, обнаруженные при обыске у Стерликовой

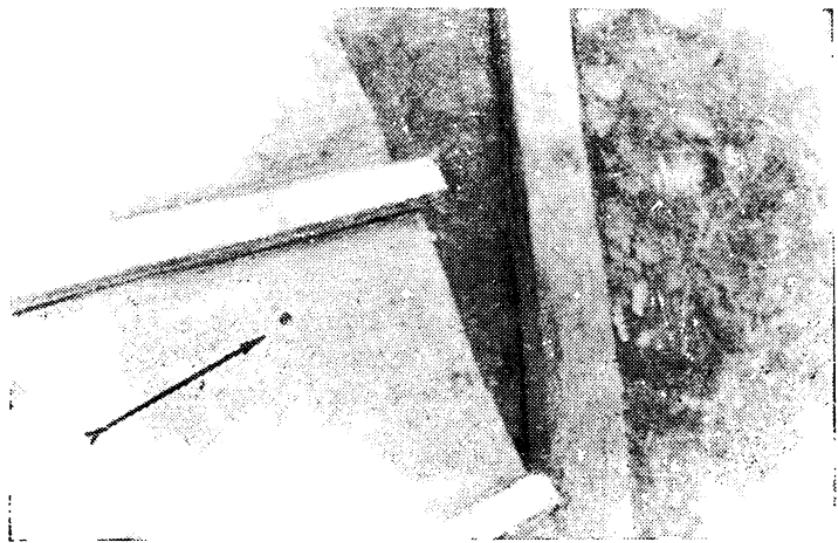

Фото № 5. Пробоина в крыше тамбура (вид сверху).
Видно бревно, на котором стояли преступники

Сторож, охранявший магазин, сообщил, что ночью он заметил, как возле магазина погас фонарь. Спустя некоторое время, сторож увидел, что какие-то неизвестные люди подкатили к тамбуру магазина бревно, встали на него и начали отрывать рейки от крыши тамбура. Сторож выстрелил из ружья в направлении тамбура. Неизвестные скрылись.

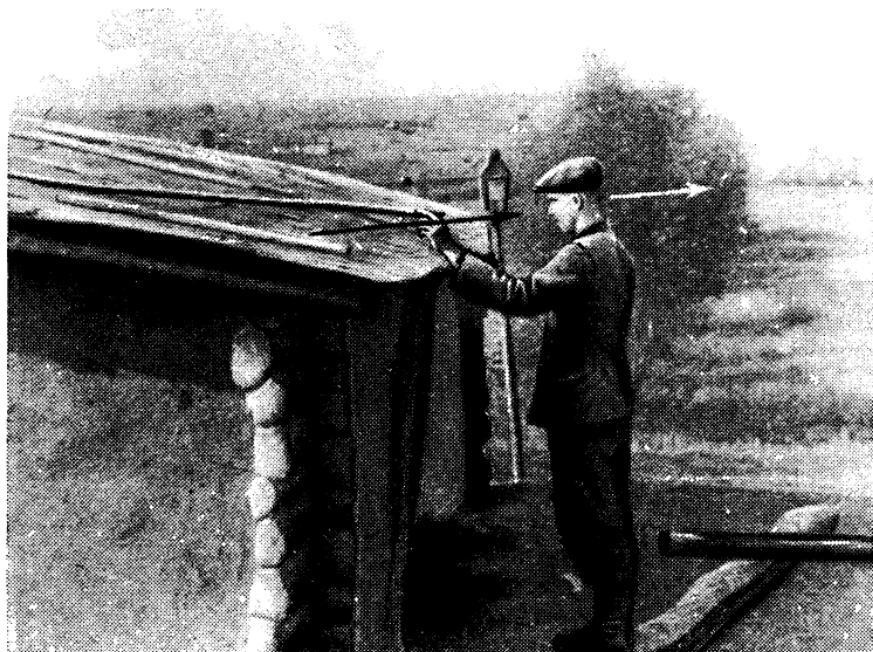

Фото № 6. Проверка возможности ранения Князькова дробиной, пробившей крышу тамбура. Стрелка показывает направление полета дробины

Ружье сторожа было заряжено четырьмя свинцовыми крупными самодельными дробинами. Патрон для ружья сторож магазина зарядил у себя дома.

В процессе осмотра места происшествия особое внимание было уделено обнаружению следов орудий взлома, следов ног неизвестных и определению направления полета дроби.

В результате в одном из ящиков, находившихся внутри тамбура под самой крышей, была обнаружена пробоина (фото № 5). Соответствующая пробоина имелась

и в крыше тамбура. Эти пробоины позволили установить линию полета дроби и определить угол стрельбы.

В дальнейшем т. Оборотов осмотрел задержанных и заметил, что у одного из них — Князькова — на раковине левого уха имеется запекшаяся кровь. Возникло подозрение, что одна из дробинок попала в Князькова.

В присутствии понятых Князькову было предложено стать на бревно у тамбура магазина. В результате сопоставления расстояния от поверхности бревна до крыши и роста Князькова получилось, что установленная при осмотре места происшествия линия полета дроби проходит через левое ухо Князькова (фото № 6).

Судебно-медицинская экспертиза допускала, что раковина левого уха Князькова прострелена дробью.

Расследованием были добыты достаточные доказательства, уличающие обвиняемых в покушении на ограбление магазина, и они были осуждены к длительным срокам заключения.

---

*Следователь по важнейшим делам
Главной транспортной прокуратуры
советник юстиции
Л. А. Мариупольский*

ПРИМЕНЕНИЕ ЦВЕТНОЙ ФОТОГРАФИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

При расследовании преступлений все более широкое применение находит судебная фотография. В настоящее время в следственную практику внедряется цветная фотография, которая имеет ряд бесспорных преимуществ перед черно-белой фотографией. Она дает возможность запечатлеть цвета предметов, являющихся вещественными доказательствами по делу.

Значение своевременной фиксации цвета вещественных доказательств я хочу показать на примере из следственной практики.

В моем производстве находилось дело по обвинению Б. и Т. в крупных хищениях государственных средств путем мошенничества. Обвиняемые, использовав изобретение одного рабочего, в свое время применявшееся в виде опыта на железнодорожном транспорте и не получившее широкого распространения, а затем забытое, выдали это изобретение за свое. Путем фальсификации результатов экспериментальных работ обвиняемые добились издания приказа о широком внедрении этого изобретения и при соучастии должностных лиц Министерства путей сообщения представили ложные данные об экономическом эффекте внедренного изобретения. Это позволило им получить несколько сот тысяч рублей в виде авторского вознаграждения.

Изобретение представляло собой новый способ теплоизоляции паровозных котлов. Раньше паровозные котлы в целях сокращения потерь тепла изолировались при за-

водском ремонте специальными плитами, которые с помощью особого каркаса прикреплялись к внешней стенке парового котла.

Новый способ изоляции заключался в том, что изоляционную массу, из которой состояли плиты, в жидким состоянии заливали через специальные люки под металлическую обшивку на поверхность паровозного котла.

Составные компоненты изоляционной массы под воздействием тепла, излучаемого поверхностью горячего котла, вступали во взаимодействие, влага, содержащаяся в растворе, выпаривалась, и котел покрывался твердым изоляционным слоем.

При этом способе необходимость иметь для изолирования оголенный котел отпадала; изолирование его оказывалось возможным в условиях любого депо.

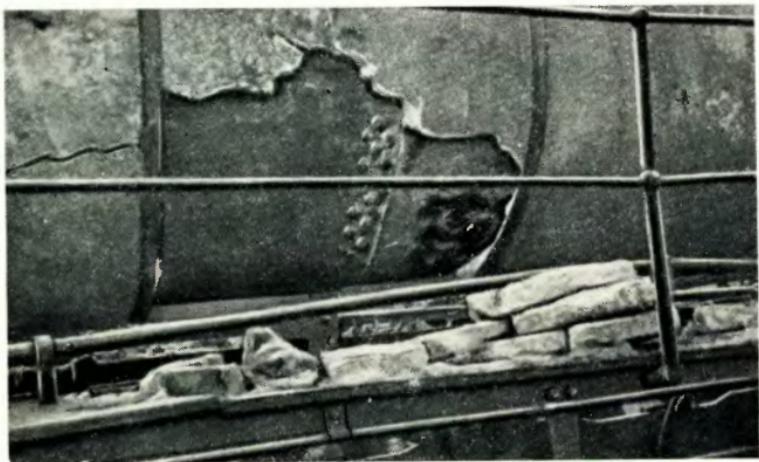
Когда было установлено, что Б и Т. мошеннически выдали указанное изобретение за свое, фальсифицировав при этом данные о размере достигнутой экономии, и получили в Министерстве путей сообщения крупные денежные средства, возник другой не менее важный с точки зрения интересов государства вопрос — не повлекло ли применение нового способа изоляции паровозов каких-либо вредных последствий, так как изобретение было внедрено без надлежащих испытаний.

Для выяснения этого вопроса через соответствующие прокуратуры, в районе которых находились паровозоремонтные заводы, были истребованы данные о состоянии паровозных котлов, которые были изолированы новым способом, а затем по истечении известного срока эксплуатации поставлены на капитальный ремонт.

Путем допроса работников завода и осмотра паровозов было установлено, что изоляция, полученная на паровозах новым способом, обладает меньшей прочностью, в связи с чем в процессе эксплуатации, в отличие от плит, не сохраняет своей монолитности, растрескивается, выкрашивается и осыпается.

Кроме того, паровозные котлы под изоляцией оказались пораженными на значительных участках коррозией (ржавчиной), толщина слоя которой и глубина проникновения в металл достигала 2—2,5 мм.

Это было зафиксировано в протоколах осмотра и отображено на фотографических снимках. Однако черно-белая фотография не давала ясного представления о

Черно-белый и цветной снимки пораженного ржавчиной участка котла после снятия изоляционной массы

характере коррозии. Темный фон металла сливался с имеющимися на нем коррозийными наслоениями. Последние имели на фотоснимках вид пятен неопределенной формы, более темных, чем общий фон. Поэтому я решил применить цветную фотографию. К выполнению этой задачи был привлечен один из научных сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института криминастики Прокуратуры СССР, вместе с которым мы выехали на паровозоремонтный завод. С помощью специалистов завода мною был осмотрен прибывший для ремонта паровоз с изоляцией, полученной по новому способу.

После снятия обшивки и отделения от стенок котла изоляционного слоя на металлической поверхности котла был обнаружен значительный коррозийный слой темнобурого цвета. К протоколу осмотра мною был приложен цветной снимок, который наглядно воспроизвел подлинное состояние металла паровозного котла (фото).

Однако этим не исчерпывалось значение применения цветной фотографии по данному делу. В ходе следствия передо мной возник вопрос: находится ли ржавление котлов в причинной связи с новой технологией изоляции паровозных котлов?

Привлеченный к делу в качестве эксперта профессор В., проанализировав имеющийся в деле материал, пришел к выводу, что ржавление котлов не зависит от способа изоляции, а является результатом проникновения влаги под обшивку котла и под изолирующий материал во время эксплуатации паровоза.

Заключение эксперта вызвало у меня сомнение, так как оно противоречило ряду фактов, установленных расследованием.

Для того чтобы проверить правильность заключения эксперта, я решил произвести в одной из заводских лабораторий его проверку. Изоляция была получена в условиях, аналогичных условиям получения изоляции паровозного котла. После извлечения из терmostата коробки с находившимися в них экспериментальными металлическими пластинками в течение двухмесячного срока оставались в лаборатории в условиях, исключавших возможность проникновения в них даже атмосферной влаги.

При этом в изоляционную массу, залитую в жестяные коробки, были вставлены металлические пластиинки, а коробки помещены в термостат.

После этого из изоляционной массы, заполнившей коробки, были извлечены металлические пластиинки.

Осмотром пластинок было установлено, что в тех местах, где изоляционная масса плотно соприкасалась с их поверхностью, образовалась довольно значительная коррозия металла, в то время как места, где изоляционный слой не соприкасался с металлом, коррозией поражены не были.

Результаты указанной проверки показывали, что вывод профессора В. о внешней влаге, якобы явившейся причиной возникновения коррозийных процессов, несостоятелен.

В связи с этим возникла необходимость сохранить в качестве доказательств и изоляционную массу, изготовленную в процессе проверки, и металлические пластиинки со следами коррозии, с тем, чтобы иметь возможность пользоваться ими в процессе дальнейшего расследования дела.

Однако здесь возникли следующие трудности: во-первых, оказалось, что изоляционная масса в силу своей пористой структуры подвержена опасности разрушения; во-вторых, выяснилось, что хранение пораженных коррозией металлических пластиин, даже в сухом месте, не гарантирует сохранение их в первоначальном виде, так как за счет влаги, содержащейся в обычном воздухе, коррозия может увеличиваться.

Это дало бы основание заинтересованным лицам по истечении некоторого времени утверждать, что внешний вид металлических пластиин не соответствует тому состоянию, в котором они находились при осмотре, будучи извлеченными из термостата, и что коррозия увеличилась за счет атмосферной влаги. Поэтому необходимо было немедленно закрепить результаты осмотра пластиин путем их фотографирования.

Но и в этом случае обычная фотография не могла отобразить те особенности, которые необходимо было запечатлеть. По этой фотографии нельзя было составить наглядного представления о состоянии поверхности металлических пластиин, как соприкасавшейся с изоляционной массой, так и отделенной от нее воздушной прослой-

кой, о степени пораженности пластин коррозией, о цвете коррозии (на черно-белой фотографии эти коррозийные пятна представлялись черными точками). А между тем цвет коррозии также характеризовал интенсивность процесса ее образования. Это наглядно показывали цветные фотографии металлических пластин, изготовленные Национально-исследовательским институтом криминалистики.

Собранные материалы позволили отклонить заключение эксперта В., а вновь назначенная техническая экспертиза, в состав которой были включены крупнейшие специалисты по коррозии металла, на основании имеющихся в деле материалов пришла к выводу о том, что коррозирование паровозных котлов находится в тесной связи с особенностями нового технологического способа изоляции котлов.

Приведенный пример показывает, какое большое значение может иметь применение цветной фотографии при расследовании преступлений.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТЕРЕОФОТОГРАФИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ

*По материалам Всесоюзного научно-исследовательского
института криминалистики Прокуратуры СССР*

2 февраля 1952 г. в прокуратуру Темниковского района Мордовской АССР по телефону было сообщено о внезапной смерти гражданки А. И. Базаркиной и о том, что ее муж — С. Г. Базаркин намеревается похоронить умершую без медицинского освидетельствования и установления причин смерти.

По указанию прокуратуры района труп Базаркиной был доставлен в морг Темниковской районной больницы, где было произведено вскрытие и судебно-медицинское исследование трупа.

В результате исследования было установлено, что на границе теменной и височной области в лобной кости справа на лобном бугре трупа Базаркиной имеется рана, размером $2,5 \times 0,4$ см, проникающая в глубь черепа.

По заключению судебно-медицинского эксперта по-враждение черепа было причинено твердым металлическим предметом. Следствием этого явилось нарушение целости костей черепа, твердой мозговой оболочки, а также мозга, причем в рану была внесена инфекция, вызвавшая заражение крови и смерть гражданки Базаркиной.

После вскрытия трупа была изъята часть черепа с имеющимся на нем повреждением с целью приобщения к делу в качестве вещественного доказательства.

Допрошенный по поводу смерти своей жены Базаркин заявил, что 25 января она забралась на чердак за картофельной ботвой и, когда слезала оттуда по лестнице, упала, ударила головой о ведро, стоявшее около лестницы, и разбила себе голову. За медицинской помощью жене Базаркин не обращался.

3 февраля при осмотре комнаты Базаркиных, где имело место происшествие, каких-либо следов крови на месте падения с чердака Базаркиной обнаружено не было.

Обыском, произведенным 4 февраля, под кроватью, на которой умерла Базаркина, были обнаружены в картонном ящике — окровавленный ситцевый платок и вафельное полотенце со следами крови. Там же было найдено ведро и сковородник с деревянной ручкой, которые были изъяты и вместе с частью черепа направлены на экспертизу в Центральный научно-исследовательский институт судебной медицины Министерства здравоохранения СССР в Москве.

Перед экспертизой была поставлена задача — установить, чем могло быть причинено ранение на черепе, в частности, не было ли оно причинено сковородником или ушком ведра.

Дальнейшим следствием было установлено, что Базаркин после смерти своей жены обращался к медицинской сестре Миловой с просьбой выдать ему справку о том, что Базаркина умерла якобы вследствие заболевания тифом. Эта справка требовалась ему для похорон жены.

Милова от выдачи такой справки отказалась, так как ей не было известно о причинах смерти Базаркиной.

В процессе предварительного следствия было установлено, что Базаркин был трижды судим.

18 февраля при допросе Базаркин дал новые показания и заявил, что 24 января 1952 г. вечером, когда он вернулся домой пьяным, произошла ссора, в разгаре которой он схватил стоявший у печки сковородник и металлической частью нанес жене удар в область головы. Спустя некоторое время Базаркин промыл рану на голове жены водкой. Дочь Базаркиных Матрена во время ссоры выбежала в одном белье босиком на улицу и начала кричать.

Соседка Базаркиных Кокнаева на допросе показала, что 24 января, вскоре после того, как она вернулась с съезда колхозников в 11—12 часов ночи, к ней прибежала босиком в нижнем белье восьмилетняя дочь Базаркина Матрена, которая плача сообщила, что ее отец избил мать, и она обратно домой не пойдет. Девочка осталась ночевать в доме Кокнаевой.

Допрошенная по этому поводу Матрена указанный случай подтвердила.

Вскоре после похорон жены Базаркин скрылся. Принятыми мерами розыска он был обнаружен в деревне Гремяево Атюрьевского района.

Привлеченный в качестве обвиняемого Базаркин в предъявленном ему обвинении по ч. 2 ст. 142 УК РСФСР вынужденным себя не признал и заявил, что данные им на допросе 18 февраля показания в отношении смерти жены неправильны, что он ей удара по голове не наносил, а что была она ранена при падении с чердака.

Однако Базаркин, помимо показаний свидетелей, изобличался заключением экспертизы. Это заключение было обосновано рядом экспериментов. Путем сравнительного исследования экспериментально полученных следов и повреждения, имевшегося на черепе, экспертиза пришла к выводу, что возможность нанесения повреждения на черепе ушком ведра исключается, так как для образования сквозного повреждения требуется очень большая сила и достаточная массивность ранящего орудия. В то же время при сравнении следов, полученных экспериментальным путем с помощью сковородника, и повреждения, имеющегося на черепе, присланном на исследование, было отмечено исключительно близкое сходство формы следов, оставленных сковородником, с формой повреждения черепа.

При введении угла нижней плоскости сковородника в повреждение, имеющееся на присланном куске кости, наблюдается, как указывалось в заключении экспертизы, совпадение конфигурации угла сковородника с конфигурацией дефекта кости. Это совпадение особенно хорошо заметно при рассмотрении его на стереоскопическом фотоснимке с помощью стереоскопа (фото).

На основании исследований экспертизы пришла к выводу, что пролом кости черепа произошел не от удара об

ушко ведра. Он мог произойти от очень сильного удара углом нижней плоскости металлического сковородника, представленного на экспертизу, или другим орудием, имеющим подобную форму.

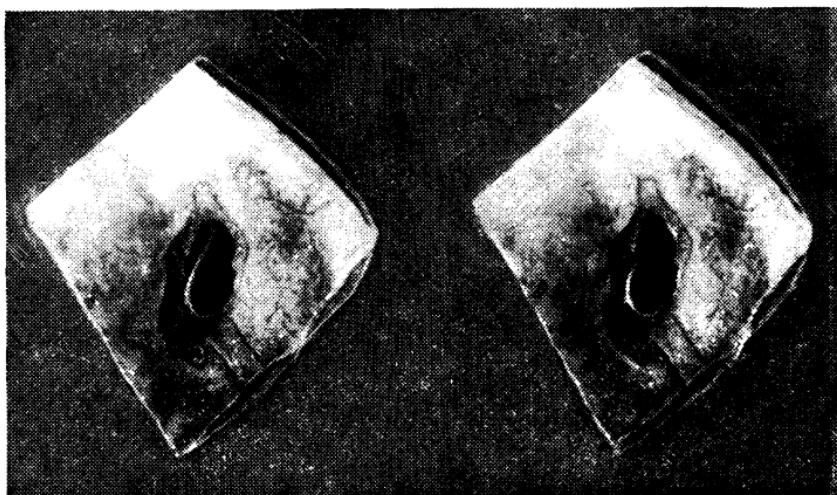

Фото. Стереофотоснимок части черепа с вставленным в отверстие концом сковородника

Заключение экспертизы наряду с другими материалами дела училило Базаркина в совершении преступления.

Народным судом Базаркин был осужден к строгому наказанию.

ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБСТВОВАЛА ИЗОБЛИЧЕНИЮ ПРЕСТУПНИКА

По материалам Главной трачесортной прокуратуры

Поздно ночью 22 октября 1953 г. жители г. Уральска Иванов и Степанов возвращались из клуба. Приблизившись к дому № 41-б на Мельничной улице, они заметили невдалеке от железнодорожного полотна лежавшую на земле женщину и стоящего около нее мужчину. Узнав в нем своего знакомого Брындина, Иванов окликнул его, назвав по имени. Брындин подошел к Иванову и Степанову и, заметно волнуясь, сообщил, что когда он провожал домой свою знакомую Евгению Гордееву, они по дороге подверглись нападению неизвестных хулиганов. По словам Брындина, неизвестные начали оскорблять Гордееву. Когда он за нее вступился, один из хулиганов ударил его по голове чем-то тяжелым. Он потерял сознание. Придя в себя, Брындин увидел Гордееву на земле без признаков жизни.

Брындин высказал предположение, что, судя по состоянию одежды и позы, она была изнасилована. Подойдя к лежавшей на земле женщине, Иванов и Степанов убедились в том, что Гордеева действительно мертва, и сейчас же сообщили об этом в милицию.

В милиции Брындин повторил все сказанное выше об обстоятельствах преступления и добавил, что когда он пришел в сознание, то увидел, как убегавшие преступники скрылись за железнодорожным мостом.

Узнав об этих показаниях, Иванов заявил, что Брындин противоречит своим же собственным словам. Рассказывая ему и Степанову о произшедшем, он подчеркнул, что ему неизвестно, в каком направлении скрылись

преступники, и что преследовать их бесполезно, так как преступление совершено не менее чем полчаса назад.

В милиции был произведен осмотр одежды Брындина. Оказалось, что брюки Брындина, пиджак и ботинки испачканы грязью. На коленях обеих ног видны свежие ссадины и кровоподтеки.

Наличие пятен грязи на одежде Брындина объяснил тем, что они образовались, когда он без сознания лежал на земле. Происхождение же ссадин на ногах Брындина объяснить не мог.

Это обстоятельство наряду с отмеченным выше противоречием в показаниях Брындина возбуждало серьезное подозрение о причастности его самого к преступлению, поэтому Брындина был задержан.

Одновременно с производством опроса и осмотром Брындина работниками милиции были приняты меры к охране места происшествия. Однако еще до их прибытия труп Гордеевой был перенесен проходившими мимо гражданами в одну из квартир железнодорожного бара-ка, откуда работниками милиции был направлен на судебно-медицинскую экспертизу для вскрытия.

Рано утром о произшедшем была поставлена в известность транспортная прокуратура Уральского участка, и на место обнаружения трупа немедленно выехал следователь этой прокуратуры т. Лушников.

Присутствовавшие при производстве осмотра Иванов и Степанов показали то место на пустыре, где лежал труп Гордеевой. По одну сторону этого места в 20 м находился дом № 41-б по Мельничной улице, по другую сторону в 100 м — железнодорожное полотно. В 25 м от места обнаружения трупа был расположен овраг.

При осмотре следователь обратил внимание на то, что на месте обнаружения трупа и поблизости от него почва была сухой, и, следовательно, испачкаться там в грязи Брындина не мог. Продолжая осмотр прилегающей местности, следователь обнаружил на тропинке, ведущей к оврагу, в 10 м от последнего женскую матерчатую подвязку, а затем еще ближе к оврагу — вторую такую же подвязку и чулок.

Следователь перешел к осмотру оврага. Сырая почва дна оврага, местами переходившая в густую грязь, была сильно взрыхлена; растительность — сухая трава и мелкий кустарник — беспорядочно поломана и часть ее

вырвана с корнями. В ряде мест были видны вмятины, какие образуются обычно от нажатия коленом или локтем человека на рыхлую землю. Служившие для перехода через овраг камни оказались сдвинутыми со своих мест и разбросанными по всему оврагу. На камнях и около них было найдено несколько длинных волос.

Состояние предметов на дне оврага привело следователя к мысли, что убийство, вероятнее всего, было совершено именно здесь, а не на том месте, где был обнаружен труп. Это подтверждалось также тем, что одежда и обувь Брындина, как уже указывалось, были сильно испачканы грязью.

Придавая большое значение этому обстоятельству, следователь решил в целях уточнения и закрепления его назначить экспертизу для исследования найденных в овраге волос и почвы. Следователь при этом руководствовался следующим соображением. Если исследованием будет установлено, что волосы вырваны с головы человека и однородны с волосами Гордеевой, то это будет одним из серьезных доказательств факта убийства Гордеевой в овраге. Сравнительное исследование почвы оврага, почвы места обнаружения трупа и пятен грязи на одежде и обуви Брындина должно было дать ответ, в каком месте эти пятна образовались. В случае совпадения состава образцов почвы оврага с составом пятен грязи на одежде Брындина и различия последних с почвой на месте обнаружения трупа пребывание Брындина в овраге было бы доказано.

В целях подготовки материалов для экспертизы следователь в присутствии понятых изъял волосы, обнаруженные на дне оврага, и взял образцы почвы с разных мест оврага и с места обнаружения трупа. Были изъяты также найденные при осмотре места происшествия подвязки.

Результаты осмотра следователь зафиксировал в протоколе.

Считая, что установленные в процессе осмотра места происшествия факты должны быть обязательно сопоставлены с состоянием трупа и одежды потерпевшей, следователь решил еще до допроса Брындина осмотреть труп

Гордеевой и ознакомиться с актом судебно-медицинского вскрытия. В бюро судебно-медицинской экспертизы следователь выяснил, что вскрытие трупа Гордеевой уже состоялось¹. По заключению эксперта, смерть Гордеевой наступила от асфиксии в результате сдавления руками горла.

При осмотре трупа было установлено следующее:

1..На лице, шее, руках и других частях тела убитой имеется множество царапин, кровоподтеков и кровяных пятен. Ссадины на лице — овальной формы, расположены в виде полукруга вокруг рта и носа.

2. Девственная плева имеет свежие раны. Время образования этих ран совпадало со временем наступления смерти Гордеевой.

3. Одежда трупа сильно испачкана грязью и имеет множество разрывов. На подкладке пальто, платье и белье видны пятна крови. Подвязок и чулок среди предметов одежды не оказалось.

Таким образом, данные осмотра и вскрытия трупа полностью подтверждали выводы, к которым следователь пришел в процессе осмотра места происшествия.

Загрязнение одежды Гордеевой могло произойти на дне оврага. Разрывы на одежде Гордеевой и обилие повреждений (ссадин и кровоподтеков) на ее теле свидетельствовали об упорном сопротивлении преступнику, что вполне соответствовало обстановке на дне оврага. Наконец, волосы на голове Гордеевой по цвету и длине вполне соответствовали волосам, изъятым в овраге. Эти обстоятельства еще более убедили следователя, что изнасилование и убийство Гордеевой произошло в овраге, а не в том месте, где был обнаружен ее труп.

В заключение осмотра следователь изъял одежду Гордеевой в качестве вещественного доказательства, отобрал образцы волос с головы Гордеевой для направления их на экспертизу вместе с волосами, найденными на дне оврага, и поручил судебно-медицинскому эксперту взять образцы крови трупа для определения ее группы.

Располагая такими данными, следователь приступил к допросу задержанного Брындина. Последний продолжал

¹ Вскрытие трупа, как известно, должно производиться в присутствии следователя. —Ред.

настаивать на выдвинутой им первоначально версии о совершении убийства тремя неизвестными людьми в то время, когда он лежал без сознания.

На вопрос следователя, как же в таком случае он мог запачкать в грязи свою одежду и почему чулок и подвязки Гордеевой оказались в стороне от оврага, Брындин заявил, что это обстоятельство вполне объяснимо.

По его словам, нападение преступников произошло не около дома № 41-б, а примерно в 50 м от него на пустыре. В этом месте было действительно грязно. Когда же Брындина пришел в себя и увидел, что произошло, он, надеясь, что Гордеева может быть еще жива, поднял ее на руки и понес к дому № 41-б, где у него жил знакомый. Недалеко от дома № 41-б Брындина положил Гордееву на землю и, постучав в окно дома, вызвал хозяина. Хозяин дома пошел одеваться, а Брындина направился к Гордеевой. В это время подошли Иванов и Степанов, вместе с которыми он и прибыл в милицию.

На вопрос, не было ли совершено преступление в овраге, Брындина ответил отрицательно, заявив, что они с Гордеевой к оврагу даже не подходили, а ее чулок и подвязка туда, вероятно, были занесены кем-то случайно.

По поводу обстоятельств, предшествовавших убийству, Брындина дал следующее объяснение:

22 октября 1953 г. он со своими товарищами — Лухмановым и Синельниковым выпили водки и вечером пошли на квартиру к знакомой Синельникова — Мыцковой, где находились в это время ее подруги — Лопатина и Гордеева. Около девяти часов вечера Брындина предложил всем пойти поужинать в ресторан. Оттуда они вышли в двенадцатом часу ночи. Брындина пошел провожать Гордееву, Лухманов — Лопатину, Синельников — Мыцкову. Нападение трех неизвестных, по словам Брындина, было совершено минут через 20 после того, как он расстался с товарищами.

Сразу же после допроса Брындина следователь предложил ему указать то место, где, по его словам, произошло нападение преступников и было совершено изнасилование и убийство Гордеевой.

С этого места были взяты образцы почвы.

Допросом Лухманова, Синельникова, Мыцковой и Лопатиной были полностью подтверждены показания Брындина, касавшиеся его времяправождения вечером 22 октября до того, как они расстались. Одновременно с этим в процессе допроса Мыцковой и Лопатиной было установлено алиби Лухманова и Синельникова, которые во время убийства находились с этими девушками.

В целях проверки показаний Брындина, относящихся к обстоятельствам убийства Гордеевой, были допрошены хозяева дома № 41-б, супруги Гаршины. Они подтвердили, что в первом часу ночи они действительно были разбужены стуком в окно. Подойдя к окну, Гаршин увидел Брындина, который сообщил ему о нападении на него неизвестных преступников, и, поскольку, по его словам, Гордеева еще могла быть живой, попросил вызвать скорую помощь. Гаршин пошел одеваться, а когда вышел из дома, то увидел Брындина в конце улицы в обществе двух мужчин, в одном из которых он узнал Степанова.

Таковы были данные, собранные к исходу первого дня расследования.

На основе их следователь наметил следующие версии.

1. Гордеева изнасилована и с целью сокрытия преступления убита Брындина.

2. Гордеева изнасилована и убита тремя неизвестными преступниками.

Очевидно, что для проверки обеих этих версий важнейшее значение приобретала проверка показаний Брындина, которые производили впечатление вымышленных.

Брындин путался в отдельных деталях, относящихся к обстоятельствам совершения преступления. Но, с другой стороны, тому, что преступление совершено Брындина, противоречило, на первый взгляд, его поведение после убийства Гордеевой. Вместо того, чтобы скрыться с места преступления, Брындин обратился за помощью к Гаршинам. Правда, объяснить это можно было тем, что о его пребывании с Гордеевой было известно Лухманову, Синельникову и двум подругам Гордеевой. Но это могло объясняться и его желанием спасти Гордееву.

Продумывая пути проверки показаний Брындина и установления действительного убийцы Гордеевой, следователь прежде всего решил проверить каждую деталь в показаниях Брындина с помощью экспертизы.

Брындин указывал, что местом действительного убийства Гордеевой не мог быть овраг. Для проверки этого факта следствие располагало такими вещественными доказательствами, как волосы, найденные на дне оврага, и одежда Гордеевой с пятнами грязи, происхождение которых могло быть установлено экспертизой.

Брындин заявлял, что он не был в овраге. Это обстоятельство могло быть выяснено исследованием пятен грязи на его одежде.

Брындин утверждал, что преступление было совершено в тот момент, когда он вследствие полученного им сильного удара потерял сознание. Для проверки этого обстоятельства можно было назначить судебно-медицинскую экспертизу, поставив перед ней задачу — установить возможность потери сознания в результате тех ударов, о которых говорил Брындин.

На втором допросе Брындина объяснил образование царапин и ссадин на ногах тем, что за три дня до случившегося он, будучи пьяным, запутался в проволоке. Время образования этих царапин могло быть установлено судебно-медицинским освидетельствованием Брындина.

Одновременно с назначением экспертиз по делу следователь решил выяснить, не было ли свидетелей убийства.

В заключение было решено собрать данные, характеризующие личность Брындина.

Реализация намеченного плана дала в распоряжение следователя ряд важных косвенных доказательств, разоблачавших созданную Брындина версию и изобличавших его в совершении преступления.

В заключении биологической экспертизы указывалось, что волосы, найденные на дне оврага, вырваны из головы человека и сходны с волосами Гордеевой.

Заключением химической экспертизы устанавливалась однородность грязи, взятой из пятен на одежде Гордеевой и Брындина. И та и другая грязь существенно отличались по структуре и составу компонентов от почвы того места, где по словам Брындина, было совершено преступление, и совпадали по химическому составу с почвой дна оврага.

Заключением судебно-медицинской экспертизы было установлено, что на голове Брындина не обнаружено таких повреждений, от которых могла бы наступить потеря сознания. Время образования царапин на коленях Брындина не превышало суток со времени освидетельствования и, следовательно, совпадало со временем убийства.

Таким образом, пункт за пунктом опровергались показания Брындина.

В процессе дальнейшего расследования удалось установить еще ряд важных обстоятельств. Путем допросов местных жителей следователь выяснил, что, возвращаясь с работы, гражданка Недоноскова, проживавшая на Мельничной улице, видела двух молодых людей — мужчину и женщину, стоявших на пустыре около оврага. Их лиц она не разглядела. Когда Недоноскова входила в дом, она услышала короткий женский крик. Обернувшись в сторону того места, где стояли люди, Недоноскова увидела, что там никого нет.

Время и место, где Недоноскова видела людей, совпадало с временем и местом убийства Гордеевой.

Собирая сведения о личности Брындина, следователь установил, что в прокуратуре г. Уральска имеется приостановленное следственное производство по обвинению Брындина в покушении на изнасилование несовершеннолетней К. Дело это было приостановлено в связи с тем, что Брындина сразу же после покушения на изнасилование в июле 1953 года скрылся из г. Уральска.

Из ознакомления с делом и опроса К. было выяснено, что 7 июля поздно вечером Брындина напал на К., стоявшую у калитки дома, где она проживала, и, свалив ее на землю, пытался изнасиловать. Когда К. начала кричать, Брындина зажал ей рот рукой и при этом нанес ей повреждения в виде ссадин вокруг рта и кончика носа. Характер и расположение ссадин были аналогичны повреждениям на лице трупа Гордеевой.

Преступление Брындина не было доведено до конца, так как он испугался крика К. и скрылся.

В суде под тяжестью собранных доказательств Брындина признал себя виновным в изнасиловании и убийстве Гордеевой.

Суд приговорил Брындина к строгому наказанию.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Умелое применение научно-технических средств следователем — важное условие успешного расследования преступлений	3
Использование вещественных доказательств способствовало раскрытию преступления — Н. П. Афенко	11
Оперативность следователя помогла изобличить преступника — Н. Г. Михеев	23
Важность обнаружения вещественных доказательств — П. И. Ковтун	32
Обнаружение следов пальцев рук помогло изобличить преступников — И. И. Лысов	41
Тщательный осмотр обеспечил успех расследования — В. Г. Заикин	49
Следы и вещественные доказательства как средство розыска и изобличения преступника — А. Д. Ворублевский .	56
Преступник изобличен по следу ладони — К. М. Стаборин	65
Дактилоскопирование трупа позволило установить личность убитого — Н. Г. Бикина	74
Значение своевременного осмотра места происшествия — Н. И. Черноскутова	81
Применение научно-технических средств для фиксации следов ног — С. С. Куклянскис	93
Значение правильной фиксации результатов осмотра места происшествия — С. А. Кузленков	97
Использование фотоснимков и чертежей при исследовании хищения и поджога — В. В. Клочков	109
Примеры успешного использования фотоаппарата — В. И. Шиканов	120
Фотосъемка при расследовании нарушений правил техники безопасности — Н. Ф. Кузьменков, Н. С. Попкова .	129
Опыт использования в следственной практике научно-технических средств — С. И. Коневский	138
Применение цветной фотографии при расследовании преступлений — Л. А. Мариупольский	147
Использование стереофотографии при исследовании вещественных доказательств по делу об убийстве — По материалам ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР	152
Экспертиза способствовала изобличению преступника — По материалам Главной транспортной прокуратуры	156